77 02/176

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕТРОГРАДСКИЙ ОТДЕЛ ВЫСШЕГО
ВОЕННОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА.

77 02/176

М. П. КАМЕНСКИЙ.

ГИБЕЛЬ XX КОРПУСА

8/21 февраля 1915 года.

(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ШТАБА 10 АРМИИ).

С 10-ю схемами, 2 кроки и 2 отчетными карточками.

9 Ив/7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ—1921

Петроградским Отделом Высшего Военного Редакционного Совета

Выпущены в свет:

В. А. Златолинский. Библиографический указатель по вопросам строительства вооруженных сил по милиционной системе.

А. А. Рябинин. Милиционная армия, как система вооруженных сил в современном государстве.

Проф. В. В. Яковлев. Руководство по подземному минному делу. Часть 3-я. Тактика и техника минной борьбы.

Проф. Ф. А. Макшеев. Артиллерия в войну 1914 — 1918 г.г. на франко-германском фронте. (По сочин. франц. артилл. генерала Гаскуэна).

В. А. Златолинский. Методы и приемы выполнения военно-статистических работ.

Игнатович. Боевая памятка младшего командного состава.

А. Семенов. Подготовка самостоятельного стрелка.

Вальтер Фогель. Барановичи 1916 г. (Издание германского госуд. Архива). Перевод с немецкого, под редакцией генштаба проф. П. И. Изместьева.

В. Булгаков. Пехотная разведка. (Работа отдельного разведывательного дозора).

В. Товаров. Полевая памятка для отделенного командира, разведчика и старшего в звене.

В. Булыгин. Практические приемы обучения стрелка, звена и отделений в боевой цепи. Обучение отделений.

Пионерные и инженерные средства борьбы. Из книги германской службы ген. Шварте „Техника в мировой войне“). Перевод с немецкого проф. военно-инженерной академии В. В. Яковлева.

Бои на реке Зап. Буге летом 1915 г. (Изд. Германского Ген. Штаба). Перевод с немецкого, под редакцией генштаба Л. Ф. Тигранова.

Зимняя операция в районе Мазурских озер. (Изд. Герм. Ген. Штаба). Перевод с немецкого Р. М. Модлина, под редакцией Генштаба М. П. Каменского.

Прорыв русского карпатского фронта у Горлицы-Тарнова в 1915 г. (Изд. Герм. Генер. Штаба). Перевод с немецкого под ред. Генштаба В. А. Златолинского.

Г. П. Бадер. Уход за материальной частью 3-дюймового полевого скорострельного орудия, образца 1902 г.

Н. Щеглов. Пособие командирам полевой артиллерии.

Печатаются:

Лодзинское сражение. (Изд. германского ген. Штаба). Перевод с немецкого А. Н. Далина, под редакцией генштаба проф. П. И. Изместьева.

Проф. Н. А. Данилов. Влияние мировой войны на экономическое положение России.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следует читать.*
7	15 снизу	снисходительно	снисходительного
9	14 снизу	инициативы	инициативы
16	8 сверху	укрепленной	укрепленной
—	13 снизу	момента, Инженерное	момента. Инженерное
18	14 сверху	со отороны	со стороны
20	3 снизу	телеграммой (от 31 января) посланной	телеграммой (от 31 января), посланной
28	2 сверху	не весомый	весомый
29	11 снизу	что грозило бы	что грозило
33	6 снизу	образовывшие	образовывавшие
41	13 сверху	XXI и XXXVIII	XXI, XXXVIII
47	2 сверху	грань	грани
47	12 сверху	со всего фронта	со всего фронта,
48	4 снизу	в Ковно	в Ковну
53	12 снизу	занят	занять
57	17 сверху	Виллюпен	Виллюнен
57	6 снизу	германцев XX	Германцев. XX
59	3 сверху	пенна	ценна
60	5 сверху	Линденбума	Линденбаума
60	1 снизу	аттакован	атакован
61	3 снизу	Их никто не исполнял	Их никто не получал и их никто не исполнял
62	18 сверху	Иоганиесбург	Иоганнисбур
64	5 снизу	Коминдир	Командир
82	13 снизу	дни	дни
82	4 снизу	беснаказанно	безнаказанно
87	23 сверху	от Осовца	от Осовца.
93	18 снизу	вдаль	в даль
96	16 сверху	как из'яв	как, из'яв
110	4 сверху	не тревожимые	слабо тревожимые
114	6 сверху	дали основание	дала основание
114	9 снизу	ко стороне	в стороне
116	12 снизу	он конечно	он, конечно
120	7 сверху	ситуациия	ситуации
120	8 сверху	т. е. в силу наслоившихся психологических предпосылок, по закону ассимиляции	(т. е. в силу наслоившихся психологических предпосылок, по закону ассимиляции)

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следует читать.*
122	2 сверху	не несшего потерь	не несшего больших потерь
122	11 снизу	Генгросу	Гернгросу
123	18 сверху	три ея	три её
124	3 снизу	Генгроса	Гернгроса
125	19 сверху	путей, ведущий	путей, ведущих
126	9 сверху	операций	операции
128	18 сверху	было бы на самом	было на самом
130	5 сверху	первое время по этому	первое время поэтому
134	10 снизу	южнее д. Серскиляс. Фронтом на Августов это	Южнее д. Серскиляс фронтом на Августов. Это
134	5 снизу	занятым 138	занятые 138
137	5 сверху	правильная мысль	правильную мысль
137	12 сверху	сведедения	сведения
139	3 сверху	кананаде	канонаде
141	2 снизу	и взводом 53-й	и взводом 53-й,
149	19 и 20 сверху	слишком выдвинутым	слишком выдвинуто
150	13 сверху	быстро захлебнулись	быстро захлебнулась
150	11 снизу	боевото	боевого
151	7 сверху	для которых	которым
151	12 снизу	В течении	В течение
152	2 сверху	до крайности изнурены	до крайности изнурены;
172	13 снизу	Части, гарнизоны	Части гарнизонов
175	6 и 7 снизу	входившив	входивших
185	7 сверху	противника	противника
185	5 снизу	препятсвия	препятствия
187	17 снизу	беспорядке	безпорядке
189	6 сверху	Иоганисбург	Иоганнисбург
191	8 снизу	будут обезпечиваться	будет обезпечиваться
194	4 сверху	двух дней в виду	двух дней ввиду
196	12 снизу	Генерал-ад'ютан Русского	Генерал-ад'ютанта Рузского
196	6 снизу	на линию Осовец	на линии Осовец
199	4 сверху	с обстановкой, отходом	с обстановкой и с отходом
201	10 снизу	Часть	Честь
202	2 снизу	Троицкий	Тройцкий

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕТРОГРАДСКИЙ ОТДЕЛ ВЫСШЕГО
ВОЕННОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА.

77 02
17ъ

М. П. КАМЕНСКИЙ.

ГИБЕЛЬ XX КОРПУСА

8/21 февраля 1915 года.

(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ШТАБА 10 АРМИИ).

С 10-ю схемами, 2 кроки и 2 отчетными карточками.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ—1921

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
14724 - 23

Р. В. Ц. № 250. Тираж 1000 экз.—1922.

Военная типография Штаба Р.-К. К. А. (площадь Урицкого, 10.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

ОТ АВТОРА 7

Источники 12

ГЛАВА I-я. Общее положение 10-й армии в начале января 1915 года. Цели и задачи, на нее возложенные. Линейно-крепостное построение. Необеспеченность флангов. Место штаба армии; тыловые пути. Значение этих обстоятельств в ряду причин, подготовивших катастрофу. Сетования Главнокомандующего фронтом на неудовлетворительную разведку конницы. Результаты выдвижения ее. Указания штаба фронта на близость общего перехода в наступление 14

ГЛАВА II-я. Обстоятельства, побуждавшие германцев не медлить собственным переходом в наступление в Восточной Пруссии. Общие сведения о противнике. Расположение XX-го корпуса; его состав. Тыловые пути корпуса и влияние их направлений на будущие судьбы группы генерала Булгакова. Случайности, неблагоприятно складывавшиеся для русской армии и способствовавшие успеху германцев. Первые признаки предстоящего наступления противника, по сведениям Штаба Армии. Наступление армий Белова и Эйхгорна в направлении обоих флангов. Бои 25-го и 26-го января. Действительное положение противника. Доклад командира III корпуса Командующему армией по прямому проводу. Оценка генералом Сиверсом общего положения дел, сделанная им в разговоре по прямому проводу с Начальником Штаба фронта генералом Гулевичем 27

ГЛАВА III-я. Директивная телеграмма Главнокомандующего фронтом. Меры, предпринятые командующим 10-й армией для усиления левого фланга. Решение генерала Сиверса отвести армию на тыловые позиции и предварительные его распоряжения в этом смысле. Положение сторон 27-го января (9 февраля). Дальнейшее развитие германцами обхода правого фланга армии; сводка сведений о их силах в данном районе. Приказ по армии № 2. Указания командира III-го корпуса на случай отхода Вержболовской группы; начало отступления право-флангового участка. Распоряжения командира XX-го корпуса в развитие приказа по армии. Положение, создавшееся к вечеру 28-го января вследствие отвода фланговых корпусов и удержания на занимаемых местах центральной группы генерала Булгакова. Выход из боя III-го армейск.

стр.

корпуса. Сосредоточение резервов в районе Лыка для перехода в наступление против XL германского корпуса. Отход XX-го корпуса. Группировка германских армий к утру 29-го января (11 февраля). 49

ГЛАВА IV-я. Сведения о противнике, сообщенные генералом Леонтовичем, побуждают командующего армией начать общий безостановочный отход. Предположение отступить на линию Немана. Отношение Главнокомандующего фронтом к принятому генералом Сиверсом решению. Переговоры по прямому проводу штаба армии со штабом фронта. Особое мнение генерала Будберга и расхождение его во взглядах с командующим армией. В результате переговоров Главнокомандующий предоставляет генералу Сиверсу „свободу действий". Положение на левом фланге армии 29-го января. Приказ по армии № 3. Общая организация отступательного марша. Переход XX-го корпуса на линию Кл. Кальвейтшен—Нассовен—Шиткемем — Блиндгаллен — Дубенинкен — Горбассен в ночь на 30-е января. Бой в районе 27-й пехотной дивизии. Приказ командира XX-го корпуса № 416. Итоги дня 30 го января (12 февраля). 73

ГЛАВА V-я. Доклад начальника штаба 10-й армии по поводу положения на фронте армии. Подготовка к удару в правый фланг германцев со стороны Райгрода. Выделение из состава XX-го корпуса 28-й пехотной дивизии. Директивная телеграмма Главнокомандующего фронтом от 31 января № 7576. Предположения командира XX-го корпуса на 31-е января. Действительный ход событий. Действия 27-й и 29-й дивизий и оценка этих действий. Донесение штаба XX-го корпуса о занятии Сейны. Положение дел на остальных участках фронта 10-й армии в представлении штаба армии. Действительное расположение 8-й и 10-й германских армий. Обмен телеграммами между командиром XX-го корпуса и командующим армией по поводу отхода к Августову . 97

ГЛАВА VI-я. Оценка командующим армией общей обстановки, в частности, на участке XX-го корпуса. Изложение генералом Сиверсом в телеграмме на имя генерала Булгакова собственных взглядов на способ и характер действий XX-го корпуса. Критический анализ последних распоряжений Командующего армией. Назначение для XX-го и XXVI-го корпуса новых тыловых путей. Взаимное расположение сторон к ночи на 1-го февраля и вытекающее из этого заключение по поводу возможности для XX-го корпуса выполнить безнаказанно марш на Махарце-Гибы,-Сопоцкин. Последняя инструкция генерала Сиверса отнвсительно марша 3-х корпусов. Перерыв связи между штабом армии и XX-й корпусом. Отход на линию Бобра III-го Сибирского и XXVI-го корпусов. XX-й корпус предоставляется собственной участи. Соображения по поводу возможности беспрепятственного отхода корпусов армии в условиях обстановки с 1-го по 5-го февраля. Сводка Штаба фронта 113

ГЛАВА VII-я. Организация марша XX-го корпуса на Сопоцкин. Занятие 27-й дивизией из состава главных сил озерного дефиле у д. д. Дановске и Копаница. Действия

стр.

бокового отряда генерала Чижова 2-го февраля и в ночь на 3-е (16-е). Бой у д. д. Серскиляс и Дальниляс. Поражение частей 42 германской дивизии. Значение этого успеха в связи с действиями бокового авангарда. Движение генерала Чижова на Грушки. Столкновение бокового авангарда 4-го (17-го) февраля с немцами у д. д. Волкуши и Богатыри. Разрозненность действий бокового авангарда и главных сил. Движение главных сил в течение 4-го февраля. Столкновение арьергарда с частями 78-й германской рез. дивизии у д. д. Тоболово и Махарце. Отход главных сил корпуса на Тартак и Рудавка. Дело 5-го февраля у д. Волкушек. Наступление германцев на позицию генерала Чижова у д. Волкуши. Итоги боевых действий авангарда и главных сил за время со 2-го (15) по 5-е (18) февраля 129

ГЛАВА VIII-я. Командир корпуса останавливается на решении прорываться на участке д. д. Марковцы — Богатыри. Действия войск правого и левого боевых участков в бою на прорыв 6-го февраля. Неудача этого прорыва и непосредственные ее причины. Положение корпуса 7-го февраля. Отход арьергарда к д. Липины. Переформирование арьергарда. Приказ командира корпуса для повторения прорыва в ночь на 8-е (21) февраля. Движение авангарда. Постепенное развертывание событий у фольверка Млынек и наростание окончательной катастрофы. Гибель главных сил корпуса. Действия арьергарда полковника Дрейера на Липинской поляне. Выход германской колонны 76-й рез. дивизии со стороны д. Рубцово в тыл арьергарду. Переход арьергарда на новую позицию. Завершение немцами полного его окружении. Последние минуты оставшихся частей XX-го корпуса. Неудачный переход в наступление 10-й армии 8-го (21) февраля „с целью выручить своих, геройски продолжающих борьбу, товарищей XX-го корпуса“. 146

Приложения: №№ 1—23

ОТ АВТОРА.

„...но истина, Платон, мне
все таки дороже"

Основным источником, из которого почерпнуты данные, касающиеся всех обстоятельств гибели XX корпуса, послужил материал следствия, произведенного в том же 1915 году (см. перечень источников).

Этот материал представлен в виде копий с оперативных телеграмм, сводок, как оперативных, так и сведений о противнике, приказов, описаний действий некоторых войсковых частей, свидетельств отдельных лиц, счастливо избегнувших плена и т. п.

Неполнота материала, совершенно отсутствующего в отношении III Сибирского и XXVI корпусов, 53-й и 28-й дивизий, а также конной группы генерала Леонтовича, способна разочаровать и расхолодить даже непритязательного и снисходительно читателя. К величайшему огорчению самого автора, остальной материал только отчасти представлен, притом условно, в первоисточнике; изысканиями следственного аппарата этот первоисточник направлен в определенное русло. Показания начальника 28-й пехотной дивизии не обогащают фактическим материалом. Некоторые документы носят яркий отпечаток субъективности, в борьбе с которой, вследствие недостатка историко-фактических засечек, исследователь должен был признать свое бессилие.

Трагические моменты в ходе событий, имевших вес в судьбе как всей 10-й армии, так и, в частности, XX корпуса, например, отход III армейского корпуса, выступают бледно среди леса вопросительных знаков.

Автор должен исповедаться перед читателями, признавшись, что даже самое внимательное, тщательное изучение

материала не позволило ему определить служебное положение некоторых лиц, например, генерала Омельяновича, начальника Иоганнисбургского отряда. Одинаковым образом, он потерпел полную неудачу в своих попытках установить сколько нибудь точно положение XX корпуса во все время его отхода с Гольдап-Грабовенской позиции, хотя бы к утру 31-го января.

Как результат всего этого, действия XXVI корпуса обойдены молчанием; о III Сибирском корпусе пришлось сказать очень немного.

Таким образом, картина гибели XX корпуса представлена в декоративном панно, на которое не лучше ли посмотреть „не вооруженным" глазом с „последнего ряда кресел".

Тем не менее, эта картина, не смотря на всю свою, быть может, грубую эскизность, представляет громадный интерес уже потому одному, что знакомит читателя с действительным размахом современной маневренной войны.

Трагедия X армии, обусловившая и катастрофу XX корпуса, заключалась именно во взаимном несоответствии масштабов, взятых каждой из сторон.

В то время, как германское командование мыслило, обнимая сущность операции, в стратегических формах, X армия замкнулась в шорах тактических решений, не ответив маневром на маневр.

В этой операции сказалось банкротство высшего управления и крупных начальников, не сумевших подняться над уровнем собственной подготовки мирного времени в моменты, когда война неожиданно для них развернула необычайные горизонты и потребовала решений, о которых они хотя и знали, но на которых никогда не практиковались.

Обстоятельства, повлекшие за собою гибель XX корпуса не только интересны, но и поучительны с различных точек зрения: они прежде всего красноречивы сами по себе, несмотря на окружающие их неясности, недомолвки и противоречия, и выступают настолько скульпторно, что разобраться в основных причинах катастрофы не представляет особенного труда даже при неполном освещении.

Независимо от общего очерка действий XX корпуса, составленного в штабе армии, следствие, в свою очередь,

собрало и обработало весь материал, перелив его в „отчет о действиях XX корпуса с 20-го января по 8-е февраля 1915 года“, правда, несколько более подробный, тем не менее сохранивший полное подобие содержания с очерком, о котором только что было сказано.

Как отчет, так и описание, составленное в штабе армии, стали канвой для узора, совершенно, однако, иного рисунка, чем тот, который избрал для себя следственный аппарат.

Следствие, имевшее целью пролить свет на причины катастрофы, остановились на выводе, или, по крайней мере, вело к тому, что в обстановке, в которой с самого начала наступления германцев пребывала 10-я армия, XX корпус неизбежно, роковым образом, шел к гибели. Волею судьбы, он, обреченный, должен-был быть принесен в жертву, ради спасения всей 10-й армии. Правда, его терновый венец перевит лаврами.

С такой линией анализа очень трудно согласиться.

Следствие обходит молчанием кое-какие моменты, связанные с распоряжениями Главнокомандующего фронтом. Оно трогательно—нежно прикасается к некоторым болезненным узлам в руководстве ходом операцин со стороны командующего 10-й армией и матово говорит о таких эпизодах, как, например, выход из боя III армейского корпуса генерала Епанчина, квалифицируя его действия, как „проявление частной инициативы вне связи с общей обстановкой“. Вместе с этим, слабая, отраженная тень неопределенного контура незаслуженно брошена на начальника штаба армии, в сущности, единственного человека, который разобрался в обстановке и видел приближение грозной опасности еще в тот момент, когда штаб фронта, в лице его начальника, легкомыслено высказывался: „будем надеяться, что начатое так внезапно наступление будет причиною наших больших успехов“.

Боевой барометр продолжал стремительно падать. Но генерал Будберг оставался по прежнему одиноким в своих крайних тревогах; некоторые из его распоряжений и доклады, шедшие в разрез со взглядами командующего армией, прозрачно об'ясняются долей душевной неуравновешенности человека, потрясенного внезапно нагрянувшими событиями

Весь материал, о котором я говорю, в сентябре 1918 г. был любезно предоставлен в мое распоряжение В. А. Апушкиным, который, надеюсь, как прежде, так и теперь нисколько не сомневается в моей ответной по его адресу глубочайшей признательности.

Встреча и беседа с А. П. Будбергом в дни, непосредственно следовавшие за гибелью XX корпуса, позволили автору тогда же выслушать грустную и горячо-рассказанную повесть от „altera pars".

Собственное основательное знакомство с местностью, лежащей в границах: на юге—течение Бобра, на севере—до параллели Граево—Райгрод—Августов и на востоке—линия железной дороги Августов—Гродна, дали мне возможность твердо держаться личной точки зрения на степень существовавшей тогда опасности, в смысле глубины обхода левого фланга 10-й армии XL рез. и частями I-го германских корпусов. Этот обход должен был иметь свои естественные границы.

Обработка всего материала, начатая мною в октябре 1918 года и доведенная до половины, прекратилась в конце декабря того же года, когда автор был призван на фронт, где и оставался до конца 1919 года.

Иные дни, иные заботы заслонили, уплывшие в даль прошлого, интересы.

Но в текущем году, Петроградский Отдел Высшего В.-Редакционного Совета приступил к переводу и изданию отдельных монографий из цикла: «Великая война в отдельных операциях", выпущенного в свет германским генеральным штабом в 1918 году.

Редактирование одного из очерков „Зимняя операция в районе Мазурских озер" было поручено мне. Сравнения и сопоставления напрашивались сами собою.

Автор невольно вспомнил о своей начатой работе и должен был признать, что знакомство с новым источником не требует никакого сдвига и не вносит никаких сколько нибудь серьезных коррективов.

Основная идея операции, ее план, цели, преследовавшие в то время германским командованием, и многое другое оказалось в плоскостях полного совмещения. Но появление но-

вого материала с противоположного полюса, конечно, позволило автору решить несколько частных уравнений и взглянуть на катастрофу, постигшую XX-й корпус, в лучах самых различных направлений и окраски.

Мне было предложено Военно-Научной Редакцией закончить свой труд, в параллель с монографией германского генерального штаба „Die Winterschlacht in Mazuren".

Такова родословная очерка, предлагаемого в настоящее время вниманию читателей.

Общеизвестное предостережение французов: „La critique est aisée... etc" не остановило автора. Изложение событий, приведших к гибели XX корпуса, инкрустировано критическим разбором в рамках, охватывающих исключительно изображение трагической судьбы корпуса. Поэтому я прохожу мимо, например, деятельности конницы, которая, кстати сказать, наводит на размышления по поводу громадных расстояний, отделяющих уменье командовать эскадроном и поддерживать в хороших телах конский состав от искусства водить на полях сражений конные массы в 40 эскадронов.

Критика, даже несправедливая, а тем более справедливая, желчная, режущая, огненная,—не осуждение; она—только суждение в поисках истины и, хотелось бы думать, во имя ее.

Было бы делом величайшей бесполезности судить людей за совершенные ими ошибки. Человек часто не раскаивается в содеянном им преступлении, но почти всегда приходит к сознанию своих заблуждений, которые его терзают, мучают, глубоко потрясая жизнь, и о которых „его воспоминание гложет, как злой палач"... Иное деяние „более, чем преступление,—это ошибка".

Критика—иногда накипь бьющей через край досады, горечи, обиды. Но чаще всего, это сильно действующее средство, принимаемое в достаточной дозе прежде всего критиком, сманивающим, в свою очередь, и других—ввести в свою кровь лимфу против заражения недугом, от которого, впрочем, никогда, никто и ничем не застрахован.

М. П. Каменский (Сипягус).

1 сентября 1921 года.

Источники.

1. Дело № 2 штаба 10-й армии за 1915 год (в извлечениях).

2. Реляция о действиях 27-й дивизии в период с 28 января по 8 февраля 1915 года, сост. начштаба полковником Дрейером (с последними минутами боя арьергарда, прорвавшегося через расположение германцев).

3. Описание боевых действий 27-й дивизии за тот же период, сост. ст. ад'ютантом штаба дивизии генштаба Шафаловичем (тоже избегнувшим плена).

4. Краткое описание действий арьергарда XX корпуса в бою 7—8 февраля у фольверка Млынек, сост. начальником штаба арьегарда, штаб-офицером для поручений при штабе XX корпуса генштаба Махровым.

5. Описание действий 108-го пехотного Саратовского полка во время отхода XX корпуса из Восточной Пруссии и спасения знамени полка, сост. командиром полка полковником Белолипецким, (избегнувшим плена и вынесшим знамя).

6. Рапорт старшего офицера 2-й батареи 27-й артиллерийской бригады штабс-капитана Шаповальникова от 21 февраля 1915 года № 9 (тоже избегнувшего плена).

7. Показание об отходе XX корпуса начальника 28-й дивизии генерал-лейтенанта Лашкевича.

8. Доклад состоящего в распоряжении Главком. Сев.-Зап. фронта генерала Сирелиуса [1]).

9. Краткое описание действий 113-го Старорусского полка, в период с 28 января по 9-е февраля, сост. командиром полка полковником Ольдерогге.

---

[1]) О действиях III-го Арм. Корпуса.

10. Описание действий 114-го пехотного Новоторжского полка за время с 29 января по 9-е февраля, сост. командиром полка полковником Ивановым.

11. Описание действий 115-го пехотного Вяземского полка, сост. вр. командующим полком подполковником Меглицким.

12. Доклад о действиях XX корпуса, с 12 часов ночи на 8-е февраля до 10 часов утра 8 февраля 1915 года, подпоручика Юшкевича.

13. Выписка боевых действий—показание бежавшаго из плена поручика 29-й артиллерийской бригады Фищенко.

14. Действия XX корпуса (обший очерк), сост. в штабе 10-й армии генштаба капитаном Рябцевым.

15. Отчет о боевых действиях XX корпуса с 20 января по 8-е февраля 1915 года, сост. великим князем Андреем Владимировичем.

16. „Зимняя операция в районе Мазурских озер", издание германскоге генерального штаба, 1918 [illegible] воде Р. Модлина).

ГЛАВА I.

Общее положение X армии в начале января 1915 года. Цели и задачи, на нее возложенные. Линейно-крепостное построение; необеспеченность флангов; место штаба армии; тыловые пути. Значение этих обстоятельств в ряде причин, подготовивших катастрофу. Сетования Главнокомандующего фронтом на неудовлетворительную разведку конницы. Результаты выдвижения ее. Указания штаба фронта на близость общего перехода в наступление.

В начале января 1915 года, главная масса армий Северо-Западного фронта группировалась на левом берегу Вислы. Это расположение вылилось непосредственно из столь неожиданно неудачно для нас разрешившейся Лодзинской операции.

После непрерывных бешеных атак германцев стремившихся прорвать фронт армии на наших позициях вдоль Бзуры, обе стороны обратились к методам позиционной войны, впервые получившей на Восточном фронте свое, пока еще слабое, выражение.

Обеспечение связи с глубоким тылом страны и прикрытие путей подвоза центральной группы армий Северо-Западного фронта, на участке от р. Шквы до нижнего Немана, было возложенио на X армию, которая, после целого ряда успешных боев, осенью 1914 года, подошла вплотную к укрепленной полосе Мазурских озер и к подготовленной немцами к обороне линии р. Ангерап. (Схема 1-я).

Подошла и замерла, остановленная в своем движении силою долговременных позиций, а также изобилием и разнообразием искусственных препятствий, самое же главное ничтожностью или полным отсутствием в своем распоряжении технических средств для борьбы и для преодоления барьера, преграждавшего дальнейшее проникновение в Восточную Пруссию.

Инерция первоначальных успехов только заставила больнее ощутить воспринятый толчек, оборвавший победное шествие и совершенно не входивший в предположения Главнокомандующего Северо-Западным фронтом, (хотя и мало основательные, но тем не менее оптимистические), по поводу возможности развития мощного удара в районе X армии.

Главнокомандующий не скрывал своего неудовольствия. Он считал X армию достаточно сильною, чтобы бросить ее на самостоятельную и ответственную операцию, осуждая генерала Сиверса за его пассивность. Видимо, уроки, преподанные русской армии 1 германским корпусом Франсуа и Гинденбургом, прошли бесследно: их усвоили или те, для которых все земное было уже глубоко чуждо или те немногие, которые, попав в плен, не имели возможности воспользоваться дорого оплаченным опытом.

Что-же касается осознания превалирующего значения в современной войне тяжелой артиллерии и техники вообще, то этот догмат воспринялся всей своей полнотой значительно позже. Кстати, он был подсказан не столько собственным опытом, сколько продиктован откровенным признанием французов после первых же боев у Артуа и в Шампани.

Вслед за несколькими попытками атаковать укрепленную германскую позицию без необходимого для этой цели сотрудничества крупно-калиберной артиллерии, в штабе X армии окончательно установился взгляд на бесцельность этих атак и на безрезультатность всяких шагов, направленных к овладению главною неприятельской позициею помимо содействия тяжелой артиллерии.

С прибытием тяжелых калибров, снятых с крепостей на неугрожаемых фронтах или из расположенных непосредственно в тылу X армии, последняя повела против укрепленной линии Мазурских озер постепенную атаку по рецепту крепостной войны.

Но это было далеко не то, чего хотел генерал Рузский и на чем он не переставал настаивать.

Между тем, X армия, в составе, по определению самого Главнокомандующего, 192 бат. и 60 эск. (см. прилож. № 1) за-

нимала фронт от д. Сударги, примыкая правым флангом к Неману, до Иоганнисбурга, общим протяжением около 160 верст.

Полоса местности вдоль левого берега Немана и по обеим сторонам Шешупы разведывалась и освещалась 1 и 3 кавалерийскими дивизиями.

Далее, от северной опушки Шареленского леса (южнее Ласденена) до Дингляукена стоял III армейский корпус, так называемая Вержболовская группа. Против укрепленной позиции германцев на р. Ангерап располагался XX корпус, имея южнее себя, против Летцена, XXVI корпус. Левый фланг (до Николайкена) образовывал III Сибирский корпус, от которого (из частей 57 п. д.) был выдвинут к Иоганнисбургу особый отряд [1]). Штаб армии находился у Маргграбова [2]). (Схема 1-я и приложение 2).

Общий характер расположения армии, по выражению самого ее начальника штаба барона Будберга, был „линейно-крепостной". Недостаточное искусство при организации обороны, необходимо опирающейся исключительно на узлы сопротивления, отсутствие веры в силу огневой связи, а быть может и полное непонимание ее, влекли за собою чрезмерную насыщенность боевой части за счет резервов, которые в силу этого оказывались истощенными задолго до приближения ответственного момента, Инженерное усиление позиций не шло дальше сплошных тонких линий окопов. На фронте 10-й армии этой склонности благоприятствовало протяженность расстояний. Командующий 10-й армией не располагал резервами; в корпусах этому обстоятельству было уделено столь скромное внимание, что в III-м армейском корпусе накануне наступления германцев в резерве оставался только один батальон.

Штаб армии сознавал всю рискованность такого положения, но относил его, причем недостаточно основательно, всецело на счет 160-верстного фронта. Приэтом он не представлял собою системы укрепленных полос, о которых в то время X армия не подозревала. Тонкие же оборонительные линии не могли претендовать на „укрепленность".

---

[1]) Освещение и наблюдение в районе расположения крайнего левого фланга возлагалось на 1-ю отдельную кавалерийскую бригаду ген. Ванновского и 48 каз. полк полк. Бендерева.

[2]) На схеме Маркграбова.

Таким образом, русская армия в описываемое время еще не успела очиститься от некоторых грехов и дурных привычек, с которыми она вышла из войны 1904—1905 г.г.

Здесь мы сталкиваемся со столь знакомой (и теоретически преданной анафеме) типичной формой развертывания корпусов.

Стремление все охватить и везде быть одинаково боеупорным исключало всякую мысль о маневре, ибо сущность последнего таит в себе идею сочетания незначительных, сравнительно, передовых боевых частей с основным сильным ядром.

Вследствие этого, весь фронт армии обращался в легкорасчленяемый и распыляемый кордон; отрицательные свойства его пытались обезвредить ежедневными работами по постройке окопов и усовершенствованием позиций. Но это был палиатив, не внесший успокоения в сердца командного состава и штаба армии, напряженно ожидавшего и опасавшегося перехода германцев в наступление.

Район местности к северу от параллели Инстербурга давал широкую свободу наступательным операциям как той, так и другой сторонам, причем противник, опиравшийся на укрепленную линию Мазурских озер, обладал в этом отношении значительными преимуществами, помимо выгод, вытекавших из существования в тылу его богато-развитой железнодорожной сети, сходящейся в узел у Инстербурга.

Недостаточная маневроспособность нашей армии равным образом давала определенный перевес германской армии. Это обстоятельство представляло опасность, которую нельзя было не сознавать и которая облекалась, в воображении командующего X армией, в форму повторения маневра, уже однажды разыгранного против I армии генерала Ренненкампфа.

В письме своем на имя генерала Рузского, 10 января 1915 года, он пишет: „Нельзя забывать, что никто не гарантирует X армию от возможности повторения с нею того же маневра, что был сделан немцами против армии генерала Ренненкампфа, т. е. переброски против нее нескольких корпусов и нанесения ей короткого, но решительного удара“...

III армейский корпус, развернутый в линии общего фронта армии, на своем участке несколько уклонялся к юго-востоку; иными словами, без всяких усилий со стороны противника, одним лишь своим начертанием, так сказать геометрически, он уже оказывался обойденным.

Не имея впереди себя, или правее отдельного отряда, на подобие уступного авангарда у Иоганнисбурга, III корпус, а вместе с ним и вся X армия, являлись добычей сколько-нибудь энергичного неприятеля.

Между тем расположение III корпуса уступом позади правого фланга XX, хотя-бы с сохранением того-же „линейно-крепостного“ построения, уже сообщило бы двум крайним корпусам армии ту устойчивость, которой им не доставало.

Лесное пространство, простиравшееся по берегам Немана и р. Шешупы, обволакивало расположение правого фланга X армии и обращалось в чудесный подступ, скрывавший противника и скрадывавший процесс его накопления.

Те-же условия местности до крайности затрудняли деятельность двух кавалерийских дивизий, долженствовавших оберегать покой X армии на ее правом фланге. Понятно, что результаты разведки конницы оставляли желать многого. Разведка могла бы быть продуктивнее только при условии выдвижения кавалерийской группы к западу от лесисто-болотистого пространства, хотя бы к Ласденену.

На самом же деле, конница была ослеплена этим лесным пространством, которое делало ее несостоятельной. Командующему армией пришлось выслушать от начальника штаба фронта генерала Ораповского порицание по адресу конницы. (Телеграмма генералу Сиверсу, от 6 января № 6946). Приложение 8.

Фланги, как наиболее уязвимые точки фронта, должны были бы служить предметом особой заботливости и напряженного внимания со стороны ответственного командования. Войска, обеспечивающие фланг, а также и управление этими войсками не смеют обострять опасность, и без того невидимо реющую над оконечностями данного расположения.

Величайшая опрометчивость, которая с претворением угрозы в действительность квалифицируется как преступление,

это вверять охрану флангов войскам сомнительной боевой упругости и управлению сколько-нибудь условной ценности только по тому одному, что желательно соблюдать какую-то очередь в наряде по несению тяжелой службы на передовых постах или вследствие затруднительности изменения первоначального чертежа развертывания боевых сил.

Между тем, III корпус на две трети состоял из второочередных частей; 27-я пех. дивизия, входившая тоже в состав корпуса, с началом операции была передана в распоряжение генерала Булгакова. Примкнув к правому флангу XX корпуса, она сыграла впоследствии крупную роль, которой была лишена, когда находилась в составе Вержболовской группы.

Иоганнисбургский отряд составляли части 57-й дивизии. А что представляло собой большинство второочередных формирований по сравнению с постоянными войсками не только в первые дни их существования, но даже после некоторого боевого опыта,—об этом хорошо было известно далеко за пределами театра войны. Поэтому нельзя не признать, что группировка X армии, как в целом, так и в корпусах, совершенно расходилась с повелениями общей обстановки. Достаточно было взглянуть на карту и на схему расположения X армии, чтобы поставить диагноз того смертельного недуга, ядом которого был отравлен этот сложный, громоздкий, неповоротливый войсковой организм задолго до разразившейся катастрофы.

Итак, в то время, как в районе левого фланга армии, при малейшей неосторожности, со стороны противника могли создаться условия, если не для победы, то, по крайней мере, благоприятствующие успеху, напротив того, над правым флангом той же армии нависали, сгущались и снижались грозовые тучи.

О том, к каким конечным результатам могло привести наступление противника в направлении Иоганнисбург—Лык, штаб армии мыслил правильно, по крайней мере ее начальник штаба. Это обстоятельство подтверждается содержанием его телеграмм (от 31 января) посланных командиру XX корпуса уже в самый разгар боевой операции, о чем мы скажем несколько позже.

Сведения о противнике не удовлетворяли Главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Он находил их слишком скудными и относил это обстоятельство всецело к деятельности конницы. Одинаковым образом, он не разделял взглядов генерала Сиверса на способ решения задачи, возложенной на X армию.

Генерал - ад'ютант Рузский писал генералу Сиверсу (письмо 7 января 1915 года № 138):... „Задача эта может быть выполнена двояким образом: или активно, или пасеивно. Первоначально, X-я армия выполняла эту задачу активно и она достигла линии Мазурских озер и р. Ангерап. Однако уже более двух месяцев X армия уперлась в укрепленную позицию и приостановила дальнейшее наступление. Таким образом, X армия от активного способа выполнения своей задачи перешла к пассивному. Имея значительное превосходство сил, можно надеяться, что X армия займет выгодное охватывающее положение, дающее возможность развить активные действия на сообщения Кенигсберг через Велау-Фридланд, выдвинув для этого на правый фланг конницу с пехотой. Между тем положение правого фланга X армии явилось совершенно обратным, т. е. он не только не охватывает противника, но, наоборот, противник охватывает его своим флангом. Считаю крайне необходимым теперь-же выдвинуть правый фланг армии на р. Инстер конницей с пехотою... и т. д.“

Независимо от характера действий X армии, все ее расположение, взятое в целом, внушало тревогу, разделяемую и Главнокомандующим, но как-то бессознательно, вызывая в нем лишь неопределенное беспокойство. Например, генерал Рузский волновался по поводу неудовлетворительной разведывательной деятельности конницы, тогда как центр тяжести, конечно, был вне этого последнего обстоятельства.

Выдвижение вперед конницы, хотя бы поддержанной частями пехоты, в сущности, очень слабо меняло положение вещей. Действительно, шаги, предпринятые с 12 января в этом отношении со стороны X армии, согласно указаний ген. Рузского, немедленно вызвали самый энергичный отпор немцев. Приэтом, совершенно случайно подготовка германской армии к наступлению совпала с попытками генерала

Сиверса пойти на встречу директивным указаниям Главнокомандующего фронтом.

Что же васается упреков генерала-ад'ютанта Рузского по адресу X армии, осудившей себя, по его мнению, на пассивное выполнение возложенной на нее задачи, то, по существу, эти упреки едва-ли были справедливы.

Посколько центральная группа армий Северо-Западного фронта оставалась неподвижной на позициях левого берега Вислы, постольку дальнейшее проникновение X армии в в Восточную Пруссию не являлось условием sine qua non на фоне данной ей задачи. Сам-же Главнокомандующий признавал обстановку изменившейся, так как армия подошла вплотную к линии Мазурских озер.

Действия на сообщения Кенигсберг (почему Кенигсберг?) через Велау—Фридланд до сих пор не входили в программу X-ой армии, да и вообще не вытекали непосредственно из взаимного расположения сторон и могли привести только к печальному изматыванию конницы, к тому времени уже много потрудившейся и достаточно утомленной.

Для командующего армией аргументация генерала Рузского, опиравшегося на сравнительные данные о силах противника, исчисляемого им в 76 т. штыков, против 192 баталионов с нашей стороны, при коэфициенте в 10% первоочередных войск, не казалась достаточно убедительной, чтобы признать командуемую им армию способной к развитию широких и притом самостоятельных операций.

Мало того, рядом с нареканиями относительно неполноты сведений о противнике, столь точно называемая цифра штыков у него могла вызвать недоумение.

Штаб X-й армии расположился у Маргграбова, на железной дороге и в узле шоссейных путей, отходящих на Гольдап, Сувалки, Мариамполь, Августов, Лык и Летцен.

Выбор пункта расположения штаба армий ближе к левому флангу, в расстоянии 110 верст по воздушной линии от крайнего правого, при общей величине фронта в 160 верст, естественным образом предопределял тяготение функций управления к левому флангу. Этим самым непроизвольно создавалась особая чувствительность штаба

армии к событиям, назревавшим на южном крыле; преждевременно вырисовывался довольно невесомый психологический фактор, влиявший на решения командующего армией незаметно для него самого, тем более, что он, естественно, не был чужд и чувства личного самосохранения.

Правда, во многих отношениях этот пункт представлялся исключительно удобным для расположения штаба армии: наличность готового поезда, в котором можно было работать на ходу, возможность проезда по железной дороге вдоль всего фронта, выгоды вследствие этого непосредственного общения с командным персоналом, близость к участку неприятельской позиции, против которой развивалась позиционная война, и т. п., все это были плюсы.

Тем не менее и физически, и психологически внимание командующего армией должно было сосредоточиваться преимущественно на левом фланге. Можно было заранее предсказать, что штаб армии будет реагировать много слабее на положение дел, создававшееся в различные моменты боевой операции в районе нахождения Вержболовской группы.

Однако, штаб армии, повидимому, не придавал особенного значения своей близости к левому флангу общего расположения. Он полагал себя достаточно независимым, чтобы противостоять вредным влияниям, излучавшимся с того направления.

Но штаб армии заблуждался. Отсутствовала оперативная свобода; ее не могло быть и в отношении пространства. Малейший нажим противника к стороне Лыка заставлял штаб армии оглядываться назад и подыскивать на карте место для более спокойной работы. Трудно было в одно и то же время спасать положение армии и озабачиваться благополучием своего собственного существования. В переводе на язык психологии, близость штаба армии к ее левому флангу предрешала фиксационную точку поля сознания в потоке тех бурных и тяжелых душевных переживаний, который нахлынули на командующего армией с первого же момента операции.

Так как в результате последовавшего вскоре наступления германцев, X-ая армия была отброшена к берегам

р.р. Немана и Бобра, усиленных крепостями и долговременными позициями, то небезинтересно осветить вопрос, как представлял себе командующий армией значение оборонительных линий этих рек в общей связи с действиями полевой армии.

Это важно еще и потому, что те или иные взгляды генерала Сиверса получили отражение в начертании схемы тыловых путей для корпусов, в частности и для XX-го, каковое обстоятельство в свою очередь намечало будущее развертывание армии на случай ее отхода к фронту Неман—Бобр.

Приказом по армии от 9 января № 39 тыловые дороги распределялись следующим образом: (Схема 2-ая).

Для III-го корпуса, без 27-ой дивизии,—Шталюпенен (Сталлюпенен)—Волковышки (Вильковишки)—Пильвишки—Ковна; для 27-ой дивизии—Мариамполь—Иглишки—Прены

XX-му корпусу—от Гольдапа на Шиткемен—Вижайны—Кальвария—Симно—Олита и для 28-ой дивизиии отдельно, на Филипово—Сувалки—Сейны—Меречь.

Для группы генерала Радкевича: XXVI-му корпусу через Маргграбово—Рачки—Махарце—Горчица—Сопоцкин на Гожу. III-му Сибирскому корпусу, без 57-ой дивизии, на Лык—Райгрод—Курьянка—Гродна; 57-ой дивизии указывался путь на Щучин—Гониондз—Домброво—далее тоже Гродна.

Итак, из общего количества 192 бат. и 60 эск., свыше 90 бат. с артиллерией и всей конницей [1]), т.-е. почти половина всей армии должна была укрыться в крепостях, где имелись собственные гарнизоны, расчитанные на силу верков, по крайней мере в Ковне. Таким образом, терялся всякий смысл крепости как таковой, между тем, нормально, полевая армия в своих операциях должна опираться на крепости, но не замыкаться в них, преждевременно лишаясь свободы маневра и самопроизвольно обрекая себя на такой конец, который является целью всемерных достижений со стороны противника.

Ложное или слишком узкое представление о значении крепостей на театре войны послужило причиной совершенно

---

[1]) По тексту приказа: особо о конннце ничего не говорится.

нерационального провешивания тыловых путей, что, в свою очередь, явилось одним из слагаемых в общей сумме несчастий, обрушившихся на X-ую армию и заключившихся гибелью XX-го корпуса.

К сожалению, главнокомандующий северо-западным фронтом слишком поздно удостоверился в том, что командующий X-ой армией весьма далек от истинной оценки оперативного значения крепостей и выразил свое порицание взглядам генерала Сиверса в телеграмме от 9 февраля № 70Б уже после совершившегося факта, притом по совершенно иному поводу. Надо признать, что этот печальный факт мог быть устранен, если бы в распоряжения командующего армией своевременно были внесены некоторые коррективы. (Приложение 9).

Допустим, например, что вся сеть тыловых путей была-бы отведена к югу от Ковны, причем всему III корпусу указали бы главную дорогу на Мариамполь—Иглишки—Прены. В этом случае даже катастрофический отход III корпуса воспрепятствовал-бы свободному проникновению германцев в тыл XX-го корпуса.

Как бы то ни было, общее положение на фронте X-ой армии вызывало в главнокомандующем генерал-ад'ютанте Рузском вполне понятную для нас тревогу, но он черпал ее из того источника, который менее всего мог внушать беспокойство.

Главнокомандующего озабачивало—не растянутое расположение армии при резком несоответствии фронта ее силам, не легковесность флангов и даже не характерно-линейный порядок построения корпусов, при почти полном отсутствии тяжелой артиллерии и при незначительном количестве пулеметов. Штаб фронта отмечал „слабые сравнительно результаты разведки конницы", на деятельности которой, повидимому, расчитывали строить всю организацию осведомленности о противнике. Однако, эти сведения, как мы увидим впоследствии, довольно точно очерчивали обстановку, притом нельзя сказать, чтобы сколько нибудь в запоздалом виде.

С другой стороны, штаб фронта не вправе был надеяться, что конница восполнит все пробелы в организации

общей разведки, пробелы и дефекты, обусловленные отсутствием, обыкновенно еще в мирное время насаждаемых, органов шпионажа в тылу противника, а также недостатком пленных, вследствии наступившего затишья в боевых столкновениях, и, наконец, младенческим состоянием нашей военной авиации.

Только бой мог, и то до известных пределов, раздвинуть завесу, прикрывавшую глубину расположения противника, что дало бы возможность по крайней мере опознать степень плотности наслоения его резервов.

В действительности же, конница, брошенная, согласно требованию главнокомандующего фронтом, к стороне левого фланга германской армии обнаружила в этом районе скопление значительных неприятельских сил, которые и приостановили последующее продвижение нашей кавалерии. В сущности, этих сведений оказывалось совершенно достаточно, чтобы тогда же в общих чертах прозреть намерения противника. Во всяком случае, была полная возможность сообразить взаимное соотношение сил и продумать все вытекающие из него последствия.

Тем не менее, эти сведения никаких поправок в расположение армии не внесли. Мало того, начальник штаба фронта телеграммой 11 января за № 9403 ориентирует генерала Сиверса относительно готовящегося в ближайшем будущем общего перехода в наступление.

Пока главная масса армии Северо-Западного фронта сохраняла устойчивое равновесие в бассейне Вислы, неудачи X армии в ее попытках углубиться в Восточную Пруссию не могли иметь существенного значения и совершенно напрасно огорчали генерала-ад'ютанта Рузского. Но переход фронта в общее наступление исключал „отбивание шага на месте“ и требовал от X армии энергичного прыжка вперед. Само собой разумеется, что активные действия могли получить наиболее полное развитие лишь в стороне правого фланга армии.

В этом предположении необходимо было, в порядке особой спешности, упрочить свое расположение в центре, в частности, против укрепленной полосы Мазурских озер, озаботиться принятием мер по обеспечению связи с цен-

тральной группой фронта, образовать резервы и стянуть их к правому флангу. Вслед за этим, можно было бы рекомендовать передвинуть в Шталюпенен или в Кибарты хотя бы оперативную часть армии, чтобы быть в центре главной операции и тоньше воспринимать пульс ее.

Но, насколько можно судить из сохранившихся официальных документов, ни признаки концентрации значительных сил противника в районе его левого фланга, ни предварение начальника штаба фронта о грядущем переходе в общее наступление не вызвали никаких перемен в положении армии.

Таким образом, даже счастливо складывавшиеся обстоятельства оказались бессильными и безмолвными, чтобы исправить ошибки, несознанные высшим командованием в тот момент, когда из простых и обычных им суждено было впоследствии сделаться роковыми.

ГЛАВА II.

Обстоятельства, побуждавшие германцев не медлить собственным переходом в наступление в Восточной Пруссии. Общие сведения о противнике. Расположение XX-го корпуса; его состав. Тыловые пути корпуса и влияние направления их на будущие судьбы группы генерала Булгакова. Случайности, неблагоприятно складывавшиеся для русской армии и способствовавшие успеху германцев. Первые признаки предстоящего наступления противника, по сведениям штаба армии. Наступление армий Белова и Эйхгорна в направлении обоих флангов. Бои 25 и 26 января. Действительное положение противника. Доклад командира III-го корпуса командующему армией по аппарату Юза. Оценка генералом Сиверсом общего положения дел, сделанная им в разговоре по прямому проводу с начальником штаба фронта генералом Гулевичем.

Стремление германской армии отбросить наши войска, удерживавшие позиции к западу от Вислы, на противоположный берег завершились полной неудачей.

Неисчерпаемая энергия противника, в то время еще достаточно свежего, чтобы непрерывно продолжать бой, несмотря на наступившую зиму, и не склонного—к тому же затягивать войну, искала новой точки приложения своих сил. Наступило вынужденное для германцев затишье, ко-

торым они воспользовались для перегруппировки своих армий, в соответствии с намеченным новым операционным направлением.

Наше верховное командование, ободренное тщетностью и крушением неприятельских атак на Привислянском фронте, в свою очередь лелеяло мысль о переходе в наступление, для чего формировало XII армию, которая под командованием генерала Плеве, должна была развернуться на Нареве и наступать совместно с корпусами генерала Сиверса.

Германской главной квартире, как всегда довольно хорошо осведомленной о наших военных мероприятиях, не только осуществляемых, но еще пока предположенных, оставалось сделать единственный вывод о необходимости возможно скорее расстроить план русского командования, вырвав из выковываемой им цепи одно из ее средних звеньев.

Стратегическая обстановка, слагавшаяся на восточном театре войны, в связи с тактически уязвимыми формами расположения X армии позволяли германскому генеральному штабу пойти навстречу общественному мнению страны, которое не мирилось с присутствием неприятельских войск на родной земле и настойчиво требовало изгнания их из пределов Восточной Пруссии.

В другое время, германская главная квартира, конечно, пренебрегла бы ламентациями прессы и положением сотен тысяч бесприютного населения, бежавшего из Восточной Пруссии, поскольку разрешение этого вопроса в тот момент шло в разрез с законами войны. Но в данном случае, равнодействующая подталкивавших сил являлась арифметической суммой всех различных влияний, факторов и причин.

Иного выбора не было, тем более, что перспектива отдельного поражения X армии представлялась совершенно ясно очерченной. С этим следовало торопиться, дабы затем быть готовым к встрече с противником на берегах Нарева.

Армии генерала Сиверса германцы противопоставляли сначала сравнительно незначительные силы, численность которых штаб фронта, преуменьшая, ошибочно фиксировал в 76 тысяч штыков, принадлежащих преимущественно к составу ландвера, ландштурма и запасных формирований.

К обороне укрепленной полосы Мазурских озер и позиции на восточном берегу Ангерапа, кроме постоянных гарнизонов в укреплениях Мазурских озер, были привлечены также войсковые части из Кенигсберга и крепостей, расположенных по нижнему течению Вислы.

Вся сила сопротивления зиждилась на присутствии сильной артиллерии, громадного числа пулеметов и на системе искусственных препятствий, отчасти для русской армии новых и неожиданных, преодолеть и уничтожить которые она к тому же или не умела, или не была в состоянии, за недостатком технических средств. Левый фланг 8-й германской армии, противопоставленной армии ген. Сиверса, охранялся 1-ой кавалерийской дивизией.

В период, предшествовавший переходу германской армии в наступление, ее северный фланг наиболее всего был уязвим и подвержен удару с нашей стороны. Конечно, главнокомандующий Северо-Западным фронтом был прав, указывая генералу Сиверсу направление для развития активных действий именно со стороны правого фланга X армии. Но для этого генералу Рузскому следовало остановиться на более определенных указаниях и вывести X армию из того оперативного тупика, к которому ее привела основная задача по прикрытию путей подвоза центральной группы армии Северо-Западного фронта.

Несомненно, был момент, когда движение против левого фланга германцев в Восточной Пруссии могло бы увенчаться успехом и приостановить атаки немцев на Бзуре, тем не менее не устранялась опасность неприятельского удара со стороны плацдарма Мазурских озер, что грозило бы полным расстройством армии, если бы она была отброшена на север от своих путей и прижата в угол, образуемый морем и нижним течением Немана. Да и нужно ли было подобное движение?

Штаб X армии, в своей сводке о противнике, представленной штабу фронта 25 января, т.-е. в день перехода немцев в наступление, донося о появлении новых частей, очень неопределенно суммирует силы противника. Общие итоги выражаются в $1^2/_3$ кавалерийских, 1 полевой, 1 резервной, 3 ландверных дивизиях, 1 полевом полке и 1 по-

левом батальоне, 2 запасных, 1 пехотном, 1 кирасирском ландверных полках, 16 ландштурменных и 3 запасных батальонах. Сводка не выделяла уже известные части противника от вновь появившихся и потому, в данном отношении, была скомпанована неудачно.

Рядом с этим, в позднейших сведениях о боевом составе армий Белова и Эйхгорна, почерпнутых из данных к 14-му февраля, т.-е. по завершении всей операции (приложение № 10), совершенно отсутствует указание о тех частях, которые были перечислены ранее и на которые, повидимому, возлагалась задача оборонять укрепленные позиции. Таким образом, при сопоставлении только этих данных трудно было бы получить представление о соотношении сил обеих сторон в различные фазы операции [1]).

Так или иначе, удерживая попрежнему укрепленную линию р. Ангерапа и позиции в полосе Мазурских озер, германцы начали накапливать войска на флангах, главным образом на своем левом, открытом и абсолютно безопасном. Концентрация ударной группы производилась за счет частей, снятых с Вислянского фронта, переброшенных с западного театра войны, главным же образом, вновь сформированных и перевезенных из внутренних областей страны.

Предпринимая наступление против 10-й русской армии, германское командование сосредоточило на фронте операции около $8^1/_2$ корпусов, т. е, по собственному признанию германцев, до 250 тысяч штыков. Корпуса были сведены на две армии. В состав 8-й армии генерала Отто фон-Белова входили: I-й корпус, 3-я рез. дивизия, XL-й рез. корпус, 5-я пех. бригада, 1-я ландверная дивизия, 10-я ландверная дивизия, войска Летценского гарнизона, 4-я кавалерийская дивизия и 3-я кавалерийская бригада. 10-я армия была под командою генерала Эйхгорна; в нее входили XXI-й армейский, XXXVIII-й и XXXIX-й рез. корпуса, 5-я гвардейская бригада, ландвер Кенигсберга и 1-я кавалерийская дивизия.

На фронте укрепленной линии Мазурских озер до начала операции германское командование имело около 100 тысяч штыков. Таким образом, штаб Северо-Западного

---

[1]) Ныне это соотношение устанавливается легко.

фронта, определяя силы германцев, противопоставленные армии генерала Сиверса в 76 т. штыков, расценивал их значительно меньше их действительной численности.

Усиление германцев на фронте укрепленных позиций у Мазурских озер произошло за счет XXI полевого корпуса и вновь сформированных XXXVIII, XXXIX и XL рез. корпусов. Общее командование группой армий было возложено на генерал-фельдмаршала Гинденбурга, штаб которого находился сначала в Познани, а затем, перед началом наступления, перешел в Инстербург.

План германцев заключался в следующем: XXI, XXXVIII XXXIX рез. корпуса, сосредоточенные за левым флангом основного ралположения 8-й армии, должны были под прикрытием 1-й кавалерийской дивизии выдвинуться к востоку от Шалеренского леса и повести глубокий обход правого фланга армии генерала Сиверса.

На центр, составленный из Кенигсбергской дивизии и лево-фланговых частей 8-й армии, возлагалась задача сдерживать стоящие против них XX и XXVI русские корпуса. К правому флангу 8-й армии были стянуты 2-я пехотная дивизия генерала Фалька и XL рез. корпус генерала Литцмана. Этой группе приказано было атаковать левый фланг армии Сиверса и способствовать ее окружению, отрезая с востока от Немана, а с юга от Бобра. Фельдмаршал Гинденбург свои предположения формулировал в следующей директиве, адресованной командующим 8-й и 10-й германской армии: „Я намерен двинуть 10-ю армию ее левым крылом в направлении на Тильзит-Вильковишки. Для охвата левого крыла неприятеля. Кенигсбергской дивизии, ландверу 10-й армии и левому крылу 8-й армии ударить по линии Арис-Иоганисбург".

Таким образом германское командование, нисколько не опасаясь воспроизведения „Аустерлица" на равнинах Восточной Пруссии, смело разрывало весь свой фронт в двух сначала расходящихся направлениях. Группа Отто ф.-Белова должна была тяжелым молотом ударить по голове русскую армию, в то время как корпуса ген. Эйхгорна готовились свалить ее толчком в спину. Идея „Канн" чеканно выступала в плане предстоящей операции, уже однажды с полным успехом

для германцев реализованная под Танненбергом против армии Самсонова.

Первые показания о присутствии значительных сил в районе сосредоточения резервов генерала Эйхгорна штаб X армии получил вслед за тем, как выдвинутый им отряд кавалерии, а затем предпринятые III корп. наступательные шаги наткнулись в окрестностях Ласденена на энергичный отпор немцев. Этому обстоятельству предстояло рассеять все иллюзии Главнокомандующего фронтом; в то же время косвенным образом оно как бы потверждало правоту точки зрения генерала Сиверса и укрепляло последнего в его оперативном мышлении.

Данные усиленной разведки были слишком красноречивы, чтобы позволительно было их игнорировать; выводы напрашивались сами собой. Счастливое совпадение, по времени, начала группировки армии Эйхгорна с моментом энергично поведенной разведки кавалерийской группой было шансом, только изредка выпадающим на долю высшего командования. В данном случае судьба была к нему милостива.

В распоряжении командующего X армией было достаточно времени, чтобы пойти с ней рука об руку; однако, он этим временем не воспользовался и решительно ничего не предпринял для того, чтобы, если и не захватить в свои руки инициативу то, по крайней мере, ослабить энергию ее выявления со стороны противника.

XX корпус, на который в конце концов обрушилась вся сила удара германской армии, числил в своем составе кроме 28 и 29 дивизий, по нормальной организации мирного времени, также и 53 (второочередную) дивизию. Несколько позднее, т. е. с 27 января, приказом по армии № 4, XX корпусу была придана 27 дивизия, примыкавшая к его расположению; обыкновенно она входила в состав III арм. корпуса. Боевой состав XX корпуса в различные периоды операции указан в приложениях №№ 3—7.

Части корпуса встретили наступление германской армии на укрепленной позиции восточнее р. Ангерап, по линии Иодзунен—Вальтеркемен—Багдонен—Грос Медунишкен—Брозовкен—Грос Штренгельн—Огонек, общим протяжением около 50 верст (вместе с участком 27 дивизии) (Схема 3).

Корпусу были указаны тыловые дороги: 27 пех. дивизии — на Мариамполь — Иглишки — Прены; для 29 и 53 дивизий — Гольдап — Дубенинкен — Шиткемен — Вижайны — Кальвария — Симно — Олита; для 28 пех. дивизии, левофланговой, Буддерн — Бенгхейм — Альт Ботшвинкен — Кл. Швальк — Циген — Филипово — Сувалки — Сейны — Лейпуны — Меречь.

Таким образом, в случае отхода X армии на линию Немана, XX корпусу вверялась оборона реки на участке от Прены до Мереча. Пути отходили прямо на восток в направлении, строго перпендикулярном к фронту. Для XX корпуса, если-бы он действовал отдельно и, значит, обладал свободой передвижения в сторону от этих путей,—иного решения вопроса о сети тыловых путей и быть не могло.

Но корпус представлял одну из оперативных единиц армии, связанных общностью боевых функций; его свободе ставились границы. Занятие же противником одного из пунктов, через которые проходили тыловые дороги, отрезало корпус от его конечных сообщений и опрокидывало на тыл соседних корпусов.

Чтобы избегнуть подобных сложных положений, нужно было не пропустить критического момента и во время уклонить линии сообщений всех корпусов в сторону, противоположную грядущей опасности. Повторяю, несколько иное с самого начала, направление путей для III арм. корпуса, автоматически повлекло бы за собою снижение к югу всех точек пересечения тыловых дорог с течением Немана. Тыл сделался бы менее восприимчивым к посягательствам на него со стороны противника.

Канун операции ознаменовался снежной бурей. Шторм свирепствовал в течение нескольких дней. Все дороги очутились под снежным покровом толщиной до полутора аршина.

Могучие порывы ветра сметали снег в сугробы, образовывшие поперечные барьеры высотою более сажени. Все было занесено обильно выпавшим снегом. Железнодорожные поезда не ходили, автомобильная тяга стала, кругооборот обозов застопорился.

Сильные морозы сменились оттепелью, затем температура снова пала, и на пересеченной местности образовались

ледяные горы, о которые скользили лошади, выбиваясь из сил, чтобы овладеть под'емом.

Движение по дорогам оказалось возможным только при содействии рабочих команд, вооруженных лопатами и кирками. Скорость марша обозов не превосходила четверти версты в час.

Тыл сразу замер; весь транспорт резко нарушился, притом как раз в то время, когда явилась потребность самого широкого пользования путями сообщения. Несколько дней подряд снежная метель препятствовала воздушной разведке, которая сделалась возможной лишь спустя четыре дня после того, как появились первые признаки нагромождения германцами резервов против правого фланга X армии.

Совокупность неблагоприятных обстоятельств пришла на смену счастливым случайностям, которых в свое время не оценили, а быть может просто и не заметили.

Под защитою снежного шторма, в суровую вьюгу, увязая по колено в сугробы, части германской армии торопились подтянуться к своему левому флангу, чтобы внезапно обрушиться лавиной на своего противника, застигнутого при полной своей неготовности к отражению удара еще и свирепой стихией.

С 23 января германцы предприняли вытеснение нашей конницы из лесистоболотистого пространства, обрамленного течением р. р. Немана и Шешупы. Неприятельская колонна силою около батальона пехоты с пулеметами и батарей, имея впереди полк конницы, двинулась со стороны Трапенена вдоль левого берега Немана (Схема 4).

Произошло столкновение; нами были взяты пленные, которые показали, что в районе боя действовал 5 гвардейский полк. Дальнейший опрос пленных указал на присутствие в районе Ласденена 137 полевого полка, гвардейского полка тяжелой артиллерии, а также, как и следовало ожидать, 5 гвардейского гренадерского полка, входившего в состав 5 гвардейской пехотной бригады. Те же пленные не скрывали, что ожидается прибытие из под Варшавы и с французского фронта подкреплений для перехода в наступление с целью вытеснить русскую армию из пределов Восточной Пруссии.

Появление полевых войск германцев в районе, в котором в данный момент отсутствовала сколько нибудь реальная для противника угроза с нашей стороны, было необычайно показательно. Одного этого факта было совершенно достаточно, чтобы догадаться о приготовлениях противника, направленных против X армии.

Прибытие новых войск никоим образом не походило на смену частей; оно именно обозначало сосредоточение в самом ближайшем будущем значительных сил, в чем нельзя было сомневаться, если мы обратим внимание на некоторые подробности.

Война протекала в таком периоде, когда ее старые, в свое время хорошо продуманные, тщательно и прочно усвоенные формы еще не обветшали и не перегорели в огне современного боя. Война еще находилась в том фазисе развития, когда некоторые положения, казалось бы незыблимые и священные, не успели одряхлеть.

С точки зрения тогдашней германской организационной мысли считалось недопустимым перемешивать части и импровизировать высшие тактические и оперативные единицы, создавая конгломерат войсковых соединений. Только много позднее, германцы начали практиковать прием образования ударных групп в любом их составе, без всякого внимания к принципу неприкосновенности войскового соединения. Немцы заботились лишь о том, чтоб сохранять однажды сформированные, отлично слаженные командные и оперативные аппараты.

Подобный способ прежде всего вносил путаницу в сеть разведочных координат противной стороны, самое же главное определенно ставил в вершину угла всякого успеха на войне управление, творчество, работу штаба, как источника оперативной мысли и функцию ее воплощения в реальную сущность.

Вследствие этого, появление на фронте германской армии 137 пехотного полка указывало на близость остальных частей 31 пехотной дивизии; много шансов было за-то, что вслед за этим обнаружится и 42 пехотная дивизия, иными словами существовала вероятность сосредоточения всего XXI корпуса.

Усиление германцев в Восточной Пруссии все таки не ускользнуло от внимания командующего X армией, который в день получения этих сведений, т. е. 23 января, в письме № 691 на имя начальника штаба фронта (в то время генерала Гулевича) сообщил о появлении на участке генерала Епанчина, командира III арм. корпуса, 9—12 новых немецких батальонов (прибавим от себя только считанных). (Приложение 11).

При некотором обобщении, не трудно было нарисовать себе всю картину готовящейся операции, которая и по направлению, и по количеству сил, повидимому, долженствовавших принимать в ней участие, требовала со стороны генерала Сиверса безотлогательного принятия энергичных мер. Командующий армией сначала это понимал.

В том же письме к начальнику штаба фронта генерал Сиверс высказывает мысль, что „необходимо образовать корпусные резервы". Возникает вопрос, какие причины препятствовали их образованию много раньше; почему именно такая форма развертывания армии была предана забвению, когда протяжение фронта в 160 верст иного решения, казалось бы, и не давало? К сожалению, образовывать корпусные резервы уже было поздно.

25—26 января две германские армии: 8-я генерала Белова и 10-я генерала Эйхгорна перешли в решительное наступление против обоих флангов X армии, т, е. как раз накануне того дня, когда в целях разведки назначено было наше частное наступление на левом фланге по направлению на Руджаны.

В состав Иоганисбургского отряда входило два полка 57 пехотной дивизии (226 и 228), два батальона сибирских стрелков, три легких и одна гаубичная батареи при двух сотнях казаков. Так как 26 января предполагалось перейти в частичное наступление, то было сделано распоряжение подтянуть из Кольно 227 полк и кроме того усилить отряд одним полком с батареей из состава III сибирского корпуса. Но этому наступлению не суждено было начаться.

С утра 25 января, около полка неприятельской пехоты с легкой и тяжелой артиллерией отбросило разведку, высланную вперед от Иоганисбургского отряда. Около 2 часов дня

противник открыл артиллерийский огонь по нашему передовому расположению у деревни Снопкен. Несколько позднее, в 4 часа дня, обнаружилось обходное движение германцев к югу от Иоганисбурга, у озера Погибир, с разъездами у Вробельна, что заставило начальника Иоганисбургского отряда, около 7 часов вечера, оттянуть передовые части на главную позицию. (Схема 4).

Ночь на 26-е января в районе Иоганисбурга прошла неспокойно. Ружейная перестрелка не прекращалась все время, и едва начало светать, как немцы перешли в наступление, пытаясь охватить оба фланга Иоганнисбургского отряда.

Несколько позднее, немецкая колонна в составе 79-й рез. дивизии появилась в расстоянии около 17 верст к югу от Иоганнисбурга, у Длотовена. Здесь немцы переправились через Писсу и двинулись на Кумельск. 227-й полк 57-й див., подтянутый из Кольно, к этому времени уже подошел к Винцента. Разведка донесла о появлении немцев на путях, пересекающих направление движения 227-го полка. Чтобы задержать наступление противника, 227-й полк решил атаковать его во фланг в направлении на Длотовен (Схема 4-я).

Однако неприятельская колонна оказалась значительно сильнее, чем о том сообщала разведка. Полк, понеся огромные потери и лишившись батареи, которая затем попала в плен с перебитыми лошадьми, принужден был отойти частью на восток, частью на север. Около 5 часов дня 26-го января ясно обозначился обход обоих флангов Иоганнисбургского отряда, в сочетании с глубоким движением первоначально около бригады, а затем и дивизии неприятельской пехоты, с артиллерией, на Кумельск.

Иоганнисбургскому отряду пришлось отойти на Бяла. Полки 57-й дивизии, отступая в беспорядке, пришли в полное расстройство. Они не смогли задержаться в Бяла и, потеряв две батареи, бросились через Щучин к Осовцу, совершенно обнажив левый фланг армии. Противник занял Бялу.

Итак, ближайшие последствия неосторожного назначения второ-очередных частей для выполнения ответственных задач по обезпечению флангов, не замедлили сказаться. Поражение частей 57-й дивизии, несомненно, не могло не

вывести из душевного равновесия командующего армией и его штаб, местоположение которого вблизи левого фланга армии оказывалось небезопасным. Его обнажение должно было заслонить и действительно заслонило собою события, совершавшиеся в районе Вержболовской группы.

В состав последней непосредственно входили: 27-я, 56-я и 73-я пехотные дивизии, 225-й пехотный Ливенский полк, две дружины, пешие сотни пограничной стражи, легкая и тяжелая артиллерия. Группой командовал командир III-го корпуса генерал Епанчин, ему же была подчинена конница, охранявшая правый фланг 10-й армии. В общем, Вержболовская группа к тому времени, когда обозначилось наступление германцев и когда 27-я дивизия, за исключением 107-го пехотного Троицкого и двух батальонов 105-го Оренбургского полков, была передана в распоряжение командира XX-го корпуса, определялась в 38 батальонов, две дружины, 72 легких орудия, 17 полевых гаубиц, 11 тяжелых 16 легких и 4 тяжелых поршневых орудия, 20 конных пушек, 57 эскадронов и сотен, 4 пеших сотни, одна саперная и одна телеграфные роты.

III-й корпус должен был, по боевому заданию, обеспечивать правый фланг армии и в случае отступления последней, в свою очередь, постепенно отходить, задерживаясь на промежуточных позициях, но не ввязываясь в упорный бой, имея конечною целью отойти к Ковне. Такова была задача и всей Вержболовской группы.

К началу германского наступления, войска генерала Епанчина занимали позиции по северной и северо-западной опушке Шареленского леса и далее на юго-запад через Вальтеркемен. Протяжение фронта было около 50 верст. Восточнее группы находился конный отряд полковника Бискупского (один батальон, 4 пеших сотни и 9 эскадронов с 8 конными орудиями). Севернее стоял конный отряд генерала Леонтовича, 38 эскадронов и сотен с 12 конными орудиями, при одном батальоне, ведя разведку и наблюдение на фронте в 20 верст.

Войска Вержболовской группы распределялись по трем участкам: правый — генерал-майора Левицкого — $17^1/_2$ батальонов, 24 легких орудия, 11 гаубиц, 6 тяжелых орудий и

пол-роты сапер. В центре, позицию занимал генерал-майор Иозефович с $5^1/_2$ батальонами, 24 легкими и 4 тяжелыми орудиями и 4 сотнями. На левом фланге находился генерал-майор князь Макаев. На его участке располагалось 13 батальонов, две дружины, 24 легких, 20 поршневых орудий и 3 сотни.

Расположение группы было чрезвычайно растянуто. Подобная растянутость явилась следствием желания вытеснить немцев из Шареленского леса, чтобы получить возможность вести глубокую разведку конницей, как того требовал штаб Северо-Западного фронта, в направлении на Тильзит-Инстербург, по более открытой местности.

Операция вытеснения немцев из Шареленского леса и лесного пространства, лежащего на северо-запад, началась 12-го января и поглотила все корпусные резервы. Первоначально нацеленный удар против Драгупоненвальда был отражен. Точка нового удара была перенесена несколько на север к Ласденену. К 24-му января войскам III-го корпуса удалось вытеснить германцев из большей части Шареленского леса, но затем, все атаки разбились о сильно укрепленную позицию у Ласденена. Новое предположение возобновить атаку в несколько ином направлении требовало притока свежих сил, но в них командующий армией отказал. В результате, Вержболовская группа, иными словами III-й армейский корпус, к началу германского наступления занимал сильно растянутое расположение, имея в резерве лишь один батальон. Войска были истомлены неудачами предшествовавших дней и представляли боевой материал с ущербленной психикой. Пониженный порог сознания для восприятия сильных и ярких впечатлений, легко достигающих высших точек, должен был направить душевные волнения этих людей к расщеплению начал, которые вооруженную толпу перед тем обращали в организованную войсковую массу.

Одновременно с наступлением против Иоганнисбургского отряда противник зашевелился и на участке Вержболовской группы, хотя наступление XXI, XXXVIII и XXXIX корпусов 10-й германской армии было назначено на 26-е января.

25-го января с трех часов дня, обстреляв ураганным огнем северную опушку Шареленского леса, который замы-

кал правый фланг III-го корпуса, германцы начали наступление пехотой с занятого ими сильно укрепленного участка Ласденен—Лебегален. (Схема 4-я).

Огнем артиллерии, Вержболовской группе удалось в этот день остановить противника. Да он, впрочем, и не упорствовал в своем дальнейшем продвижении. Так или иначе, немцы достигли известной цели, а именно определили крайние точки правого фланга расположения нашей пехоты.

26-го же января густые колонны неприятельской пехоты возобновили атаку на участке, протяжением свыше 10 верст, от Клейн-Тулен—Рагупонен до Лебегалена. В районе Малвишкен обозначилось движение двух значительных колонн. Конница генерала Леонтовича, стоявшая на крайнем правом фланге, теснимая двумя батальонами германской пехоты, отходила вдоль Немана.

Густые неприятельские цепи поражались огнем артиллерии III-го корпуса. На одном из направлений погиб целый батальон немцев. Вечером немцы повели атаку на юго-западную опушку Шареленского леса. Первоначально все атаки были отбиты; в результате боя даже были захвачены пленные 254-го полка, что дало возможность установить присутствие на фронте Вержболовской группы частей XXXVIII германского корпуса. Трудно заключить, сделал ли штаб 10-й армии из этого драгоценного указания соответствующие выводы. Во всяком случае о показании пленных было донесено в штаб фронта обычной сводкой сведений о противнике, датированной 27-м января № 892.

Ночью, немцы повели атаку еще южнее, на 221-й полк, который был сбит, причем пришлось израсходовать для поддержки этого полка и для восстановления нарушенного расположения последний батальон резерва.

Чтобы занять более сосредоточенное расположение, в виду угрозы, обозначившейся в направлении правого фланга, генерал Епанчин приказал войскам генерала Левицкого отойти на позиции перед южной опушкой Шареленского леса, а группе генерала Иозефовича стянуться к Куссену, о чем и донес командующему армией в 4 часа 30 мин. утра 27-го января.

Отход на новые позиции совершился беспрепятственно.

Результаты боев в течении 25-го и 26-го января, протекавших в районе левого фланга 10-й армии, легко определили наступление германского корпуса на Лык: одной дивизией с направления Иоганнисбург — Бяла, и другой от Кумельска. Однако не менее тревожное положение складывалось и на правом фланге армии, но этой тревоги генерал Сиверс не ощущал.

Общий ход событий и последовавшие затем переговоры между командующим 10-й армией и штабом фронта не оставляют никакого сомнения в том, что высшее командование было в тот момент далеко от мысли по поводу происходившего против группы генерала Епанчина сосредоточения, повидимому, в полном составе, XXI и XXXVIII и XXXIX германских корпусов.

В представлении штаба армии обстановка на фронте германского наступления в то время рисовалась в следующем виде.

В центре, на участке Николайкен—Летцен—Даркемен, германцы держали части I-го армейского корпуса, 1-й ландверной дивизии и войска Летценского гарнизона. В районе Гумбинена находилась 3-я рез. дивизия. Не предпринимая никакого наступления против XXVI и XX корпусов, противник дарил им полное спокойствие, чрезвычайно для них опасное и обманчивое. Так оно и было в действительности. Подобный прием обыкновенно входил почти шаблонно в расчеты германского генерального штаба, когда высшее командование задумывало удар на фланги или предпринимало операцию окружения, но этим обстоятельством ген. Сиверс повидимому, не заинтересовался.

Выдвинув против конницы 10-й армии части XXI корпуса, 5-й гвардейской бригады и 9-й ландверной бригады, противник вел наступление с фронта Мальвишкен— Клейн-Тулен—Рагупонен—Лебегален—Ней-Скордупен и Сударки. К моменту перехода немцев в решительное наступление, начали прибывать части XXXVIII корпуса, который явственно вступил в бой уже к вечеру 26-го января. Но действия немцев против Вержболовской группы командующий армией оценивал как демонстрацию. Несколько позднее, приблизительно 27-го января, штабу армии из показаний пленных стало

известным, что из Берлина через Кенигсберг к Инстербург брошен XXXIX рез. корпус. Затем штаб армии имел определенные сведения, что полк, атаковавший передовую позицию Иоганнисбургского отряда у деревни Снопкен, принадлежал к составу 2-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса. Ген. Фальк [1]) получил вслед за этим, как известно, могущественное подкрепление в лице XL рез. корпуса, 80-я дивизия которого надавливала на наше расположение непосредственно с фронта в то время, как 79-я (того же корпуса) совершала глубокий обход от Длотовена на Бялу, заключившийся занятием последнего пункта. Такова была собственная ориентировка штаба X-й армии.

Мы видим, что насколько правильно штаб армии представлял себе обстановку на своем левом фланге, настолько у него были туманны и даже вовсе не верны сведения о группировке противника в районе нахождения Вержболовской группы. Донесению командира III-го арм. корпуса о движении многочисленных и густых неприятельских колонн не придали особого значения. Точно также не обратили никакого внимания на громадные потери немцев (ввиде, например, гибели от артиллерийского огня целого батальона). Расточительность атакующего, в смысле несения им колоссальных жертв, не находила себе об'яснения ни в искусном руководстве огнем со стороны нашей артиллерии, ни в неудачных формах боевого порядка противника, виновного лишь в неосторожном продвижении и понесшего за то возмездие.

Очевидно, генерал Епанчин имел перед собою неприятеля в превосходных силах, наступавшего компактно, сгущенно. Выражаясь грубо, немцев, что называется, „выпирало“. В районе расположения III-го армейского корпуса было установлено вполне точно присутствие частей, по крайней мере, двух с половиною германских корпусов. Однако и то, и другое, и третье обстоятельства одинаково не были достаточно оценены штабом армии.

В данном случае непоследнюю роль сыграло, конечно, поражение 57 дивизии. Обнажение левого фланга арми

---

[1]) Нач. 2-го пех. дивизии.

и, в частности, тыла III-го Сибирского корпуса заставило штаб армии серьезно подумать о перенесении места своего квартирования [1]). Но его уход в тыл породил бы нежелательные настроения. С его точки зрения, казалось бы, было предпочтительнее самым энергичным образом принять меры к ликвидации германского обхода на левом фланге. Этими же самыми мерами штаб армии мог бы обезопасить и собственное расположение.

Та же психологическая ситуация едва ли не послужила предпосылкой для последовавшего вскоре затем расчленения и беспорядочного раздергивания XX корпуса, как наиболее сильного и в то же время находившегося, по крайней мере внешне, в неугрожаемом положении.

26-го января, поздно вечером, командир III-го арм. корпуса, чувствуя напряженность торопливо-назревавшей обстановки, считает необходимым ориентировать по прямому проводу командующего армией относительно общего положения на его участке. Доклад носит необычайно тревожный характер и формулируется в таких выражениях, которые должны были бы властно овладеть всем вниманием генерала Сиверса, как то: „Войскам удалось выбраться из Шареленского леса... В отряде Иозефовича не совсем благополучно.... Против конницы наступает не менее бригады пехоты.... и т. д.“ (Приложение № 12).

Далее командир корпуса сообщает, что, предвидя неизбежность отхода, он счел необходимым предупредить войска о предстоящем занятии Вержболовской позиции, причем оговаривается, что отход осуществится „в случае невозможности держаться“.

Так как налицо был факт глубокого обхода германцами правого фланга корпуса, в промежутке между Неманом и Шешупой, то, в связи с овладением противником Шареленским лесом, становилось очевидным, что весьма условная оговорка начальника Вержболовской группы приобретала смысл извинения за будущие деяния, едва ли заслуживающие поощрения; лишенная же сколько нибудь веских успокаивающих свойств, она обращалась лишь в звонкую фразу.

---

[1]) Куда затем перешел штаб армии, не удалось установить. Вероятно в Сувалки, потом Августов и, наконец, Гродна.

На самом же деле, обстоятельства складывались таким образом, что войска Вержболовской группы, как увидим ниже, уже поколебались, переживая острый кризис.

В ответ на доклад командира III-го корпуса, командующий X армией, с своей стороны, ограничился лишь выражением своего личного мнения по поводу выгод использования Шталюпененской позиции ранее, чем отходить на Вержболово. Но это был только совет, впрочем, даже не совет, а только мимолетное замечание. Во всяком случае, это не было приказание, которое в ту минуту ожидалось от командующего армией в целях регулирования и об'единения действий ее корпусов. Точное обозначение фланга будущего расположения армии не могло зависеть от инициативы генерала Епанчина. Между тем это был психологический момент, когда твердость командующего армией могла и должна была бы послужить источником энергии со стороны командира III корпуса.

Предоставление же командиру III-го корпуса свободы выбора тыловой позиции в то время, как на командуемую им группу обрушивались значительные неприятельские силы, знаменовало собою, в лучшем случае, неосторожность со стороны самого командующего X армией и совершенно исключало всякую тень управления, в недостатке которого Главнокомандующий фронтом впоследствии и обвинял генерала Сиверса. (Приложение № 9).

Таким образом, командир III-го корпуса был предоставлен самому себе; единственное данное ему указание на случай отхода касалось выделения из состава группы 27 пех. дивизии на присоединение к войскам генерала Булгакова. Этим самым санкционировались все предположения генерала Епанчина, как будто корпус последнего действовал совершенно самостоятельно и его отход не влиял на положение хотя бы соседнего XX корпуса.

В тот же день, т. е. 26 января, в 11 часов 50 минут вечера состоялся разговор по Юзу командующего X армией с начальником штаба фронта генералом Гулевичем. Ориентируя последнего о положении на фронте армии, генерал Сиверс по прежнему центр тяжести германского наступления усматривает в районе своего левого фланга, опасаясь,

что глубокое проникновение противника в этом направлении выльется в прямую угрозу его сообщениям. Констатируя далее отсутствие в своем распоряжении сколько нибудь свободных резервов, уже стягиваемых со всего, и без того разреженного, фронта, генерал Сиверс приходит к выводу о необходимости для перехода в наступление перебросить к угрожаемому флангу не менее корпуса. Те же результаты, по его мнению, могут быть достигнуты и выдвижением XII армии генерала Плеве.

В ответ на заявление командующего X армией, генерал Гулевич останавливается только на его предложении перебросить корпус, причем, за неимением резервов у Главнокомандующего фронтом, рекомендует насколько возможно ослабить фронт армии, оставив только заслоны, и собрать войска для главной задачи, — т. е. „прикрытия сообщений армий, действующих в Варшавском районе".

Соображения генерала Сиверса относительно вывода XII армии во фланг XL германскому корпусу не только не встречают сочувствия со стороны начальника штаба фронта, но даже как бы игнорируются им. Между тем взаимное расположение X и XII армий само собой диктовало это решение и при нормальном порядке вещей ставило германскую группу, устремившуюся в направление Лык—Райгрод, между молотом и наковальней.

Несомненно, преждевременный выход армии Плеве из состояния предварительного сосредоточения и развертывания нарушал планы Главнокомандующего фронтом, тем не менее раз инициатива перешла в руки противника, расшатывание вновь формируемой армии делалось неизбежной необходимостью; этого положительно требовала вся складывавшаяся обстановка.

Что же касается „стягивания резервов" со всего обширного фронта X армии, то оно представляло не только технические затруднения, но и много ухудшало положение на остальных участках армии. Самое главное, частям приходилось бы разновременно вступать в бой, так сказать отдельными охапками, и поэтому в очень слабой степени изменять, в благоприятном для нас смысле, температуру боя.

Кроме того, неготовность XII армии к наступлению не могла служить оправданием полной бездеятельности остальных частей фронта генерала Рузского, и подобно тому, как отдельно вели бой корпуса генерала Сиверса, столь же разрозненно чувствовали себя в боевой обстановке и армии Северо-Западного фронта.

Не подсказав практически осуществимого решения, ограничившись советом академической марки, генерал Гулевич заканчивает свой разговор с командующим X армией следующими словами: „Будем надеяться, что начатое так внезапно наступление немцев будет причиною наших больших успехов". (Приложение 12).

Но какие именно шаги с своей стороны предпринял штаб фронта, дабы этим надеждам суждено было сбыться? И в своем стремлении во что бы то ни стало сохранить в полной неприкосновенности группу генерала Плеве, не стал ли тот же штаб фронта, непроизвольно, на путь совместного с противником разрушения X армии.

Итак, в распоряжении Главнокомандующего фронтом нет свободных резервов, которые он мог бы бросить из глубины для флангового удара, например, со стороны Осовца, или передвинуть в район Лыка, дабы немедленно подкрепить сильно пошатнувшееся расположение левого фланга X армии.

Мысль генерала Сиверса о своевременности выступления XII армии странным образом обходится начальником штаба фронта совершенным молчанием, словно командующему X армией хотят указать, что подобные проекты выходят из круга его обязанностей.

Что же касается генерала Сиверса, то, озабоченный положением на левом фланге и не видя прямого выхода из сложных сплетений непрестанно меняющейся обстановки, он недвусмысленно дает понять штабу фронта, что собственными силами не расчитывает не только востановить, но даже сохранить положение. Находясь всецело во власти уже испытанных неудач, командующий армией недооценивает весьма симптоматических показаний в районе Вержболовской группы боевого барометра, стремительно снижающего. Только в силу

своего временного безучастия к судьбе правого фланга он пока не переступает грань самообладания и холодной, рассудительности.

Весь план уже решенного общего перехода в наступление покоится на взаимодействии X и XII армий, поэтому сохранение X армии столь же необходимо, сколь опасно преждевременное обескровление XII-ой. Над группой генерала Сиверса повисла угроза отдельного поражения. Ее левый фланг атакован превосходными силами противника, в чем высшее командование не сомневается. Поставить же предел успехам германцев, спешно перебрасываемые резервы, соскребываемые, в буквальном смысле слова, со всего фронта решительно не в состоянии.

Не имея возможности, по тем или иным причинам, оказать X армии реальную поддержку, у Главнокомандующего оставалось единственное средство — вывести армию из боя, изъять ее на некоторое время, абсолютно, из соприкосновения с противником, т. е. форсированными маршами осадить армию на восток, хотя бы вплоть до линии верхнего течения Бобра — Неман.

Бесцельность борьбы при весьма веском неравенстве сил, неизбежность поражения, а вслед за этим полное крушение плана совместного наступления армий Северо-Западного фронта, эти и многие другие соображения должны были бы побудить генерала Рузского отдать приказ об отходе X армии. Единственное ее спасение заключалось в уклонении от боя, притом не теряя времени, ни одного часа, жертвуя не только частью обозов, но даже некоторыми калибрами артиллерии, если увоз ее сопряжен с отсрочкой отступления. Но такого приказа Главнокомандующий фронтом не отдал. Должен ли был генерал Сиверс по собственной инициативе взять на себя всю ответственность и сделать столь тягостное и необычное для него распоряжение?

Но где, в каком уголке своего сердца командующий армией обрел бы мужество и какой частицей души он воспринял бы твердость для подобного решения? Откуда он мог почерпнуть железную, непреклонную логику мышления, ко-

торая восполнила бы недостаток мужества и твердости и заставила бы его, зажмурившись, гася в себе тревоги сердца и сомнения души, пойти наперекор традициям школы, в течении многих поколений воспитывавшей русскую армию под лозунгом „мертвые срама не имат".

Неправы те, которые говорят об отсутствии доктрины в дореформенной армии и в системе ее военной подготовки. Отсутствие доктрины — меньшее зло по сравнению с существованием ее, но нездоровой, злокачественной, мертвящей.

Русскую армию дореволюционной эпохи много и усердно учили и в конце концов напрактиковали в искусстве отступать, но не иначе, как под давлением противника, не ранее, как после принятого боя, хотя бы результаты последнего, задолго до столкновения, были бы ясны и математически точны, как дважды два — четыре.

Русскую армию упражняли в совершении чудовищно-форсированных маршей, когда нужно было сосредоточиться к началу сражения, но тем не менее даже после Японской войны продолжали считать, попрежнему, преступлением оставление своих позиций до момента столкновения с противником даже в условиях, очевидно не благоприятствующих.

И Главнокомандующий Северо-Западным фронтом, и генерал Сиверс занимали далеко не последнее место в списке лиц, прошедших разнообразный стаж в военном деле. Но, как это обыкновенно приходится наблюдать, удел лучших учеников — резче и рельефнее служить отражением всех теневых сторон той или иной системы обучения.

В тех обстоятельствах, в которых очутилась X армия по данным разведки и в зависимости от результатов боя с наседавшими германцами, тем более в предвидении общего перехода в наступление, необходимо было, не втягиваясь в дальнейшую борьбу с противником, сделать энергичный прыжок назад и занять расположение по линии Козлово-Рудская позиция, Мариамполь, Сувалки, Райгрод, упершись флангами с одной стороны в Ковно, с другой — примкнув к Осовцу.

Выход X армии из сферы непосредственного влияния противника поставил бы последнего перед пустым пространством. Сосредоточение резервов в направлениях главного и

демонстративного ударов обратилось бы в бесполезное нагромождение войсковых частей, насыщенных высоким потенциалом энергии, не получившей разряда. И широко задуманная операция германских армий, руководимых фельдм. Гинденбургом, претворилась бы в удар по воздуху.

ГЛАВА III.

Директивная телеграмма Главнокомандующего фронтом. Меры, предпринятые командующим X армией, для усиления левого фланга. Решение генерала Сиверса отвести армию на тыловые позиции и предварительные его распоряжения в этом смысле. Положение сторон 27 января. Дальнейшее развитие германцами обхода правого фланга армии; сводка сведений о их силах в данном районе. Приказ по армии № 2. Указания командира III корпуса на случай отхода Вержболовской группы; начало отступления ее правофлангового участка. Распоряжения командира XX корпуса в развитие приказа по армии. Положение, создавшееся к вечеру 28 января вследствие отвода фланговых корпусов и удержания на занимаемых местах центральной группы генерала Булгакова. Выход из боя III армейского корпуса. Сосредоточение резервов в районе Лыка для перехода в наступление против XL германского корпуса. Отход XX корпуса. Группировка германских армий к утру 29 января.

Утром, 27 января, штаб армии получил две телеграммы, смежные по №№ (7545 и 7548), и поэтому, надо полагать, очень близкие, едва ли не совпадающие, по времени своего отправления.

Телеграмма генерала Рузского командующему X армией № 7545 гласила: „для решительной атаки немцев, наступающих на Иоганисбург, X армии собрать в наикратчайший срок возможно большее количество войск, оставив заслоны на укрепленных позициях“.

Вторая телеграмма была подписана начальником штаба фронта и адресована начальнику штаба армии генералу Будбергу: „Необходимо“, говорилось в этой телеграмме, „при отходе основательно разрушать железные дороги, дабы немцы не открыли своих сообщений по кратчайшему направлению через промежуток между Мазурскими озерами“.

Таким образом, в то время, как Главнокомандующий фронтом отдавал категорическое приказание, касающееся

перехода X армии в наступление против германцев, надвигающихся со стороны Иоганисбурга, его начальник штаба, в предвидении отхода, предлагал основательно разрушать железные дороги, чтобы затруднить продвижение противника.

Само собою разумеется, что сопоставление двух телеграмм, столь различных по духу, значительно смягчало категоричность приказания генерала Рузского и делало выполнение этого приказания весьма условным, изобличая в то же время работу штаба фронта, как бы протекающую по двум расходящимся направлениям. Этот признак, в данном случае слабо выявленный, получил, как мы увидим впоследствии, отчетливо резкое выражение в деятельности и штаба X армии.

Столь специфическое явление следует рассматривать, как тысяча первое отражение ошибки, которой грешили многие из наших штабов. Кроме официального, иначе говоря штатного, начальника штаба,—большинство, в особенности высших, начальников имело слабость образовывать около себя из среды окружающих, лично им угодных людей, что-то вроде походных канцелярий, какие то филиальные отделения штаба, словом, нечто случайное, безответственное, келейное, интимное и иногда роковым образом влиявшее на ход событий.

Благоприятная почва для формирования таких маленьких импровизированных штабов создавалась часто при расхождении во взглядах служебно связанных между собою лиц, в силу несходства их характеров, при взаимных чувствах антипатии и т. п., что делало совместную работу начальника и его ближайшего сотрудника почти невыносимой. Рядом с этим, давнишняя дружба и личные чувства уважения к дарованиям и знаниям того или иного, близко стоящего лица иногда служили некоторым об'яснением при появлении неответственных советников в руководстве операцией или боем.

Чаще всего „властителями оперативных дум“ оказывались молодые офицеры генерального штаба, хотя бы и способные, но недостаточно зрелые. Нередко их авторитет строился на властном, неломком характере, развязности тона и на величайшей самоуверенности, оправдываемой лишь

самонадеянностью молодости с ее всегдашней склонностью к отрицанию и критике в форме будирования.

Вернемся к телеграмме генерала Рузского. Она служила как бы ответом на разговор командующего X армией с начальником штаба фронта, имевший место накануне. Она подтверждала стереотипный тезис генерала Гулевича относительно сбора резервов и оставления слабых заслонов на неугрожаемых участках.

Однако, независимо от указаний Главнокомандующего фронтом, штаб армии принимал меры к усилению расположения на левом фланге, формируя сводные полки и стягивая все сколько-нибудь свободные части, находившиеся в распоряжении ее командиров корпусов.

Так, для поддержки Иоганнисбургского отряда, штаб армии еще с вечера 25-го января отдал распоряжение командиру III сибирского корпуса о передвижении 30-го и 32-го сибирских стрелковых полков с двумя батареями на Арис. Один из полков должен был быть направлен на Торженки, а другой на Бяла.

Утром 26-го января последовало приказание перевезти к Бяла из района расположения 27-й дивизии 114-й пехотный Новоторжский полк и туда же передвинуть оставшийся 225-й полк 57-й дивизии, очутившийся впоследствии не на левом фланге армии, а на Олитской позиции.

1-й отдельной кавалерийской бригаде приказано было сосредоточиться в районе Леман—Лончки и Пионтковизна для действия в тыл противника в направлении на Пржеросль.

32-й сибирский полк, усиленный затем батальоном 27-го сибирского стрелкового полка, 8 полевыми орудиями и 2 гаубицами, составил левый боковой авангард III-го сибирского корпуса под командой генерал-майора Мясникова. Ему ставилась задача — прикрыть направление на Арис и, в условиях благоприятствующей тому обстановки, атаковать во фланг противника, продвигавшегося к Дригалену. 30-й сибирский и 225-й полки в районе Дригалена образовали ядро отряда, под командой начальника штаба III сибирского корпуса генерала Братанова, на поддержку которого спешно посылались подкрепления, наскоро сбитые из батальонов и пол-

ков различных дивизий. Эти части сосредотачивались в Лыке, поступая предварительно в распоряжение генерала Российского.

26-го же января в этих целях были сформированы сводные полки от 28 и 53 п. дивизий. В первой из них было взято по одному батальону из полка; в 53 пех. дивизии сводный полк был сформирован из двух батальонов от 210 пех. полка и по одному батальону от 211 и 212 полков. Первоначальное же предположение о направлении к Бяла (впоследствии к Лыку) 114 п. Новоторжского полка не было приведено в исполнение вследствие снежных заносов.

Отряду генерала Братанова поручено было прикрыть и обеспечить левый фланг 10-й армии. На него, а также и на войска III сиб. корпуса обрушился весь удар группы ген. Литцмана (XL рез. корп. со 2-й пех. дивизией).

Но командующий армией не мог не сознавать, что следовать глубже в подобном направлении для восстановления положения на левом фланге, значило бы подвергать серьезной опасности остальные участки фронта армии.

Получив цитируемую выше телеграмму генерала-адъютанта Рузского, командующий армией в ответном своем донесении № 822 вновь подтверждает неимение в своем распоряжении резервов, указывает на полную невозможность собственными силами парировать глубокий обход германцев и излагает свое решение осадить назад III-й сибирский, XXVI-й и часть XX-го корпусов.

Генерал Сиверс настолько далек от настоящего представления о положении своего правого фланга, что считает возможным оставить его на месте и обратить в ось поворота, несмотря на то, что фактически крайний участок уже подался назад и опорный пункт, Шареленский лес к вечеру 26 января очутился в руках противника. Впрочем, вскоре после того командующий X армией приходит к признанию необходимости оттянуть на тыловые позиции всю армию, тем не менее не допускает мысли об очищении всего Восточно-Прусского района.

Телеграмма Главнокомандующего фронтом связала генерала Сиверса по рукам и по ногам; во всяком случае, она не сделала его более смелым и решительным, оконча-

тельно вытравив в нем всякую идею об уклонении от боя. Под гипнозом приказания—разбить германцев, наступающих от Иоганисбурга, командующий армией прибегает к полумерам даже и тогда, когда уже состоялось решение отойти всем фронтом.

Около 9 ч. утра 27 января он ориентирует командиров корпусов о предстоящем ближайшею ночью отходе, преследующем цель — к утру 29 января занять новые позиции. Предварительные распоряжения, предусмотрительно сделанные по телеграфу, указывали новые места расположения, в частности, для III армейского корпуса—к западу от Шталюпенена, XX на Гольдап—Грабовенских позициях, и XXVI—по линии Орловен—Ней Юха. (Схема 4-я. Приложение 13).

Между тем время шло и события развивались с быстротой, опережающей оперативные мысли командира III корпуса о сохранении сообщений с Ковно и именно с Ковно, а также меры, принимаемые штабом армии в целях ликвидации обхода левого фланга.

Здесь, т.-е. на левом фланге 10 армии, германцы, заняв накануне Бялу, продолжали наступать на Дригален и вступили в бой с отрядом генерала Братанова, об'единившего остатки растрепанного авангарда и все подкрепления, посланные для поддержки еще сохраняющих бодрость частей. Отряд доблестно сдерживал напор более, чем вдвое превосходящего противника, который обходил оба фланга. К 9 часам вечера, по приказанию командира III сибирского корпуса, генерал Братанов отошел к востоку, чтобы занят новую позицию на участке Андреас—Шнейен—Мерховен. (Схема 7-я).

В районе же Вержболовской группы наблюдалось непрерывное нарастание неприятельских сил, густыми массами, и широкой волной захлестывавших расположение войск на правом фланге генерала Епанчина.

Конница генерала Леонтовича, теснимая с самого утра 27 января, не могла противостоять давлению неприятельской колонны силою около бригады пехоты и отходила все дальше на восток в полосе местности между течением р.р. Неман и Шешупа, временно задержавшись у д. Словики. (Схема 4-я).

Тесня конницу правым берегом Шешупы и отрезая ее от Немана, германцы одновременно наступали против отряда полковника Бискупского и на участке генерала Левицкого, составлявшем крайний правый фланг Вержболовской группы.

Генерал Епанчин получил телеграмму командующего армией по поводу предстоящего отхода в 9 часов утра 27 января. Генерал Сиверс ориентировал командира III корпуса о глубоком обходе левого фланга армии и указывал, что намечаемый отход армии должен начаться в ночь на 28 января. В ожидании окончательных распоряжений указывалось—тыловые учреждения, во всяком случае, в ночь на 28 января отвести в тыл Вержболовской позиции.

Обходное движение германцев побудило генерала Епанчина принять самостоятельно решение, не ожидая нового распоряжения со стороны командующего армией. Он приказал немедленно все обозы и тыловые учреждения отправить за Вержболовскую позицию и отдал приказ по корпусу № 56 (в 10 часов утра того же дня), в силу которого войска Вержболовской группы 27 января должны были отойти к границе, а 28 занять Вержболовскую позицию. Вместе с тем, в приказе говорилось, что войска не должны отходить до наступления темноты, удерживая свое расположение до получения приказа о марше.

Хотя этот приказ издавался несомненно прежде всего для высшего начальства, для журнала военных действий и имел в виду будущую историю войны, при описании которой он мог бы сыграть роль оправдательного документа, тем не менее сущность его коренным образом расходилась с прямыми указаниями командующего армией. Последний в своих предварительных распоряжениях и в переговорах по прямому проводу предусматривал занятие III армейским корпусом Шталюпененской позиции и напоминал о необходимости принять немедленные меры к эвакуации Шталюпенена.

Заслуживает внимания, что командир корпуса, донося о появлении германцев в промежутке между Шилененом и Шареленом сообщая о скоплении войск в районе Ласденена, о наступлении густыми цепями южнее Лебегалена, осве-

домленный также о движении бригады неприятельской пехоты с артиллерией вдоль Шешупы, определяет в своем приказе силы противника на фронте Словики—Мальвишкен только в две дивизии. Между тем, протяжение этого участка—около 40 верст, для двух дивизий, развернутых в боевой порядок, он чрезмерно велик. В действительности же, фронт, на котором наступали германцы, был ими густо насыщен, поэтому предполагать здесь присутствие только двух дивизий было неосмотрительно. Так или иначе генерал Епанчин, хотя и уверенный в том, что против него действуют только две дивизии, оказывался не в состоянии удерживать свои позиции, имея под рукой до 38 батальонов с 57 эскадронами. Да войска Вержболовской группы, впрочем, и не могли больше держаться.

Как ни старался генерал Епанчин упредить ход событий, они все-таки шли впереди него. Приказ генерала Епанчина не дошел по назначению до генерала Левицкого, узнавшего об обходе немцев непосредственно от полковника Бискупского.

После того, как немцы, потеснив кавалерию, надвинулись на войска право-флангового участка, генерал Левицкий в 12 часов дня начал свой отход на Веллюнен к Ширвиндта двумя колоннами: полковника Ушакова и полковника Линденбаума. Об этом командир корпуса в 1 час 17 минут того же дня 27 января, донес командующему армией телеграммой № 1910 (схема 5).

Сам начальник Вержболовской группы после этого переехал из Пилькалена в Шталюпенен и доложил генералу Сиверсу по прямому проводу о своем решении занять заблаговременно Вержболовскую позицию, минуя Шталюпенен. Со своей стороны, командующий армией выразил удивление по поводу того, что корпус начал отход, „не атакованный, повидимому, неприятелем“, и вновь подтвердил, что следует все-таки задержаться на меридиане Шталюпенена.

Отход генерала Левицкого заставил и генерала Иозефовича поддаться на своем участке назад, чтобы несколько выравнять фронт. Так постепенно расшатывался весь корпус. Немцы не приостанавливали своего наступления.

Со стороны Ласденена, на фронте между Шаленен и Шарелен обнаружилось наступление не менее дивизии пехоты. В 2 часа дня 27 января воздушная разведка установила в окрестностях Ласденена скопление значительных неприятельских сил. Около этого же времени, несколько южнее, у Лебегалена, появились густые неприятельские цепи. В течение того же дня, 27 января, на участке от Тулен до Драгупенен можно было наблюдать движение отдельных неприятельских колонн. Обо всем этом командир III корп. донес командующему армией.

Еще накануне, 26 января, могло быть понятным расхождение во мнениях при оценке обстановки, которая еще только вырисовывалась на правом фланге армии, хотя и принимала с каждым часом все более отчетливые контуры. Легко было по разным причинам оспаривать предположения относительно действительных направлений главного и демонстративного ударов, подготовляемых германской армией. Затем, недостаток ли боевой чуткости высшего командования, быть может полное отсутствие или слабость полководческой интуиции, неудовлетворительная постановка общей осведомленности относительно работы германского генерального штаба в дело организации и формирования новых частей, органическая (допустим, даже это) неспособность штаба армии к обобщениям, неумение или неприсобленность того же штаба обрабатывать получаемые данные о противнике, во всяком случае те или иные обстоятельства об'ясняли, до известной степени, колебания командующего армией и его неуверенность в определении настоящей ахиллесовой пяты своего фронта.

Но теперь, перед режущей глаза очевидностью должны были исчезнуть все сомнения и уступить место незыблемой уверенности.

Так, сравнительно ровный пульс боя на левом фланге армии, хотя бы и высокого напряжения, определенно указывал на присутствие значительных сил противника, но постоянного давления, между тем, как в районе Вержболовской группы чувствовались толчки, нарастания, словно набухание неприятельских резервов, т.-е. ощущался лихорадочный под'ем энергии атакующего.

Упорные бои на левом фланге, запылавшие вслед за уходом с поля сражения небоеспособных частей 57 дивизии, свидетельствовали об устойчивости с нашей стороны, подавая надежду, что рано или поздно удастся достигнуть равновесия сил. Что же касается положения дел у генерала Епанчина, то, начиная с командира корпуса и кончая защитниками Шареленского леса, принадлежащими к второочередной дивизии, все в общей сложности не внушало доверия и никоим образом не могло создать противовеса германцам, если бы они наступали даже с более скромными силами.

На самом же деле уже к вечеру 24 января обходящие фланги обеих германских армий: на левом — XXI, XXXIX и XXXVIII корпуса, а на правом — XL рез. корпус со 2-й пех. дивизией выдвинулись вперед на переход. Положение в центре оставалось неизменным. 10-я германская армия заняла Словики—Дористал, Виллюпен, Пилькален и Куссен. Командир XXI корпуса (генерал Фридрих-фон-Белов) выслал на полперехода вперед 65-ю пех. бригаду к Владиславову. На противоположном фланге, XL рез. корпус 2-я пех. дивизия вышли на фронт Гр. Рогаллен — Дригален. (Схема № 4).

Общие указания командующего армией, преподанные командирам корпусов относительно предстоящего отхода, вылились в тот же день 27-го в приказ по армии № 2.

Согласно этому приказу, силы противника, действовавшие против левого фланга, определялись в две дивизии; около дивизии предполагали на участке генерала Епанчина. Войскам предписывалось в ночь с 27 на 28 и с 28 на 29 января передвинуться на новые позиции: III армейскому корпусу — к западу от Шталюпенена, причем конница должна была оставаться в районе Пилькалена и Шаленена, разведывая и действуя на фланге в тыл германцев XX корпусу придавалась 27 пех. дивизия и указывался участок нового фронта на Гольдап — Грабовенской позиции, по линии Баубельн, Тольминкемен, Скетчен, Соколлен с уступом у Грабовена; корпус обязан был сохранить наблюдение за северной опушкой Ромингенской пущи до меридиана озер Крум — Кутте и Гр. — Швальг. (Схема 5).

XXVI корпус передвигался указаниями этого приказа на фронт Орловен — Ней-Юха; III сибирским корпусом предположено было занять линию Ней-Юха, Лык, озеро Гр. Зельмент.

Затем следовали распоряжения, касающиеся освещения крайнего левого фланга, перечислялись части гарнизона Осовца, рекомендовались меры скрытности при совершении марша, провешивались тыловые пути и т. п. (Приложение 14).

Обращает на себя внимание прежде всего решение отвести на тыловые позиции только на глубину одного перехода вместо того, чтобы резко выйти из боевого соприкосновения с противником, избегнув таким образом боя. Поражает также та непонятная настойчивость, с которой командующий армией или его штаб закрывают глаза на положение дел в районе Вержболовской группы, причем систематически, игнорируя язык цифр, преуменьшаются силы неприятеля, совершающего маневр глубокого обхода правого фланга армии.

В частности, отдельные статьи приказа в тот момент уже не отвечали действительности, так как конница была отброшена к д. Словики, а III армейский корпус получил приказание своего командира занять Вержболовскую позицию, минуя Шталюпенен.

Но роковое значение для армии приобрело указание приказа, растягивающее отход на тыловые позиции в течение двух дней. Независимо от того, как протекали события на флангах, надо было дорожить временем и не черпать спокойствия в иллюзорном бездействии германцев против XX и XXVI корпусов. Противник умышленно инсценировал здесь инертность, чтобы усыпить бдительность наиболее сильной центральной группы X армии и тем успешнее сомкнуть кольцо окружения.

Командирам корпусов предоставлялась полная свобода начать отход и в ночь на 28 января, но прямое указание, особо преподанное именно в этом смысле начальнику Вержболовской группы, как будто бы приковывало остальные корпуса к занимаемым позициям еще на одну ночь. Тяжелые калибры, действовавшие у Летцена, уже были сняты с позиции и частью отправлены в Осовец. Оставшиеся 12 ору-

дий должны были грузиться в ночь на 28 января. Во всяком случае, можно было предпочесть потерю матерьяльной части артиллерии, как бы она ни была ценна для нас, чем подвергать армию опасности быть раздавленной или смятой и отброшенной в полном расстройстве.

Хроническая боязнь за целость артиллерии всегда отличала наших старших начальников и была одним из недугов, подтачивавших боеспособность армии в широком значении этого слова. Но в данном случае, не могло быть места и этому опасению; как бы то ни было, вопрос о спасении осадной артиллерии стоял далеко не столь остро.

Обращаясь снова к приказу, нельзя не сказать, что в условиях сколько нибудь приблизительного представления об обстановке, создавшейся на правом фланге, в предположении, не уклоняясь вовсе от боя, лишь выровнять пошатнувшийся фронт, следовало форсированными маршами отойти сразу, по крайней мере, в район: Вержболовская позиция, Виштынец, Филипово, Райгрод. В частности, при подобном решении вопроса, XX корпус выходил из очень опасного соседства Роминтенской пущи, полоса которой глубиной свыше 20 верст огибала тыл этого корпуса и в тактическом отношении при данной обстановке представляла ряд существенных минусов.

Приказ по армии относительно отхода был получен генералом Епанчиным в 2 часа 30 мин. дня 27-го января. Вержболовской группе указывалось, отойти на Шталюпенскую позицию лишь к утру 29-го января, выделив тогда-же для связи с XX корпусом один полк конницы и два батальона с артиллерией [1]). Командир III корпуса заключил, что в условиях обстановки это указание совершенно не выполнимо. Он тотчас же донес командующему армией о необходимости немедленного отхода и, не ожидая ответа, отдал приказ № 57, в силу которого, с наступлением темноты, войска генерала князя Макаева должны были занять Шталюпененскую позицию, а генералы Иозефович и Левицкий—расположиться севернее, что бы прикрыть правым флангом направление на Владиславов. В 4 часа дня

---

[1]) Последовало выделение 2-х батальонов 291 п. Трубчевского п.

получено было разрешение отойти на Шталюпененскую позицию. Одновременно, воздушная разведка подтвердила наступление с севера 4 колонн по бригаде в каждой.

Войска князя Макаева, генерала Иозефовича и колонна полковника Линденбума (из группы генерала Левицкого) выполнили в точности намеченный отход, но колонна полковника Ушакова и отряд полковника Бискупского, не получив приказа по корпусу, докатились до Владиславова.

Отход войск произошел вне всякого давления со стороны противника, но, ставши на ночлег, колонны не установили между собою связи.

В тот самый час, когда в окрестностях Шталюпенена должны были собраться войска и когда для генерала Епанчина представлялась полная возможность войти в живую связь с начальниками колонн, штаб III корпуса во главе со своим командиром в 8 часов вечера перешел в Кибарты. Тогда же получено было уведомление от штаба армии о направлении в распоряжение командира корпуса бригады 68-й пех. дивизии (7 батальонов и 16 орудий) и приказание отправить части 105-го Оренбургского и 107-й Троицкого полков на присоединение к 27-й дивизии, фактически не выполненное.

Колонна полковника Ушакова и отряд Бискупского заняли Владиславов. Кавалерия генерала Леонтовича, отброшенная на д. Словики, не удержались здесь. Пройдя д. Панове, к ночи на 28-е января она подтянулась к д. Синтовты, очутившись таким образом на полпути, с одной стороны, между Словики и Владиславовом, и с другой, по направлению к Гришкобуда, куда генерал Леонтович предполагал отойти для восстановления своего нормального положения в отношении общего фронта армии. Как известно, вечером того же 27-го января на Владиславов двинулась и 65-я пехотная бригада 42-й германской дивизии.

Полковник Бискупский выставил свое сторожевое охранение лишь на левом берегу Шешупы. Охранение, выдвинутое генералом Леонтовичем, повидимому, не дотянулось до правого берега той же реки. Со стороны войск колонны полковника Ушакова тоже не доставало бдительности. В 5 часов утра 28-го января противник аттаковал город Вла-

дислабов с севера по правому берегу реки, рассеяв части сторожевого охранения. Был выдвинут батальон 292-го полка который только на короткое время задержал германцев ворвавшихся в город. Баталион пробился в числе 200 человек, потеряв убитыми всех своих офицеров.

Генерал Епанчин предполагал направить генерала Левицкого с его остальными войсками и колонну генерала Иозефовича на Владиславов, чтобы ударить во фланг немцам. Но это предположение не осуществилось. Генерал Левицкий, прибывший в Кирбаты в 11 часов утра 28-го января, доложил командиру корпуса, что, не имея сведений о полковнике Ушакове, но зная о занятии немцами Владиславова, он приказал колонне полковника Линденбаума отходить. Кроме того, независимо от движения значительных сил германцев на Владиславов, обнаружилось наступление противника и на войска полковника Линденбаума со стороны Веллюнена. Чтобы поддержать правый фланг корпуса, генерал Епанчин направил из Вильковишки только перед этим прибывший 1-й эшелон (т. е. один батальон) 68-й пеходной дивизии. Одновременно генералу Леонтовичу послано было приказание „принять меры к задержанию немцев".

Итак, к утру 28-го января, в то время, как на остальном фронте 10-й армии все еще сохранялось прежнее положение, Вержболовская группа находилась на гране полного отступления и окончательного разложения. Корпус неизменно тянулся в восточном направлении, по путям к Ковна, куда он должен был устремиться лишь в случае общего отхода армии на линию Немана. Части 73-й пех. дивизии, бывшие на правом фланге группы, увлекали за собою и 56-ю дивизию, менее боеспособную. События, развернувшиеся в ночь на 28-е января, предопределили степень дальнейшего участия III корпуса во всей операции и тесно связали его судьбу с судьбой XX корпуса.

Корпус генерала Епанчина управлялся исключительно приказаниями, выходившими канцелярским путем из его штаба за очередными №№; их никто не исполнял даже тогда, когда случайно о них узнавал. Если бы корпус позабыл на время о своих сообщениях с Ковно и проделал хотя бы то, на что

способен самый немудреный ротный командир, когда обозначается охват его фланга, т. е. загнул, уклонил бы этот фланг в сторону от противника, судьба и XX корпуса, и X армии, и всего величественного оперативного сооружения германского военного гения, вероятно, была бы иная.

В соответствии с указаниями приказа по армии, командир XX корпуса в 10 часов вечера 27 января отдает в свою очередь приказ № 4 об отходе на тыловые позиции. И если основной приказ по армии рисовал обстановку в достаточно извращенном виде, то в редакции генерала Булгакова она грешила еще большей неточностью, и сведения о ней совершенно не ориентировали войска корпуса. (Приложение № 15).

В то время, как X армия переживала исключительный по серьезности момент, а XX корпус уже стоял у порога катастрофы, командир его об'являет в своем приказе:

1) Противник, силы которого точно установить не удалось, вчера повел наступление в направлении от Иоганиесбурга и оттеснил левофланговую дивизию нашей армии, которая принуждена была отойти.

Обнаруживается также более настойчивое наступление противника против крайних право-фланговых частей нашей армии".

Далее говорится:"... приказываю. к рассвету 29 января занять:

Генералу Джонсону (27 пех. дивизия) — фронт Воренн-Тельминкемен—Микунишкен (включительно).

Генералу Розеншильд-фон-Паулину (29 пех. дивизия) фронт Микунишкен (исключительно)—Думбельн включительно.

Генералу Феодорову (53 пех. дивизия)—фронт Думбельн (исключительно)—Сокаллен.

Генералу Лашкевичу (28 пех. дивизия) — фронт высота 228 (к северу-западу от Грабовен)—Рдзавен.

На указанных фронтах всем дивизиям оказать противнику самое энергичное сопротивление....." (Схема № 6).

Затем, следовали указания командира корпуса — каким порядком расположиться на этих позициях, по ширине фронта не соответствующих силам корпуса; о выделении в корпусный резерв по одному батальону от 29, 53 и 28 ди-

визий, о разграничении полос разведывания и охранения, места парков, обозов 2-го разряда и дивизионных и т. п.

Итак корпус теряет ночь и весь следующий день 28 января.

Не будем утверждать, что потеря времени послужила решающим фактором в обстоятельствах гибели XX корпуса, но среди многих причин, увлекших корпус на путь катастрофы, задержка генерала Булгакова на занимаемой им позиции дала основание хотя бы начальнику 28 пех. дивизии определенно назвать следственным властям, в качестве основной причины гибели корпуса, поздний отход его на тыловые позиции.

И если отвод всего корпуса назад был возможен только в результате соглашения с командиром XXVI корпуса, то ничто не препятствовало генералу Булгакову уклонить право-фланговый участок, чтобы подровняться с расположением войск генерала Епанчина. Это было только вопросом связи.

В своей обычной ежедневной сводке, от 27 января № 890, штаб армии доносит Главнокомандующему фронтом, что XX корпус в течение ночи на 28 января отведет на линию Гронден-Куттен только левый фланг 28 дивизии, дабы выйти на фронт XXVI корпуса, в котором части 84 пех. дивизии уже с 8 часов вечера должны взять новое направление на фронт Гронскен—Кл. Габлик. Затем, если бы какое нибудь божество, открыто покровительствующее генералу Епанчину, и помогло бы ему удержать войска Вержболовской группы на позициях западнее Шталюпенена, то и тогда бы, в течение первых суток отхода армии, положение XX корпуса не переставало бы быть чрезвычайно трудным, ввиду сохранения все тех же тыловых путей. С уклонением правого фланга армии, надо было повернуть на тот же угол и всю сеть военных дорог; если же новая схема тыла оказывалась бесполезной для III-го армейского корпуса, выходившего из игры, то для группы генерала Булгакова далеко не было безразличным, в каком направлений предстоит эшелонировать тыловые учреждения и по каким дорогам ему придется спасаться, чтобы не быть отрезанным от прямых путей к Неману.

Так вот каковы были те отдельные звенья цепи, заковав в которую заживо погребли впоследствии XX корпус, насыпав над ним могильный холм; его не могли разметать богатырские плечи войск генерала Булгакова, этого не сделали затем и запоздалые усилия оправившейся X армии.

День 28 января начался для штаба армии под знаком дурных предзнаменований. В 7 ч. 15 минут утра была получена из Ковны от командира III-го армейского корпуса телеграмма за № 630, помеченная двумя часами ночи. Телеграмма только передавала донесение генерала Леонтовича и сообщала сведения, уже нам известные, об отходе кавалерии через Словики—Панове по направлению к Гришкабуда.

При этом, генерал Епанчин совершенно умалчивал о положении своего корпуса, о котором он, повидимому, сам ничего и не знал. Было очевидно, что генерал Епанчин бросил свой корпус на произвол судьбы в самые тяжелые для него моменты, потеряв с ним всякую непосредственную связь. Остается предположить, что переезд в Шталюпенен, 27 января в 1 час дня, последовал только для того, чтобы затем сесть в поезд и докатиться до Ковны, опередив таким образом корпус на 100 верст. Только это обстоятельство и может служить об'яснением, почему генерал Епанчин обошел молчанием вопрос о положении дел в корпусе, о том, как Вержболовская группа совершила отход, где находятся арьергарды, на каких рубежах сохраняется сопрокосновение с противником (быть может оно окончательно утеряно), как ведут преследование германцы, сообщено ли об отходе соседнему XX корпусу и т. д. и т. д.

Надо думать, что командир корпуса очутился в Ковне не неожиданно для самого себя, вполне отдавая себе отчет в том, какие коментарии последуют по получении телеграммы, в которой телеграфист выдает его присутствие в Ковне. Следующая же телеграмма генерала Епанчина была отправлена уже из Кибарты, куда, вероятно, коминдир корпуса вернулся к 10 часам утра.

Ввиду настойчивого приказания командующего X армией, неоднократно им подтверждаемого, удерживаться на Шталюпененской позиции, генерал Епанчин, с свой стороны, отдал

вытекающие отсюда распоряжения, но сделать войска своего III-го корпуса более устойчивыми он, конечно, был безсилен. Напрасно генерал Сиверс убеждал начальника Вержболовской группы, что движению части сил противника в обход правого фланга не следует придавать серьезного значения, что это движение имеет характер исключительно „демонстративного марша“ и что, наконец, подходящая бригада 68-й пехотной дивизии может парировать обход германцев.

Однако доводы и соображения генерала Сиверса были не убедительны прежде всего по существу, так как совершенно не отвечали действительности и кроме того основывались на предубеждениях. Самое же главное, генералу Сиверсу приходилось диктовать свои директивы в пустое пространство.

28-го января к 2 часам дня, в Штаб III-го корпуса поступили сведения, что со стороны Виллюнена и Пилькалена наступает около дивизии противника, повидимому, продолжающей свой марш от Ласденена. Вместе с тем воздушная разведка обнаружила наступление бригады немцев восточнее Шареленского леса у Шиленена. В связи с сосредоточением около одной неприятельской дивизии у Владиславова, силы германцев на фронте III-го корпуса оценивались его командиром более, чем в две дивизии. (Схема № 5).

К этому времени, поступили сведения о перерыве связи с двумя батальонами 291-го Трубчевского полка, выдвинутыми в район Иодзунена для связи с XX корпусом. Они были атакованы и охвачены немцами.

Опасаясь за положение частей, занимающих Шталюпененскую позицию, генерал Епанчин решил немедленно начать отход на Вержболовскую позицию, вопреки приказания командующего армией. Отдав в этом смысле распоряжение, он в 2 ч. того же дня донес о своем решении командующему армией, изложив всю обстановку. Одновременно с этим, генерал Епанчин получил телеграмму от Штаба армии с указанием оставить войска на шталюпененской позиции и эшелонировать правый фланг уступами у Бильдерветчена и на северной части Вержболовской позиции. Та же телеграмма вновь пыталась успокоить командира III корпуса утверждением, что движение германцев на Вержболовскую группу носит „демонстративный характер“.

Для обеспечения отхода частей генерала князя Макаева, занимавшего лево-фланговый участок, было послано генералу Иозефовичу приказание — выслать часть сил к Эйдткунену, но это приказание пришло тогда, когда генерал Иозефович уже подходил к Вержболову.

Генерал Епанчин, расставаясь навсегда с бывшим своим боевым соседом, XX корпусом, и ни слова не говоря генералу Булгакову о своем начавшемся стремительном отступлении, посылает ему однако в 4 часа дня 28 января телеграмму с изложением личного мнения относительно того, что XX корпусу следовало бы двумя дивизиями атаковать во фланг германцев, теснящих Вержболовскую группу.

Генерал Епанчин быть может и был прав, подавая такой разумный совет, но он не мог не сознавать, что для успеха подобной операции прежде всего было необходимо, чтобы III-й корпус, повернувшись лицом к противнику, нашел и для себя какие нибудь точки опоры.

Что же касается генерала Леонтовича, то последний, выяснив движение от Словики на Владиславов трех германских пехотных бригад и четырех полков конницы с сильной артиллерией, отошел к с. Гришкобуда, согласно указанию приказа по корпусу № 56, вследствие которого с отходом корпуса на Вержболовскую позицию конница должна была перейти к с. Гришкобуда.

Около 6—7 часов вечера 28 января, войска полковников Ушакова и Бискупского занимали расположение впереди правого фланга Вержболовской позиции и продолжали вести бой, удерживая немцев [1]), добушировавших из Владиславова. Можно сделать вполне вероятное предположение, что противник и не стремился оттеснять стоящие впереди него части III-го корпуса. В интересы германцев входило, удерживая на этом участке фланговые части 10-й армии, продолжать свое обходное движение к югу.

Приблизительного около того же времени, колонна полковника Линденбаума, слабо теснимая немцами, но обстрелянная во время движения артиллерийским огнем, подошла к д. Рудкишки и стала занимать Вержболовскую позицию, не располагая никакими сведениями о том, что делается вправо и влево от нее.

---

[1]) Опору войск создал 107 пех. Троицкий п.

В свою очередь, и колонна генерала Иозефовича не стала ожидать приказа об отходе на Вержболовскую позицию. Узнав о том, что полковник Линденбаум уже оставил свое прежнее расположение, ген. Иозефович снялся с позиции и, сильно обстреленный артиллерийским огнем, в 12 часов дня отошел сначала к Бильдерветчену, а затем в 5 часов 30 мин. дня предпринял свой переход на Вержболовскую позицию, тоже потеряв всякую связь с соседями.

Около 8 часов вечера колонна втянулась в Эйдткунен. Войска генерала князя Макаева, почти не обеспокоенные немцами, очистили Шталюпененскую позицию, а затем, повидимому, тоже не поддерживая ни с кем никакой связи и не озабоченные получением каких либо приказов от командира корпуса, к 8 часам вечера подошли к Кибартам и врезались в колонну генерала Иозефовича, как раз в то время выходившую на шоссе.

Словно избегая встречи с войсками, и именно в момент сосредоточения у Кибарт большей части корпуса, ген. Епанчин выезжает из Кибарт в Вильковишки, тем самым лишая себя возможности войти в личное соприкосновение с начальниками колонн и внести в управление корпусом сколько нибудь смысла и твердости.

В 7 часов 30 мин. вечера 28 января полковник Ушаков (части 289-го, 290-го, 271-го и 107-го полков, около 8 батальонов с 2-мя батареями) получил приказ о занятии Вержболовской позиции. Исполняя это приказание, он был атакован немцами с обоих флангов. Около 1 часу ночи, полковник Ушаков отошел на 2 версты назад, где и оставался до 8 часов утра 29 января, ничего не зная о соседях, не имея никаких распоряжений и потеряв связь даже с Вискупским. Последний, „получив приказ генерала Епанчина о движении на Ковно“, как говорит один из источников, направился севернее полотна железной дороги на Козлова—Руда. Что это был за приказ, касался ли он остальных частей корпуса, когда он был отдан, да и существовал ли он, вообще, этого выяснить не представилось возможным.

Колонна полковника Ушакова, не получая никаких распоряжений, направилась на Пильвишки. Полковник Линденбаум при подходе к Вержболовской позиции установил в

северной ее части присутствие немцев, тем не менее оставался в непосредственной близости противника до 4 часов утра 29 января, когда и двинулся на Вильковишки и Мариамполь, потеряв во время пути у м. Ольвита, при атаке немцев с севера, 4 орудия.

Войска генералов Макаева и Иозефовича, слившись в одну колонну, с трудом подвигались по шоссе, запруженному обозами. Было около 11 часов вечера, когда колонна, пройдя Вержболово, подверглась атаке незначительных частей противника. Возникла паника; войска бросились в стороны, одна часть их в полном безпорядке хлынула на Мариамполь, другая в сторону Кальварии. На другой день конница генерала Леонтовича, двигаясь из Гришкобуда на Мариамполь, видела по пути своего движения группы солдат в 75 — 100 человек, шедших без офицеров, с промежутками в 1—2 версты.

В 10 часов вечера 28 января штаб III-го корпуса прибыл в Вильковишки, в 6 часов утра 29 января перешел в Мариамполь, а в 8 часов вечера в тот же день очутился в местечке Прены. Командир корпуса между тем получил ряд указаний от командующего армией по поводу отхода за Неман. Он пишет один приказ за другим, не видя войск, ничего не зная о местах их расположения, порвав всякую связь с ними...

К вечеру 30 января на Козлово—Рудской позиции собрались остатки 107-го, 223-го, 289-го, 290-го и 292-го полков, всего немногим более 3000 человек, затем оба полка 68-й дивизии и отряд полковника Бискупского. На следующий же день, т. е. 31 января, выяснилось, что остатки 221-го, 222-го, 224-го и 225-го полков отошли на Симно, откуда по приказанию штаба армии в числе 1620 человек при 4 батареях направились в Олиту.

Таким образом, поздно вечером 28 января, когда XX корпус все еще удерживал свои позиции, только собираясь сняться с них, его правый фланг и тыл были совершенно открыты на глубину до 80 верст. После всего этого даже призрак какого нибудь сопротивления со стороны Вержболовской группы не представлял опасности для обходящих германцев, которым благоприятный случай даровал свободу

действий почти в условиях мирного времени. Этой свободой германское командование воспользовалось со всей энергией уверенных в себе победителей; победителей как в настоящем, так и в будущем.

Итак, группа генерала Епанчина сделала со своей стороны все возможное, чтобы выйти окончательно из соприкосновения с противником, уклонившись, правда, от столкновения с значительно превосходными силами, как по количеству, так и в качественном отношении, притом в невыгодных для себя маневренных условиях.

Если бы, при некоторой упорядоченности движения, достигаемой обыкновенно обстоятельствами предусмотренного отхода, вся армия отошла на те же 3 — 4 перехода назад, то это был бы красивый маневр, продиктованный стратегией момента. Но III-й армейский корпус как будто не признавал себя связанным с остальными частями армии не только общей оперативной мыслью, но даже ничтожной долей чувства взаимной выручки.

С вечера 28 января, в центре 10-й армии, части XX корпуса снялись со своих позиций и начали отход на линию Гольдап—Грабовен. Для связи с XX корпусом, распоряжением Начальника Вержболовской группы, как известно, под диктовку командующего армией еще в ночь на 28 января был выделен отряд в составе двух батальонов 291-го Трубчевского полка (от 73-й пехотной дивизии).

Но в 10 часов утра того же 28 января, Трубчевцы, занимавшие участок в районе д. Иодзунен, оказались обойденными противником, который овладел окопами, нарытыми к востоку от расположения отряда, назначенного для связи с XX корпусом. Трубчевцы покинули свой участок, открыв фланг 27-й пехотной дивизии, в частности, 108-го пехотного Саратовского полка, на который и легла вся тяжесть обеспечивания отхода не только дивизии, но и всего корпуса, благодаря этому и отошедшего сравнительно спокойно.

Ход событий на левом фланге армии, с момента увода отряда генерала Братанова на позицию впереди Лыка, утратил свой напряженный характер и свидетельствовал в пользу предположения, что в районе Лыка 10-я армия имеет дело с сильным и энергично действующим противником, однако

в определенных силах. Это последнее обстоятельство ограничивало размах операции и вынуждало противника только поддерживать раз взятый темп.

В связи с отходом и III-го Сибирского корпуса на линию Ней-Юха-Лык, положение крайнего левого фланга приобретало, несомненно, некоторую прочность. Создавались таким образом исходные данные в обстановке для перехода в наступление. Резервы, направленные в этот район, уже успели образовать довольно компактную, хотя и несколько пеструю группу. Первоначально, до момента отхода к Лыку, генерал Братанов сдерживал напор немцев у Дригалена, имея у себя под рукою 30-й Сибирский и 225-й полки с 4-мя орудиями. В Лыке, как известно, уже собирался отряд под начальством генерала Российского и числился в составе 9 батальонов при двух батареях, когда отряд генерала Братанова под давлением немцев должен был оставить Дригален. Левый боковой отряд III-го Сибирского корпуса под начальством генерал-майора Мясникова (32-й Сибирский полк и 1 батальон 27-го Сибирского полка с батареей), когда противник около 4 часов дня 28 января силами около дивизии пехоты с артиллерией перешел в наступление против правого фланга генерала Братанова, получил приказание атаковать неприятеля во фланг. У генерала Братанова к тому времени собрались под начальством, кроме частей бывших у него ранее в подчинении, сводные полки 28-й и 53-й дивизий с двумя батареями из состава XX корпуса и Аккерманский полк с батареей из войск XXVI корпуса.

Из частей 53-й дивизии, сосредоточенных к Лыку, был образован отдельный отряд в составе двух батальонов и 4 орудий с полусотней казаков. Этот отряд выдвинули к Граево, где уже находилась одна дружина ополчения, для связи с Осовцем. 1-я Отдельная кавалерийская бригада, подтянутая к Кольно, и 48-й Донской полк, стоявший у Щучина, должны были действовать во фланг XL германскому рез. корпусу.

К Ломже стягивалась 1-я Кавказская стрелковая бригада. Ей было приказано двинуться на Кольно. Существовало предположение бросить ее затем на линию Иоганнисбург—Бяла, но это предположение, вследствие резко изме-

нившейся обстановки, в связи с оставлением Дригалена не было осуществлено. Во всяком случае, под командой генерала Братанова собралась группа войск в силах, достаточных если не для перехода в контр-наступление, то для приостановки здесь в дальнейшем германского продвижения.

Оголение правого фланга XX корпуса, казалось бы, побуждало штаб армии возвратить взятые у него части, направленные в район Лыка. Необходимо было образовать резерв за правым флангом генерала Булгакова, чтобы заполнить промежуток между XX корпусом и III-м армейским, хотя бы и отошедшим, по ошибочным сведениям штаба армии, только на Вильковишскую позицию. Но штаб армии, всецело углубленный в развертывающиеся события на левом фланге армии, этим обстоятельством совершенно не озабочивался.

К утру 29 января XX корпус занял следующее расположение: 27-я дивизия, участок Ворён—Тольминкемен—Микунишкен; 29-я, линию Микунишкен — Думбельн; левее ее, до Соколлена, стала 53-я дивизия. На левом фланге корпуса, по высотам к северу-западу от Грабовена, до Рдзавена, несколько уступом назад, расположилась 28-я пехотная дивизия. На этих позициях бодро настроенный командир корпуса твердо решил оказать германцам самое серьезное сопротивление. (Схема 6-я).

Однако, сознавая чрезвычайно опасное положение своего правого фланга, генерал Булгаков предполагал выделить к Пилупенену несколько батальонов, но командующий X армией, считаясь с опасностью отдельного поражения этого заслона, рекомендовал командиру корпуса ограничиться выдвижением отряда лишь к Мелькемену, несколько севернее Роминтенской пущи, с тем, чтобы этот отряд, держась уступом за правым флангом 27 дивизии генерала Джонсона, поддерживал с ней более тесную связь. Совет выдвинуть к Пилупенену конницу не мог быть практически воспринят, так как обещенная кавалерийская часть не прибыла в распоряжение генерала Булгакова; ее отсутствие получило особое значение в последующие дни, когда корпусу пришлось проходить через район местности, наводненной неприятельскими разъездами.

К моменту занятия XX корпусом нового исходного положения (схема 6), т. е. к утру 29 января, группировка германской армии, по сведениям штаба армии, представлялась в следующем виде. На левом ее фланге, против Вержболовской группы, на участке Словики — Пилькален, действовали части первой кавалерийской дивизии, 5 гвардейской и 9 ландверной бригад, теснившие конницу генерала Леонтовича и заставившие отойти правый фланг III армейского корпуса.

Весь XXI корпус ген. Фридр. фон Белова наступал двумя колоннами на Владиславов и Вержболово, имея правее себя части XXXVIII корпуса, нацеленные на Шталюпенен. В центре, сравнительно слабыми силами, 3-й резервной дивизией и ландверной дивизией генерала Якоби, германцы отбивали шаг на месте впереди линии Гольдап — Грабовен — Орловен — Ней-Юха, сильно занятой частями X армии.

Обе дивизии XL рез. корпуса вместе со 2 дивизией I корпуса образовали ударную группу, надвигавшуюся на Лык с направлений Боркен, Клаусен и Грабницк, все время тяготея к южной оконечности Лыкской позиции. (Схема 7).

3 кавалерийская бригада двигалась от Бяла на Простken, углубляя обход, разведывая в направлении Бобр-Нарева и прикрывая маневр со стороны Осовца. Представление штаба армии почти совпадало с действительностью.

Сопоставляя схемы развертывания боевых сил обеих сторон, легко видеть, что германцы сосредоточили главную массу на своих флангах, где они достигали абсолютного превосходства в силах. В центре X армии, которой здесь ничто не угрожало и где германцы развернули только две дивизии ландверно-ландштурменного типа, генерал Сиверс имел 6 дивизий, хотя и ослабленных к 28 января на 14 батальонов, однако наполовину принадлежащих к действующим войскам. Мало того, 27 дивизия, единственная полевая часть, находившаяся в составе III корпуса, была выделена из него и присоединена к XX корпусу, чем поколебали и без того с самого начала неустойчивую и аморфную группу генерала Епанчина.

Некоторым, впрочем очень слабым, утешением может послужить в данном случае сознание, что 27 пех. дивизия

избегла многих злоключений неискусного командования в лице ген. Епанчина и несколько отстрочила гибель XX корпуса, тем самым способствовав крушению значительной части плана фельдмарш. Гинденбурга, строившего расчеты на окружение всей X армии.

ГЛАВА IV.

Сведения о противнике, сообщенные генералом Леонтовичем побуждают командующего армией начать общий безостановочный отход. Предположение отступить на линию Немана. Отношение Главнокомандующего фронтом к принятому генералом Сиверсом решению. Переговоры по прямому проводу штаба армии со штабом фронта. Особое мнение генерала Будберга и расхождение его во взглядах с Командующим армией. В результате переговоров Главнокомандующий предоставляет генералу Сиверсу „свободу действий". Положение на левом фланге армии 29 января. Приказ по армии № 3. Общая организация отступательного марша. Переход XX корпуса на линию Кл. Кальвейтшен — Нассовен — Шиткемен — Блиндгаллен—Дубенинкен—Горбассен—в ночь на 30 января. Бой в районе 27 пехотной дивизии. Приказ командира XX корпуса № 416. Итоги дня 30 января.

Поздно вечером, 28 января, генерал Сиверс получил от генерала Леонтовича, телеграмму, содержащую сведения о противнике.

В ней говорилось, что еще около 10 часов утра, дня подачи этой депеши, вдоль дороги из Словики в Владиславов, приблизительно на половине расстояния, наблюдалось движение неприятельской колонны силою свыше бригады пехоты с артиллерией и полком конницы. „За этой колонной следуют непрерывно пехотные части и между ними много артиллерии; по дороге у кордона в д. Турчины остановилось 27 зарядных ящиков. Движение немцев на Владиславов продолжается непрерывно[1]), прикрываемое с востока конницей, количество которой около бригады...", так доносил генерал Леонтович.

Впервые, штаб армии проникся живейшей тревогой; только теперь перед его умственным взором, казалось, во весь рост поднялась неотвратимая опасность, одним краем уже затронувшая самое существование армии.

---

[1]) Курсив мой. Автор.

По расчету марша, к вечеру 28 января германцы должны были бы беспрепятственно занять Владиславов и, бросивши конницу в промежуток между III и XX корпусами на Волковышки — Кальвария, постепенно резать все сообщения группы генерала Булгакова, изолируя ее не только от войск генерала Епанчина, но одновременно отбрасывая и от всей оборонительной линии Немана.

Так как ни в распоряжении командующего армией, ни тем более у командира XX корпуса не существовало никаких реальных средств, чтобы поставить предел дальнейшему распространению противника, то, вооружившись циркулем, имея перед глазами карту и сделав неизбежные выводы, надо было готовиться к тому, что, в худшем для германцев случае, к вечеру 29 января ими будут заняты Волковышки, (Вилковишки), а к утру или к полудню 31 января — район Мариамполь—Кальвария. К вечеру 1-го февраля Сейны таким образом окажутся в пределах достижения неприятельской конницы и при известном напряжении со стороны германского командования, возможно, туда же подбегут и головные части пехоты противника.

В той же телеграмме генерал Леонтович сообщал о предполагаемом им движении. Оно имело целью „действия во фланг и тыл наступающей немецкой колонне". Даже при чтении этого донесения, подобная фраза звучала пустой угрозой по адресу германцев. Она только отражала правильный взгляд начальника кавалерии на задачи конницы, очутившейся в известной обстановке. Но было очевидно, что генерал Леонтович не в состоянии причинить германцам сколько нибудь существенного вреда, а тем более приостановить их марш—маневр.

Вслед за получением донесения генерала Леонтовича, начальник штаба армии в 11 часов 50 минут вечера телеграфирует генералу Шемякину, начальнику штаба XX корпуса, о том, что тыловой путь последнему указывается через Филипово—Сувалки—Сейны—Лейпуны на Меречь. „Перенос тыловых учреждений должен быть сделан неотлагательно".

Эта телеграмма служит первым показателем той озабоченности, которая не покидала генерала Будберга и в последующие дни. Едва ли его можно заподозрить в излиш-

нем оптимизме. Напротив того, генерал Будберг, пожалуй, был единственным, предвидевшим и предсказывавшим катастрофу. Он предлагал, как мы увидим ниже, меры крайнего порядка, чтобы надвигавшееся поражение ослабить до степени неудачи, хотя бы ценою очень крупных жертв в смысле обречения на гибель большей части корпусных обозов.

Что же касается приказания относительно переноса тыла, то оно, к сожалению, явилось в данном случае уже запоздалым. Даже в сколько нибудь серьезной игре в шахматы или в карты, раз сделанный ход не отставляется; вы не вправе передвинуть фигуру на шахматной доске вне очередного хода противной стороны.

Кроме того, по существу, распоряжение начальника штаба армии говорило только об одной дороге, между прочим, ранее предназначавшейся для 28 пех. дивизии. В этом направлении должен был проходить, повидимому, лишь главный тыловой путь, между тем в телеграмме ни слова не упоминалось о полосе местности, в которой должна быть найдена сеть дорог для всех четырех дивизий. Само собой разумеется, что корпус нельзя было бросить по одной дороге. Следовательно, надо было определить южную параллель, чтобы избегнуть скрещивания тылов двух соседних корпусов, чего все время опасался командующий армией.

Ночь на 29 января штабу армии не суждено было проспать спокойно. Около $2^1/_2$ часов была получена шифрованная телеграмма от генерала Епанчина, повидимому, отправленная со станции Волковышки. Ее содержание настолько многоговоряще, что мы без комментарий приведем полностью этот любопытный документ:

„Прошу сообщить, где Козлова — Рудская позиция [1]). Бригаду 68 дивизии предполагаю высаживать в Пильвишки с тем, чтобы двинуть по северному берегу Шешупы во фланг противнику, который, повидимому (?!), собирается делать глубокий обход, но так как бригада пребывает без патронов, то это дело придется организовать".

[1]) III арм. корпус входил по дислокации мирного времени в состав войск Виленск. в. округа. На 10 в. карте д. Козлово—Руда показана на берегу р. Шешупы, восточнее Пильвишки по дороге в Ковна.

Итак, в то время, как Пилькален, Шталюпенен и Владиславов заняты противником, а III корпус в полном беспорядке сходит с боевой сцены, командир его, говоря о противнике, выражается, что тот, „повидимому, собирается делать глубокий обход“. Этот документ чрезвычайно характерен для облика генерала Епанчина, как военно-начальника и сотрудника командующего X армией, поставившего его на самый ответственный пост нашего боевого расположения в Восточной Пруссии.

Эта телеграмма как бы подводит окончательные итоги деятельности III корпуса и его участию в несчастной судьбе, постигшей X армию. Она же вносит последний штрих в абрис той обстановки, которая соорудила первый этап на крестном пути XX корпуса к его Голгофе.

Рядом с этим, донесение генерала Епанчина свидетельствует о том, сколь глубоко был неправ Главнокомандующий фронтом, настойчиво выдвигая наступательные тенденции X армии, не разбираясь в фактических данных обстановки и игнорируя доводы генерала Сиверса.

В результате, все распоряжения и требования генерала Рузского к несчастью, достаточно твердые, не только не оказали помощи командующему армией, но даже не поддержали его хотя бы морально во время трудных его переживаний. Требования генерала Рузского оказались узко кабинетными и привели бы к проигрышу даже в военной игре, на карте, с воображаемым противником и при абсолютной безответственности за мнимые в этом случае жертвы.

Мы увидим, что в конце концов здравый смысл, хотя и слишком поздно, заставил ген. Рузского стать на правильный путь. Впоследствии Главнокомандующий фронтом предоставил командующему X армией свободу действий сообразно с обстоятельствами, но до этого момента генерал-адъютант Рузский изображал собою только тормаз.

Донесение генерала Леонтовича положило конец всем колебаниям, которых так много накопилось у генерала Сиверса вокруг вопроса о расхождении, существовавшем и все нарившемся между категорической формулой Главнокомандующего фронтом и боевой действительностью. Командующий армией познал, что следовать указаниям

генерала Рузского, преподанным в столь безоговорочных выражениях, задерживаться на промежуточных позициях, организовывать наспех случайную оборону, втягиваться в бой на участке, где противник склонен был даже отступать, чтобы глубже увлечь за собою центр X армии,— значило бы—подвергать армию крупнейшему риску.

Но приняв, казалось бы, твердое решение отступать, уходить скорее, во что бы то ни стало, чтобы оторваться от германцев, генерал Сиверс все-таки продолжает оглядываться в том направлении, где находится штаб Главнокомандующего фронтом и откуда тянутся неуловимые, незримые нити, тончайшие, но в то же время крепкие и цепкие, как стальные тросы. Искусственно он ставит сам себе какие то рогатки, расчленяя отход армии все-таки на ряд этапов.

Зловещая привычка, насквозь пронизавшая весь уклад, все строение, всю природу нашей армии и на многие годы отравившая командный аппарат,—привычка „командовать", когда надо „управлять" или „командовать" потому, что не умеешь „управлять", находит свою формулировку как в распоряжениях командующего фронтом, так и командующего армией.

„Управление" высшими войсковыми единицами, современным боем, военной операцией и „командование" войсками,—два понятия несовместимые, но к сожалению, до последнего времени, это не укладывалось в мозгу высшего командного персонала, призванного к управлению крупными войсковыми соединениями.

Но куда же отступать и в каком направлении?, где остановиться, в чем почерпнуть новые силы, чтобы, выдержавши шок, поглотить инерцию поступательного движения германской армии? Части III корпуса, отошедшие по путям на Ковна и Дерсунишки, невольно и властно манили за собой все остальное. Линия Немана, усиленная крепостями и долговременными позициями, лежала прямо позади и притягивала к себе своей обманчивой надеждой на спасение от назойливого и стремительно напирающего противника.

Система эшелонирования всех тыловых учреждений, относительное благоустройство военных дорог и этапных линий

со складами, продовольственными магазинами, а также запасами всякого материала затушевывали щемящее чувство опасности движения в данном направлении и глушили голос благоразумия, твердивший, что над всем этим, хотя бы образцово организованным тылом, еще есть время поставить крест и мужественно обречь его на гибель. Трудно было примириться с мыслью, что это должно послужить искупительной жертвой за спасение живой силы армии.

Командующий армией воспринимал тревогу за ее судьбу, но как то поверхностно и притом только в той сфере, которая, физически им ощущалась в данную минуту. И на этой почве создается коллизия между взглядами на положение дел у командующего армией и у его начальника штаба. Коллизия, сначала на чисто деловой подкладке, по обыкновению, переносится незаметно в область личных отношений, создавая конфликты, подрывая чувство взаимного доверия и умножая трения при разрешении вопросов, в которых они тем не менее одинаково оба ответственны.

Теперь обратимся к изложению событий, происшедших в течение 29 января. Это был очень тяжелый день для команд. X-ой армией.

В 8 часов 30 минут утра штаб армии получил от начальника штаба XX корпуса генерала Шемякина донесение: „На фронте корпуса ночь прошла спокойно“. Иными словами, немцы, не тревожа в центре расположение X армии, продолжали операцию обхода обоих флангов и искали ее разрешение далеко в тылу XX и XXVI корпусов.

Командующий армией, остановившись на мысли—отходить всем фронтом на восток, указывает XX корпусу линию Вижайны—Бакаларжево, линию, на которую части генерала Булгакова должны отойти в течение двух дней, „ввиду значительного расстояния и трудности пути“. Соседний XXVI корпус в ночь на 30 января должен сосредоточиться в районе Маргграбова — Гонскен (телеграмма, посланная генералу Булгакову 29 января в 12 часов 45 минут дня). В последовавшей затем дополнительной телеграмме, генерал Сиверс отдал распоряжение о выделении одной, „по возможности 28 дивизии“, в армейский резерв.

В целях обеспечения отхода корпуса, командующий армией указал направить часть сил на участок Нассовен — Кальвейтшен, чтобы прикрыть промежуток между Виштынецким озером и Роминтенской пущей на то время, пока корпус не достигнет южной опушки Роминтенского леса. Отход с Гольдапской позиции должен был начаться вечером 29 января. (Отчетная карт. № 1 и Приложение № 16).

Распоряжения командующего X армией не встретили сочувствия у Главнокомандующего фронтом. Неудовольствие прозвучало в телеграмме № 7564 начальника штаба фронта генерала Гулевича:

„Главнокомандующий приказал правому флангу X армии задержать наступление неприятеля и остановить его на линии Козлова — Руда, Мариамполь и принять все меры к тому, чтобы дальнейший отход не был допустим".

Телеграмма начальника штаба фронта чудовищно далека от истинного представления о положении дел. Она ставит X армии настолько трудно разрешимые проблемы, что ее начальник штаба делает попытку хоть сколько нибудь рассеять все сгущавшийся туман, переговорив по прямому проводу с генералом для поручений при Главнокомандующем фронта Бонч-Бруевичем.

Генерал пользовался известным авторитетом в глазах Главнокомандующего и, по отзывам лиц, близко знавших его, как офицера генерального штаба, чрезвычайно недоверчиво относился к чужому, им сначала не разделяемому мнению. Воспринимая его тяжело, ассимилировал долго, взвешивал, перевешивал, но, наконец, усвоив, признав, ревниво цеплялся за него как за свое собственное, отстаивая мысль всеми доступными средствами. Начальнику Штаба армии было важно обратить М. Д. Б.-Бруевича в „свою веру".

Произошел разговор, который мы и приводим (Схема 6).

У аппарата бар. Будберг.

„Генерал Епанчин пролетел через Мариамполь на Дерсунишки и ничего не сообщил о действительном положении дел, да, я думаю, что он не знает — что с его частями. Он передал телеграфом приказ, из которого видно, что частям приказано уходить на Ковну и Дерсунишки. Ему послано приказание всеми силами задержать отход на Козлова—

Рудскую позицию, но я лично думаю, что едва ли это удастся: такие части уже не остановить. Во всяком случае, сделал все возможное, чтобы остановить это отступление.

На левом фланге, на отряд ген. Братанова ведет атаку целый корпус, но к нашему счастью все время пытается обойти его правый, менее опасный фланг. Здесь положение наше прочное, но я считаю необходимым, во избежание всяких случайностей, отвести армию на линию Райгрод—Рачки—Сувалки, имея XXVI корпус уступом назад за правым флангом III Сиб. корпуса".

Генерал Бонч-Бруевич:

„Почему XXVI корпус. Он ведь у вас в центре".

Генерал Будберг:

„Я знаю, что он в центре, но его необходимо иметь уступом назад ввиду его состава. У него взято два лучших полка 64-й дивизии; остальные полки требуют осторожности, чтобы не перетянуть предела их выносливости, особенно при отходе и под натиском.

XX корпус можно иметь к северо-западу от Сувалок, имея в нем не менее полутора дивизии за правым флангом, уступом назад, на тот случай, если бы немцы попытались развить удар от Волковышки на Кальварию и дальше во фланг XX корпуса.

Мне кажется, что такое положение армии является единственным, которое, при создавшейся обстановке, дает возможность выполнить основную задачу, т. е. прикрыть район Осовец—Гродно тремя сохранившимися корпусами.

Положение III Сиб. корпуса с левым флангом у Райгрода уже не допускает обхода этого фланга и дает возможность перехода здесь в наступление, опираясь левым флангом на Осовец. XXVI корпус, осаженный назад, дает меньше повода за него беспокоиться, да и все положение армии уступом слева назад приводит ни к чему удар немцев на наш левый фланг.

Теперешнее положение уступами слева вперед я считаю очень опасным, особенно при возможности сейчас обхода нашего левого фланга южнее Лыка. Отход наш назад не мешает последующему переходу в наступление, и если немцы последуют за нами на указанную линию, то их по-

ложение по мере продвижения на восток будет делаться все хуже. Мы же, имея на линии Райгрод—Боржимен 10 полков III Сиб. корпуса с обеспеченным левым флангом, свободно перейдем в наступление.

В силу всего изложенного, я считаю, что в настоящее время указанное мною положение является единственно возможным. К нему нужно перейти с возможною скоростью, вывести войска из вечного соприкосновения по всей линии с неприятелем, приняв положение, наилучшее для последующего маневра, т. е. сосредоточенное с сильным арьергардом, а не то линейно-крепостное, в которое нас втянула сложившаяся за последнее время обстановка".

Насколько можно судить из этого разговора, начальник штаба армии признавал положение левого фланга безусловно прочным, т. е. настолько устойчивым, что, как мы увидим впоследствии, штаб армии готовился нанести удар „зарвавшемуся" XL германскому корпусу. Момент перехода в контр-атаку должен был совпасть с окончанием сосредоточения в районе Лык — Райгрод достаточного количества резервов, продолжавших накопляться. В действительности против группы генерала Братанова и крайнего левого фланга III Сибирского корпуса действовал не только XL корпус как раньше предполагал штаб армии; там сражались части 2 дивизии 1 корпуса, но в общем это не меняло дела.

Прежнее беспокойство за судьбу левого фланга армии сменилось уверенностью в благополучном разрешении кризиса. Мало по малу назревал план контр-удара с надеждой на конечный успех. Что касается остальных корпусов армии, то, предоставив оторвавшемуся III корпусу свободу расположения в районе Ковны, начальник штаба армии полагал единственно целесообразным — оттянуть их на линию Райгрод — Рачки — Сувалки, окончательно порвав с тыловыми путями, подходящими к Неману.

Мне известно из личной беседы с начальником штаба армии, имевшей место в дни, непосредственно следовавшими за гибелью XX корпуса, что точка зрения генерала Будберга была абсолютно неприемлема для командующего армией. Последний не допускал мысли о расстройстве и крушении всей намеченной системы тыловых путей, потери части обо-

зов и об отходе в южном направлении. Возможно, что в глубине своей души генерал Сиверс и давал полную цену предлагаемой мере, как единственному средству ускользнуть от страшных об'ятий германской армии. Но боязнь ответственности за потерю многомиллионного имущества, неприятное ожидание упрека за отход, не оказав противнику сопротивления до последней возможности, хотя бы понося при этом громадные напрасные жертвы, те и другие соображения могли направить мысли генерала Сиверса в совершенно ином направлении.

Командующий армией, подобно многим другим, обладал по выражению Артура Арну [1]) „специальным мужеством, называемым „военным". „Это мужество состоит в том, чтобы не наклонять головы, когда пули свищут возле ушей; но это мужество кончается, когда в некоторой стене пробоина достигла известного числа квадратных сантиметров".

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в результате последовавших затем дальнейших разговоров по Юзу командующего X армией с генералом Бонч-Бруевичем и начальником штаба фронта, первый мог вывести единственное заключение: генерал Рузский весьма далек от мысли уклониться от боя с германской армией, чтобы в результате, не сказавши последнего слова, хотя бы оно было роковым, очистить территорию Восточной Пруссии.

В те дни, когда обстановка еще не была совершенно ясна генералу Сиверсу, ген. Рузский настаивал на удержании корпусами своих позиций и не соглашался уклонить армию сразу на несколько переходов назад, чтобы свести к нулю всю подготовительную фазу операции германской армии. Тогда еще был смысл отхлынуть в восточном направлении, осадив, главным образом, правый фланг армии.

Но после того, как III армейский корпус очистил поле сражения и предоставил XXI-му германскому корпусу возможность беснаказанно располагать полной свободой действий в тылу X армии, идея отхода в прежнем, т. е. **восточном направлении** не выдерживала даже легкого прикосновения критики.

---

[1]) Член Парижской Коммуны. Автор „Народная История Парижской Коммуны".

Всякое только среднее направление с юго-восточным румбом, неминуемо обращало отступление армии в бег на перегонки с германцами, которые выиграли бы расстояние и пришли бы к призовому столбу победителями уже по тому одному, что отчетливо видели перед собою цель и с самого начала во-время развили всю полноту энергии.

В конечном счете, подобный марш только растрепал бы X армию и так или иначе сделал бы ее на продолжительное время небоеспособной.

Иное решение, решение, правда, крайнее, быть может даже и героическое, заключалось в выводе армии на фронт Осовец—Гродно. Оно поставило бы армию во фланговое положение по отношению к группе германских корпусов генерала Белова и создало бы счастливые условия для нанесения отдельного поражения хотя бы той части неприятельской армии, которая наступала от Иоганнисбурга. Во всяком случае, каково бы ни было направление отхода, требовалась быстрота передвижений, необходим был почти безостановочный марш с короткими отдыхами, без этапов, без длительных ночлегов, искусно организованное бегство, не взирая на многие трудности похода, отягощенного испорченными дорогами и отвратительной погодой.

В течение всего дня 29 января/11 февр. между штабами армии и фронта происходили разговоры по прямому проводу.

И командующий армией, и его начальник штаба прилагали все усилия, изощрялись в доводах, стараясь убедить штаб фронта, что требования Главнокомандующего выходят из пределов возможности, главное, не оправдываются обстоятельствами, знаменуя грубое и несообразное насилие над естественным течением событий. Обстановка была достаточно могущественна, чтобы не подчиниться этому насилию, чтобы протестовать против него.

Командующий армией, разговаривая с генералом Бонч-Бруевичем, предвидел, что ближайшим об'ектом действий противника явится XX корпус, для которого закроются двери в Олитскую позицию. Так как связь с генералом Леонтовичем, по словам ген. Сиверса была, нарушена, то трудно было перебросить конницу в район Кальварии. Таким образом,

повидимому, исчезала всякая надежда и на содействие кавалерии к стороне правого фланга XX корпуса. (Приложение 17).

Однако, командующией армией напрасно придал серьезное значение временному перерыву связи с конницей генерала Леонтовича. Связь эта вскоре восстановилась. Уже 30 января конница направилась в Мариамполь и получила задание расположиться в районе Кальвария—Вижайны для обеспечения промежутка между III и XX корпусами. Вместе с тем она должна была вести разведку в полосе местности Пильвишки, Кальвария, Вижайны и Шталюпенен. С отходом к Ковне Вержболовской группы, конница генерала Леонтовича была передана в ведение командира XX корпуса.

Затем, в разговоре с генералом Гулевичем, командующий армией обращает его внимание на опасность нахождения XX корпуса впереди Роминтенской пущи. Так или иначе, корпус должен быть освобожден от столь опасного соседства, в противном случае пути сообщения генерала Булгакова окажутся на весу ранее, чем это даже предполагает противник.

Спасение армии—только в ее немедленном отходе назад, иначе „ей“, говорит генерал Сиверс, „грозит участь армии генерала Самсонова“. Армия наступать не в состоянии. В ответ на горячую аргументацию командующего армией, генерал Бонч-Бруевич, лицо хотя и не ответственное, но тем не менее влиятельное за кулисами штаба фронта, высказывается в свою очередь в том смысле, что сосредоточение XII армии у Остроленки и Ломжи не даст возможности немцам развить свои действия против левого фланга армии, и командующему армией „остается только справиться с делом на правом фланге“.

В теории, с академической точки зрения, это замечание могло и не вызывать спора; что левый фланг в безопасности—это признавал и начальник штаба армии, но совсем не потому, что где то, на Нареве сосредотачивается XII армия, которую берегут для отдаленных целей. Относительное спокойствие за судьбу левого фланга достигнуто, наконец, за счет установившегося равновесия сил. Центр же тяжести удара германской армии находится в районе Шталюпенен—Волковышки (Вильковишки).

Немцы пока еще преследуют в беспорядке отступающую, распыленную Вержболовскую группу, и поэтому одно из решений напрашивается само собой. А именно, сняв с расположения III Сибирского и XX корпусов возможно большее число батальонов, повернуть на некоторый угол к югу весь XX корпус и подкрепить его резервами, снятыми, таким образом, с остальных участков. Новое исходное положение должно быть перпендикулярно путям наступления лево-фланговой германской группы; ей и должен быть нанесен энергичный удар во фланг.

Но реализация этого плана требует прежде всего времени, которое и без того уже упущено. И где та чудодейственная сила, которая увлекла бы германскую армию на путь глубокого преследования разрыхленной группы генерала Епанчина? Что может отвратить генерала Эйхгорна от соблазнительной мысли бросить вслед разбитому III корпусу лишь конницу и разведочные пехотные части, а затем, главной массой повернуть круто на юг и проникнуть в тыл остальных корпусов X армии? Ничто, конечно. Германское командование так и поступило.

Некоторая часть разговора генерала Сиверса с начальником штаба фронта полна глубочайшего интереса и так отчетливо выступает расхождение во взглядах, что мы приводим в подлиннике отрывок из этой беседы.

Генерал Сиверс.

„О том, что делается в районе Епанчина, я не знаю. Если я решил отходить, то только в виду крайности. Если я буду упорствовать на настоящих позициях, то могу подвергнуть остальные три корпуса риску не только потерять свои сообщения, но и лишиться возможности перехода в наступление совместно с XII армией.

Прошу сообщить, чем вы руководствовались, настаивая на том, чтобы я атаковал противника и помогал расстроенному уже и отступившему Епанчину? Какая от этого будет польза, если и части XX корпуса будут расстроены?

Я представляю себе обстановку так, что для общей пользы мне нужно отойти от угрожающих обходов, действительных, а не воображаемых, и сохранить три корпуса для перехода в наступление“.

Генерал Гулевич.

„Во всяком случае, Главнокомандующий считает, что дальше линии Лык—Бакаларжево—Кальвария—Козлово—Руда, части армии отходить не должны. Перед вами немцы—то же второочередные части. Отход на указанную линию считает возможным только в случае крайности и после боев, которые во всяком случае должны задержать наступление немцев“....

В ответ на это указание генерала-ад'ютанта Рузского, командующий армией, несколько позже, заявляет, что он не в состоянии занять всю линию Лык — Бакаларжево — Кальвария—Козлова Руда. Эта линия имеет протяжение 140 верст, и держаться на ней тремя корпусами, видя к тому же впереди цель — переход в наступление, совершенно невозможно. Если верить донесениям генерала Епанчина, Козлово—Рудская позиция и Мариампольский район очищены частями III корпуса; данная, с которой нельзя не считаться.

При колоссальном натяжении нервов, взывая о помощи к эрудиции своего начальника штаба, которому он, впрочем, не верит и мысли которого не воспринимает, насилуя свою природу старого солдата, привыкшего подчиняться без рассуждений и исполнять точно категорические приказания, бросаемые свыше, командующий X армией шаг за шагом тщится отвоевать себе свободу действий, свободу, которой он, к сожалению, в состоянии воспользоваться только в ничтожной доле.

Едва ли генерал Сиверс нашел бы в себе достаточно сил, чтобы выйти из под опеки Главнокомандующего фронтом. С другой стороны, и генерал Рузский, торжественно заявляющий о том, что он разрешает командующему армией действовать по обстановке, тем самым, резюмируя доводы обеих сторон, отстаивавших каждая свое мнение, однако в телеграмме № 7565 продолжает „переторжку“..... „предоставляю вам действовать по обстановке, считая конечной целью, во всяком случае остановить наступление немцев на линии Осовец—Августово—Сейны—Ковна, опираясь флангами на крепости, удерживая во что бы то ни стало Августов, и при малейшей возможности Сувалки, дабы иметь выгодное исходное положение для решительного перехода в

наступление одновременно с войсками, сосредоточенными в Ломжинском районе". (Приложение 18.)

Вернемся к XX корпусу. (Отчетная карточка № 1).

Получив распоряжение о дальнейшем отходе, командир XX корпуса решил в первый переход достигнуть 27 дивизией линии Кл. Кальвейтшен — Нассовен, а для остальных предназначал район д.д. Шиткемен, Блингален, Дубенинкен, Гарбасен, Бяла.

С вечера 29 января промежуток между озером Виштынец и д. Нассовен был занят двумя батальонами 106 пехотного Уфимского полка. Ночью подошли два батальона 105 пехотного Оренбургского полка и стали в том же районе; 108 пехотный Саратовский полк расположился у д. Крагинен. Штаб корпуса днем выступил в Сувалки.

Между тем на фронте III Сибирского корпуса продолжалось наступление германцев; особенно энергично они действовали со стороны Грабницка. Отряд генерала Братанова был атакован на Лыкских позициях в направлении его правого фланга, но эта неприятельская атака завершилась неудачей. (Схема 7).

Около 8 часов утра 29 января к станции Просткен подошла германская кавалерия, поддержанная вскоре пехотой. Немцы отрезали Лык от Осовца. В дальнейшем, противник стал развивать свой обход в направлени к Райгроду.

К ночи с 29 на 30 января, по предположениям штаба армии, части III армейского корпуса должны были находиться у западных выходов из Козлово—Рудских лесов. XX корпус переходил на новые позиции, рассчитывая лишь к утру 31 января занять фронт Вижайны—Гонча—Бакаларжево. (Отч. к. № 1) XXVI корпус сосредотачивался в районе Маргграбова—Гонскен. III Сибирский корпус оттягивался на позиции в окрестностях оз. Ляшмяден — д.д. Вошелен, Нейндорф, Шеласкен. Одному полку, направленному в Райгрод, приказано было прикрыть подступы со стороны Просткена. Коннице ген. Леонтовича дана была директива перейти в район Мариамполь—Кальвария и обеспечивать промежуток Шталюпенен — Волковышки. Так как связь с кавалерией поддерживалась случайно (она оказалась совершенно отор-

ванной), то само собой разумеется, что ничто не гарантировало получения генералом Леонтовичем этого распоряжения и нельзя было рассчитывать тем или иным способом регулировать деятельность конного отряда.

В тот же день, т. е. 29 января, командующий армией отдал приказ № 3, содержание которого исчерпывалось обозначением путей отхода корпусов. В частности, тыловые дороги должны были вывести XX корпус, через Кальварию, Лодзее, Лейпуны, Кошциово на участок Немана, Олита — Меречь. Соседнему XXVI корпусу предоставлялось направление через Августов — Махарце — Гибы к фронту Свентоянск — Гожа. III Сибирский корпус предполагалось при дальнейшем отходе сосредоточить у Гродны. (Отчетная карточка № 2).

Не трудно видэть, что свобода действий, предоставленная командующему армией, была им использована на этот раз исключительно лишь в смысле **безостановочности марша**. Не смотря на все усиливающееся давление германцев на правый фланг армии, ее **пути отступления** тем не менее **шли в прямом направлении на восток** и, конечно, подвергались разнообразным случайностям со стороны предприимчивого противника.

Между тем, целый ряд уступок, на которые удалось склонить Главнокомандующего фронтом, снижал предполагаемые районы сосредоточения неизменно к югу. Вначале, генерал Рузский совершенно не допускал мысли об оставлении армией своих укрепленных позиций. Когда же обстоятельства поставили его перед совершившимся фактом на участке Вержболовской группы, он прочертил приемлемую для него, как Главнокомандующего фронтом, линию расположения корпусов X армии через Мариамполь на Козлова—Руда.

Позднее, начальник штаба фронта в своем разговоре с генералом Сиверсом намечал тот возможный рубеж, дальше которого армия не должна отходить, а именно от Козлова—Руда, на Кальварию, Бакаларжево, Лык. Наконец, в телеграмме, в которой Главнокомандующий переносит значительную долю ответственности за судьбу X армии на ее командующего, генерал-ад'ютант Рузский в крайнем случае мирится с отходом армии даже на фронт Ковна — Сейны — Августово — Осовец.

Отчетливо изображенный постепенный уклон правого фланга армии обуславливался каждый раз нараставшим успехом германцев на правом фланге. Но на это обстоятельство командующий армией, повидимому, не обращал большого внимания. Это тем более странно, что его начальник штаба генерал Будберг шел в данном направлении значительно дальше, чем это допускал Главнокомандующий фронтом.

Вспомним, что вечером 28 января, после получения телеграммы генерала Леонтовича, подвинувшей командующего армией на решение предпринять безостановочный отход, генерал Будберг отправил командиру XX-го корпуса телеграмму с указанием нового тылового пути в направлении на Филипово — Сувалки — Сейны — Лейпуны — Меречь.

Эта дорога могла рассматриваться только как самая северная; она не достаточно отводила корпус от сферы распространения надвигавшегося противника, но тем не менее распоряжение начальника штаба армии послужило, хотя и на короткое время, некоторой поправкой за обстановку. Телеграмма генерала Будберга, в сущности, не вносила ничего нового, но подсказывала командиру корпуса мысль совершенно позабыть о тех дорогах, которые раньше предназначались для 27, 53 и 29 пех. дивизий.

Что же касается приказа командующего армией, то он переводил корпус на те же тыловые пути, которые были ему предоставлены в нормальной обстановке, по крайней мере в отношении северного направления. Таким образом, аннулировалось отданное раньше, вполне отвечающее обстановке, распоряжение начальника штаба армии, как будто бы отход III-го армейского корпуса и появление противника у Владиславова, уже нависающего над тылом XX-го корпуса, не требовали снижения всей сети путей отступления армии.

В этой части приказа сам начальник штаба армии едва-ли повинен; повидимому, мы сталкиваемся здесь с творчеством иного порядка, так сказать, полуофициальным. Оперативная мысль штаба армии работала в различных направлениях, причем генерал Сиверс далеко не был солидарен с генералом Будбергом, точка зрения которого отчетливо выступает в его беседе по прямому проводу с генералом Бонч-Бруевичем. Поэтому весьма вероятно, что в

данном случае имело место оперативное содружество командующего армией с одним из чинов штаба армии.

Корпуса должны были отходить с наступлением темноты и занимать новые исходные положения к рассвету. Но так как с первым проблеском дня, противник торопился открыть боевые действия, то подобная организация марша разбивала и до чрезвычайности утомляла, истощала войска. Дневная остановка не выводила армию из боя, держа войска все всемя в состоянии предельного напряжения, без сна, без отдыха и чаще всего без горячей пищи.

В течение дня, немцы, поставив обоз на полозья, делая, по собственному их признанию, до 60 километров и вполне ориентированные, не только догоняли отступавшие части X-ой армии, но каждый раз к вечеру ставили ее в еще более сложные условия обстановки.

Находясь днем в атмосфере боя или в ожидании неприятельской атаки под артиллерийским и часто ружейным огнем, армия положительно ничего не выгадывала от ночных движений. Ночной марш, сам по себе тяжелый по времени суток, лишал войска сна, сбивал их с пути, на каждом шагу окружал их призраками преследующих германцев и в результате, конечно, не достигал цели в смысле вывода войск из близкого и постоянного соприкосновения с противником.

Последовательное навязывание войскам сознания опасности, в процессе организованного бегства при содействи ночи, в силу психологического закона неминуемо создавало благоприятные условия для наростания эмоции страха, после чего оставался лишь один шаг до возникновения паники.

Было бы спасительнее, отбиваясь сильными арьергардами от кое-где наседавшего противника, отходить, пользуясь дневным светом, вплоть до наступления темноты и предоставлять войском отдых на биваке в течении 5 — 6 часов. Затем с рассветом снова возобновлять движение, чтобы всеми мерами увеличить расстояние между собою и неприятелем, сделав его временно для войск совершенно невидимым.

Отступление армии при нормальных условиях должно было прикрываться кавалерией с конной артиллерией и незначительными, легко подвижными частями пехоты. Но, к сожалению, конница оказалась отброшенной далеко на

крайний правый фланг; кроме того, затравленная неприятельской кавалерией и пехотой, она бесцельно растеряла силы, измоталась и едва сохранилась только для того, чтобы переползать с места на место, окончательно утрачивая уже замиравший боевой импульс.

Хотя в действительности XX-му корпусу вскоре пришлось отступать безостановочно, тем не менее злоупотребление в первые дни ночными маршами ускорило гибель группы генерала Булгакова. И в тот момент, когда ночной покров был, действительно, исключительно необходим для последнего отчаянного усилия, этого усилия войска развить не смогли; они дошли до предела, до полного ко всему безразличия, потеряв остроту чувств и мысли; изголодавшись и отупев от бессонницы, они относились бессознательно ко всему окружающему их и даже к своему собственному существованию.

Занятие промежутка между Виштынецким озером и д. Нассовен явилось актом величайшей предусмотрительности. Тяжелая и ответственная задача по обеспечению XX-го корпуса в часы его отхода на фронт Вижайны—Бакаларжево была возложена на 27 пехотную дивизию, но из этого испытания последняя вышла не совсем благополучно. Лазареты и перевязочные отряды, заблаговременно направленные в тыл по путям, лежащим однако в сфере действий противника, были захвачены немцами еще на рассвете 29 января в районе Виштынец, и это обстоятельство поставило части 27 пехотной дивизии, в отношении медицинской помощи, в положение, исключительно тяжелое. К ночи на 30 января XX-му корпусу удалось занять промежуточное расположение (т. е. линию Кальвейтшен — Шиткемен — Горбасен—Бяла) без помехи со стороны противника, но с утра 30-го немцы, беспрепятственно скопившиеся с севера к Виштынецкому озеру, повели наступление по обеим сторонам его. В полдень начался бой на правом фланге расположения 27-й дивизии. Силы противника нарастали. Германцы атаковали д. Вишупенен, занятую батальоном 106-го пехотного Уфимского полка. Батальон не выдержал натиска и отошел к д. Куйкен. На помощь ему был выдвинут 108-й пехотный Саратовский полк. Противник был временно оттеснен, и Саратовцам уда-

лось даже продвинуться версты на две к северу от д. Куйкен. (Отчетная карточка № 1).

Вскоре немцы повели наступление на центральные части и, выдвинув батарею на позицию к западу от д. Вишупенен, стали обстреливать шоссе Мелькемен—Абшернингкен, путь отхода левого участка.

Около 3-х часов того же дня, 30-го января, части Уфимского полка и здесь были сбиты. Неприятель стал продвигаться. Боевая часть начала отступление к д. Шиткемен, но в течении времени, когда собирались войска, немцам удалось продвинуться еще вперед, и начальник боевой части генерал Беймельбург, считая себя отрезанным от прямого пути, бросился с частями 105-го Оренбургского и 106-го Уфимского полков на запад, в Ромингенскую пущу, откуда вышел на юг, стремясь пробиться на соединение с корпусом. 2 батальона 106-го Уфимского полка, остававшиеся в качестве арьергарда у Тольминкемена, отходили с боем на присоединение к полку. Атакованные во фланг и отрезанные от путей, идущих на восток, они принуждены были отойти к д. Ашлаукен, откуда, пробиваясь на юго-восток, батальоны влились в общую массу расстроенных частей под командой генерала Беймельбурга.

На самом же деле в районе Рабенишки, куда рвались немцы, желая выйти в кратчайшем направлении на шоссе, противник был задержан ротой Уфимского полка под командою доблестного поручика Кульдвер.

Рота расстреляла все патроны; у немцев их тоже не было, и враги находились в расстоянии 300 шагов друг от друга, оставаясь на местах вплоть до 7 часов вечера.

Под прикрытием частей 27-й дивизии остальные дивизии корпуса в течение ночи, повидимому спокойно, заняли предназначенные им районы по линии Пиллупенен — Бяла (10 верст севернее Маргграбова).

Командир корпуса, совершенно не ориентированный в ходе боя на участке Нассовен — озеро Выштынец и о том, какой оборот принял этот бой, продолжал держаться предположения, что к утру 31-го января ему удастся отойти на фронт Еглинишки — Вижайны — озеро Гонча — Павловка — Бакаларжево, о чем генерал Булгаков и послал телеграмму

штабу армии, полученную на месте в 8 часов вечера. Штаб 27-й дивизии, на участке которой протекал бой, не донес о результатах его своему командиру корпуса, ссылаясь на то, что штаб корпуса уже выехал из Гольдапа в Сувалки. Однако, в этом случае ему следовало во что бы то ни стало установить связь с будущим местом пребывания штаба корпуса, чтобы поставить его своевременно в известность об обстоятельствах, совершенно менявших предположения командира XX-го корпуса.

Между тем район, в котором должны были стать части 27-й дивизии, уже перешел во владение противника. 27-я дивизия, которая должна была занять право-фланговый участок на всем расположении корпуса, протянувшись на север до Еглинишки, была фактически представлена к тому времени только одним 108-м пехотным Саратовским полком. Это было все, что осталось в тот день от 27-й дивизии. Полк отошел на д. Мауда и занял позицию у д. Оклины фронтом на север и на северо-запад.

Таким образом, над корпусом снова нависла угроза атаки во фланг и в тыл значительными силами противника.

Следуя неуклонно указаниям командующего армией, оглядываясь непрестанно вдаль своих тыловых путей, генерал Булгаков предлагал своим войскам задачи, которые силою вещей видоизменялись. Вместо того, чтобы предусматривать, (а предусмотреть можно было многое), вместо того, чтобы иметь часть сил, обращенных не только на север, но даже и на северо-восток, командиру корпуса приходилось все время только загибать фланги.

В 8 часов вечера 30-го января генералом Булгаковым был отдан приказ по корпусу, согласно которому к утру 31-го января 27-я дивизия должна была занять участок Еглинишки — Вижайны; 29-й дивизии предоставлялось распространиться влево, включительно до д. Павловка. 53-я дивизия направлялась на участок в районе Бакаларжево. 28-я пехотная дивизия отводилась в резерв командующего армией, для чего должна была быть перевезенной по железной дороге в Августов. а затем брошена в район Лыка.

Арьергарды выдвигались, соответственно по дивизиям, к д. д. Литкеме, Заржеге и гор. Филипово. Дивизиям ука-

зывались пути: 27-й — на Слободка, Лодзее, Олита; 29-й — через Глубокий Ров на Калетники, Клейвы, Лейпуны, Меречь; 53-й — на Сувалки, Краснополь, Сейны, Кощиово к Друскеникам.

Поздно вечером 30-го января от командира корпуса, к тому времени, надо полагать, уже достаточно осведомленного, было получено приказание: частям 27-й и 29-й дивизии занять фронт Потопе — Ровеле — Марианка — Рогозайне Вельке. Во исполнение этого приказа, на участке Потопе — Ровеле расположился 113-й пех. Старорусский полк; левее, до Рогозайны, стал 115-й пех. Вяземский полк и к западу от него протянулся 108-й пех. Саратовский полк.

Что касается расположения к вечеру 30-го января остальных корпусов 10-й армии, то оно представлялось в следующем виде: III-й армейский корпус в составе 6 батальонов, оставшихся от Вержболовской группы, 225-го пех. полка и бригады 68-й пех. дивизии занимал Козлова-Рудскую позицию. Конница генерала Леонтовича, как об этом уже говорилось, находившаяся в то время севернее Козлова — Руда, получила приказание итти на Мариамполь.

XXVI-й корпус к утру 30-го января стянулся главными силами в район Маргграбова—Гонскен, имея арьергарды выдвинутыми на фронт Доливен — Гизен — Рдзавен. Отступление было выполнено без нажима со стороны немцев, но оно очень утомило войска, двигавшиеся по дорогам, густо занесенным снегом. Корпус должен был оставаться на этом фронте в готовности оказать содействие III-му Сибирскому корпусу, если бы противник предпринял наступление на стык между ними в направлении на Лык.

В течение дня 30-го января на левом фланге армии в районе III-го Сиб. корпуса продолжались бои. 8-я сибирская стрелковая дивизия занимала право-фланговый участок у д. Пяскен — Вошелен (несколько южнее д. Н.-Юха). Здесь противник не вел атак, ограничиваясь обстреливанием артиллерийским огнем. Южнее, на фронте Биген — Бартоссен вела горячий бой 7-я сибирская стрелковая дивизия. (Схема 7-я).

Отряд генерала Братанова в 18 батальонов обеспечивал крайний левый фланг армии, ведя бой по линии д. д. Талуссен — Некрассен, загибая фронт у д. д. Липинскен —

Регельн. Немцы предпринимали частичные попытки к наступлению, легко отражаемые огнем. На правом фланге отряда войска даже перешли в наступление, заставив немцев несколько поддаться назад. Но около 1-го часа дня, со стороны д. Остроколлен появилась незначительная колонна, которая, однако, в связи с донесением из Граевского отряда о движении еще утром неприятельской дивизии с кавалерией на восток от Просткена, раскрыла намерение германцев развить свой обход на Райгрод. В сущности, это обстоятельство не представляло неожиданности. Еще накануне, для обеспечения направления Райгрод — Августов, к Райгроду был послан полк с батареей, но на пол-пути к месту назначения он был обстрелян артиллерийским огнем с юго-запада. Полку было приказано „пробиться" к Райгроду, что в тот момент не вызвало затруднений, но этот незначительный, казалось бы, эпизод говорил многое. Как бы то ни было, германцы и в этом отношении упредили X-ю армию. Сведение, датированное утром 30-го января, относительно наступления сильной неприятельской колонны на восток от Просткена устраняло всякие сомнения по поводу того, что Райгродские теснины для сибирского корпуса уже потеряны, Августов неосмотрительно открыт, а вместе с этим решена и судьба Лыкского отряда.

Видя полную пассивность армий северо-западного фронта со стороны Осовца, германцы, ограничившись наблюдением к стороне его, почувствовали себя в полной безопасности. Этого было совершенно достаточно, чтобы предпринять еще более глубокий обходный маневр и тем самым легчайшими средствами при минимальных жертвах парализовать всю оборону III-го сибирского корпуса, поставив его перед необходимостью отступать, не теряя времени, организуя на путях к Августову лишь случайную оборону.

Выделение 28-й пех. дивизии в резерв командующего армией имелось ввиду еще до наступления момента, когда обозначилось движение германцев в направлении к Райгроду.

Возникла и назревала мысль, после того, как правофланговая группа 8-й германской армии фон-Белова расточит свои силы в напрасных попытках сбить расположение III-го сибирского корпуса,—обрушиться на XI-й германский

корпус в превосходных силах, выполнив таким образом акт справедливого возмездия за тревоги прошлых дней и за отход почти до пределов России.

Крайний правый фланг армии, окончательно оторвавшийся и осевший 6-ю батальонами из состава подошедшей бригады 68-й пех. дивизии и 225-го полка на Козлова-Рудской позиции, если и не вызывал беспокойства, то и не наводил на мысль о каком-нибудь с его стороны содействии. Он сделал злое дело и, в сущности, вычеркнул себя из списков боевого состава X-й армии.

Германцы, ограничившись ничтожным заслоном, перестали считаться с бывшей когда-то Вержболовской группой.

Все свое внимание германцы сосредоточили на XX-ом корпусе. Но этого штаб армии, по крайней мере, лично ее командующий не видел или не сознавал. В противном случае не было бы иного решения, как изъяв 28-ю дивизию из расположения на стыке XX-го и XXVI-го корпусов, поставить ее уступом за правым флангом 27-й дивизии.

Таким образом, имея под рукой довольно свежие батальоны, можно было наскоро соорудить плотину против стремительного потока частей XXI-го германского корпуса, первым хлынувшего в отверстие, раскрывшееся между XX-ым и III-им корпусами.

Наконец, в самом последнем случае, решившись все имевшиеся резервы обратить на погашение минусов, которые накопились в районе Лыка, следовало смело оттянуть правый фланг X-й армии, т. е. части XX-го корпуса, к югу и поставить их на перерез путей наступлений противника.

Между тем многие распоряжения штаба армии находились между собою в кричащем противоречии и, конечно, не способствовали созданию того сколько-нибудь сносного равновесия в общем положении армии, при котором нашло бы себе оправдание ослабление XX-го корпуса. Равным образом нельзя было сочувствовать в тот момент направлению 28-й дивизии в район Лыка, где события начинали просветляться.

Командир III-го Сибирского корпуса не взывал о помощи и столь же молча, эпически спокойно выдерживал

напор германцев, сколь покорно и без лишних слов генерал Булгаков, по распоряжению штаба армии, отсекал от своего тающего XX-го корпуса один батальон за другим, оставаясь с остальными уже на краю гибели.

ГЛАВА V.

Доклад Начальника Штаба 10-й армии по поводу положения на фронте армии. Подготовка к удару в правый фланг германцев со стороны Райгрода. Выделение из состава XX корпуса 28-й пех. дивизии. Директивная телеграмма Главнокомандующего фронтом от 31 января № 7576. Предположения командира XX корпуса на 31 января. Действительный ход событий. Действия 27 и 29 дивизий и оценка этих действий. Донесения Штаба XX корпуса о занятии Сейны. Положение дел на остальных участках фронта 10-й армии в представлении штаба армии. Действительное расположение 8-й и 10-й Германских армий. Обмен телеграммами, между командиром XX корпуса и командующим армией по поводу отхода к Августову.

„Получено сведение об обходе правого фланга XX корпуса. 27-й дивизии теперь уже отрезано полтора полка. Короткий отход корпусов нисколько не улучшит положения, так как все время над обоими флангами будет висеть угроза обхода, отразить который нам совершенно нечем.

Теперь единственным исходом естается отход корпусов назад, не останавливаясь перед оставлением Августова и Сувалок, так как успех какого-нибудь обхода немцев может привести к бою в таких условиях, когда остается или пробиваться штыками или погибнуть. Получить надежное, устойчивое положенне, армия сейчас уже не может. Является вопрос, что делать дальше?

Решений два: или принять бой со всеми его последствиями при крайне тяжелых условиях, или отходить назад, чтобы вывести корпуса из очень опасного сейчас положения, способного при неудаче привести к совершенно безвыходному положению..."

Таково, в существенный части, в первой половине, содержание доклада Начальника Штаба армии, датированного 31 января 6 часов утра. (Приложение 19).

Повидимому, доклад предназначался для командующего армии, однако его пометки на докладе нет. Остается заклю-

чить, что после многих и бесполезных доводов со стороны генерала Будберга, весьма крайних направлений, сводившихся, (по собственным личным заявлениям, сделанным им автору настоящих строк) к предложению отвести армию на линию Бобра, чтобы занять в отношении германской армии фланговое положение, он решил предоставить документу свидетельствовать его точку зрения. Был ли этот доклад прочитан ген. Сиверсом, остается под вопросом.

Ответственный за ведение операции, но в то же время безвластный, начальник штаба армии был лишен действенной возможности остановить поток событий или направить его в иное русло. Несомненно, доклад продиктован утомленной мыслею, душевной тревогой и бессонной ночью. Он не столь категоричен, как можно было ожидать, при этом формулировка решения „отходить назад" чрезвычайно туманна и неопределенна. Хотел ли начальник штаба вновь настаивать на отходе в южном направлении или имел в виду выход из боя во что бы то ни стало, чтобы в самые короткие сроки откатиться к Неману? Что касается, впрочем, решения в этом последнем случае, то оно во всяком случае уже запоздало. И генерал Будберг не мог этого не понимать.

10-я германская армия в действительности уже подходила к фронту Сувалки—Краснополь—Сейны, и расчеты на возможность проникновения к востоку от линии Липск—Сейны, в направлении на Меречь, были совершенно проблематичны. (Схема 8).

В тот же день, т. е. 31 января, но несколько позднее, рядом телеграмм, адресованных начальнику 28-й дивизии и командиру XX корпуса, генерал Будберг ориентирует их обоих в обстановке. Он указывает на причины, побуждающие бросить 28-ю дивизию на усиление ядра, сконцентрированного на левом фланге армии, подчеркивает серьезность задачи, выпавшей на долю группы генерала Радкевича во главе с III-м Сибирским корпусом, и в энергии ее действий видит единственный выход из приблизившейся катастрофы.

Тон этих телеграмм столь сильно расходится с общим фоном и основной мыслью доклада начальника штаба, что, если бы не собственноручный почерк генерала Будберга, можно было бы признать этот доклад апокрифичным.

Цитирую некоторые места из этих телеграмм.

Начальнику 28-й дивизии—№ 109—6 часов 35 минут утра.

„.....Движение это имеет совершенно исключительное по своей важности значение и должно быть выполнено во всю и должно быть об'явлено людям, идущим на выручку своих в тяжелом положении.....“

Генералу Булгакову, 6 часов 35 минут вечера.

„Немцы обходят Райгород с юга. Радкевич сосредоточил у Стогинена два с половиною полка. Для нанесения решительного удара обходящим немцам, необходимо самое спешное движение частей 28-й дивизии на юг..... Их своевременный подход решит дело..... Надо бить в этом направлении всем, что есть“.

Тому же генералу Булгакову, в 7 часов 20 минут вечера.

„Немцы ведут обход на Райгрод. Радкевич на своем участке отходит спокойно..... Видимо, немцы нахальничают и ведут глубокий оторванный обход, надавливая на Августов.... Необходимо всем, кто может, самым решительным образом атаковать немцев и их разбить. Радкевич будет сдерживать немцев южнее Стогинена до подхода 28-й дивизии от Сувалок. Тогда всем вместе решительно атаковать, драться во всю, так как занятие Августова сейчас не допустимо.... Сообщаю по приказанию командующего“.

Эта последняя фраза, пожалуй, до известной степени служит ключем к шифру. Начальник штаба нес свои обязанности, быть может не разделяя мысли командующего армией о возможности ликвидации общего германского наступления в случае частного успеха на левом фланге у генерала Радкевича. Едва ли генерал Будберг вообще верил в этот успех.

Но начальник штаба армии прекрасно понимал, что для того, чтобы, согласно директивы главнокомандующего, удерживаться на линии Осовец — Августов — Ковна надо было маневрировать; чтобы чувствовать себя устойчивым, надо было переливаться, не застаиваться на одном месте, при подобной обстановке вертеться на подобие волчка

Немцы же надвигались смело, до дерзости, действительно до наглости. XL-й резервный корпус, подошедший к Рай-

гроду, подвергался серьезной опасности. Сначала 79-я резервная дивизия, а затем 80-я, повернувшая от Лыка, были открыты для удара. Надо было только суметь воспользоваться несколько изолированным положением XI-м германского корпуса и разбить его. Поблескивала какая то надежда. Мысль об успехе окрыляла штаб армии, который впервые в течение всей операции склонен был видеть какой то просвет. Но для этого надо было все-таки перестать тяготеть к Неману и искать опорных точек на линии Гродна — Липск—Штабин, через Сопоцкин и Августов.

Директивная телеграмма Главнокомандующего фронтем от 31 января за № 7576, до известной степени, подсказывала решение командующему армии, если бы генерал Сиверс нашел в себе достаточно мужества, чтобы взять из указаний главнокомандующего только те, которые сообразовались с обстановкой и которые представлялись ему выполнимы под напором бурно развивавшихся событий.

„Вам надлежит", писал генерал Рузский, „действовать сообразно обстановке и в случае невозможности удерживаться на линии Осовец — Августов — Ковна, — отвести армию на линию Осовец—Липск—Сопоцкин—Олита—Ковна в целях исполнения возложенной на армию основной задачи,—обеспечения сообщений армий, действующих по обоим берегам Вислы..... В виду отхода III-го корпуса в район Ковна, считаю нужным обратить ваше внимание на обеспечение правого фланга остальных корпусов армии, сообщений их с Олитой и обеспечения переправы у этого пункта".

Предоставление свободы действий „сообразно обстановке" совершенно не вязалось с категорическими указаниями, преподанными относительно прикрытия сообщений корпусов с Олитой с переправой у этого пункта.

Обеспечение правого фланга армии могло быть достигнуто только при единственном условии: она могла быть спасена, если бы перестала оглядываться на Неман и забыла бы на время о существовании Олиты, хотя бы только как пункта переправы правофлангового, XX корпуса.

Трудно себе представить, как могла 10-я армия, в конечном итоге своего предполагаемого маневра растянувшись от Осовца через Липск — Сопоцкин — Олиту — на Ковну

быть или не растрепанной по частям или не отброшенной за Неман с потерей всей артиллерии, обозов, т. е. не быть разгромленной, вообще говоря.

Директива главнокомандующего фронтом связывала командующего армией, но эта связь порывалась в тот день, как только Сейны занимались противником. Пути к Олите переставали существовать. Сохранялось неизменным лишь значение Сопоцкина, которое, вслед за телеграммой главнокомандующего, было подчеркнуто также и генералом Бонч-Бруевичем в переговорах его по прямому проводу с генералом Будбергом

„Потеря времени особенно вредно может отразиться на успехе исполнения армии движения... Надлежит принять самые решительные меры ускорения движения корпусов. Особенно важное значение принадлежит району Сопоцкина и следует принять меры, чтобы предупредить немцев на этой позиции".

От Гродны до Сопоцкина по воздушной линии не более 20 верст; по шоссе верст 25 — 30. В Гродне несомненно был свой гарнизон. К Гродне можно было стянуть со всего Северо-Западного фронта в эти тяжелые дни, когда каждая минута была дорога, хотя бы 2—3 бат. Когда движение по грунтовым дорогам в районе Августова и Сувалок было легендарно тяжело, когда нельзя было строить расчеты на марш в направлениях, занесенных снегом, нельзя было и ожидать, что Сопоцкин будет занят частями 10-й армии.

В распоряжении командующего 10-й армии не было свободных сил. Ближайшие части были удалены от Сопоцкина на расстояние 3—4 нормальных переходов. Было совершенно ясно, что как бы тонко ни ощущалось серьезное значение Сопоцкина, штаб 10-й армии был бессилен принять меры к обезвреживанию германцев с этой стороны.

Возникает вопрос, почему же штаб фронта не пошел в данном отношении навстречу общим интересам и не выдвинул из Гродны на заранее подготовленные позиции у Сопоцкина хотя бы несколько свежих батальонов с артиллерией?

К сожалению, ни исследование имеющихся подлинных документов, ни судебное следствие, производившееся по делу

о гибели XX корпуса, этого ответа не дают. Само собою разумеется, что следствие, имея своей целью собрать материал по поводу катастрофы 10-й армии, не было уполномочено рассматривать и обсуждать действия главнокомандующего фронтом в цепи причин, повлекших за собою разгром четырех корпусов.

Что же касается действий XX корпуса, то они развивались вне предположений его командира.

Вспомним, что фронт Вижайны—Еглинишки, предназначенный для 27-й дивизии, перешел в руки противника после боя 30 января. В тот же день, как известно, два полка дивизии под начальством генерала Беймельбурга были отброшены на юг; из дивизии остался только один 108 пехотный Саратовский полк, которому не по силам было взять на себя задачу, предназначенную для всей дивизии.

Чтобы прикрыть с севера и северо-востока остальные дивизии XX корпуса, десяти батальонам 29-й пехотной дивизии вместе с 108-м пехотным Саратовским полком приказано было занять арьергардное расположение на линии деревень Потопе—Марьянка—Равеле—Рогозайне; эти войска должны были задержать наседавших немцев. (Отчетная карт. № 1).

Под прикрытием частей 27-й и 29-й дивизий, остальные войска XX корпуса в ночь на 31 января сосредоточились в районе Павловка—Бакаларжево.

Утром 31 января, генерал Булгаков отдал приказ по корпусу для дальнейшего отхода. Части 29-й дивизии должны были отойти к линии: озеро Сейвы — Дакшне и выставить арьергард у д. Слободка; 27-я дивизия — на фронт Декшнянка—Полюле, оставив арьергард у Липово. 53-я дивизия направлялась в район Помолесье — Сувалки с арьергардом у Прудзишки. 28-й дивизии указывалось направление отхода на Сувалки; ею должны были быть выставлены арьергарды у деревни Пржеброды и Осова. Тыловые учреждения отводились от Сувалок на Сейны—Копциово—Друскеники, провешивая таким образом общее направление отхода корпуса.

С отходом к Ковне группы ген. Епанчина, конница ген. Леонтовича, ранее подчинявшаяся командиру III корп., была передана в распоряжение ген. Булгакова, который, в

своем приказе от 31 января № 422, стереотипно намечает ее задачу:... действовать самым энергичным образом во фланг и тыл немцев"...

Приказ, повидимому, был заготовлен заблаговременно, и в него не были внесены некоторые поправки. В нем говорится, напр. о 27-й дивизии, от которой в то время оставался только один полк. Даются указания 28-й дивизии, между тем ей приказано было выступить и перейти в распоряжение командира III-го Сибирского корпуса. В приказе, по крайней мере, в том, который был передан по телеграфу в штаб армии, не была указана карта, по которой следует читать названия. Поэтому некоторых из них, даже в обстановке спокойного исследования, нет возможности найти, если разбираться по 10-верстной карте, которая обыкновенно и служит для справок при организации марша.

Время выступления было указано только 28-й дивизии (в 1 час дня); 27-й дивизии генерала Джонсона и 29-й генерала Розеншильд-Паулина предлагалось начать отход, сообразуясь с обстановкой и уклоняясь от боя. Такое же неопределенное указание было дано и начальнику 53-й дивизии генералу Федорову. Словом, каждому предоставлялось самому определить характер обстановки, но где при этом была уверенность, что все начальники дивизий поймут ее одинаково, не ввяжутся в пререкания и очень счастливо станут согласовать свои действия?

Штаб армии, со своей стороны, получив приказ, полагал, что XX корпус провел весь день 31 января в движении и приближается к Сувалкам, о чем в своей вечерней сводке и донес штабу фронта.

Между тем части 77-й германской резервной дивизии (из состава XXXIX-го рез. корпуса) наступали на фронт Краснополь—Тартак (к востоку от Сувалки в направлении на Сейны) и к 12 часам 31 января обошли правый фланг расположения арьергарда генерала Чижова, составленного, как известно, из частей 29-й пех. дивизии. Немцы появились со стороны деревни Пошешупы. Такое же обходное движение обозначилось и со стороны деревни Вижайны, откуда, как теперь уже известно, наступали части 76-й рез. дивизии,

(входившей в состав XXXVIII-го рез. корпуса), в общем направлении на Сувалки. (Отчетная карточка № 1).

Один батальон 114 Новоторжского полка, двинутый на деревню Рудка Тартак для парирования обхода, конечно, был бессилен что нибудь сделать в этом отношении. Деревня к тому же оказалась уже занятой германцами.

Появление противника в тылу арьергарда понудило генерала Чижова в 4 часа дня отдать приказ об отходе на деревни Поставеле и Сидоры. К тому же времени начали свой отход 108-й пех. Саратовский и 115-й Вяземский полки.

В течение дня (31 января) части 53-й и 28-й дивизий отошли в районы, указанные им командиром корпуса, сосредоточившись таким образом в окрестностях Сувалок. Первоначально отход частей был произведен беспрепятственно со стороны противника, но затем около 5 часов дня немцы предприняли наступление от Филипово на фронт Осова—Карклины. В своем донесении в штаб армии, штаб XX корпуса определил силы противника в дивизию пехоты. Но наступление велось вяло и было легко остановлено.

К вечеру 31 января у деревни Сидоры стянулись части 27-й и 29-й дивизий. В ночь на 1 февраля здесь собрались начальники этих дивизий для обсуждения положения и для принятия какого-нибудь решения. Первоначально отданного командиром корпуса распоряжения об отходе 27-й и 29-й дивизий на фронт Сейны — Дакшне — Полюле эти дивизии не выполнили. Начальники дивизий располагали сведениями о том, что днем через Кальварию прошла неприятельская колонна из всех родов войск и сделали из этого заключение, что она далее двинулась на Сувалки. Оценивая движение на д. Слободка флангом к противнику как очень рискованное, начальники дивизий остановились на мысли отходить от Сидоры прямо на Сувалки до деревень Еленево и Прудзишки, чтобы затем от этого рубежа повернуть на восток. Марш должен был быть совершен опять-таки ночью.

Командир корпуса предоставил начальникам дивизий полную свободу разобраться в обстановке, чтобы действовать в зависимости от ее показаний, но эта обстановка ими не была оценена. Едва только обнаружился обход немцев, надо

было принять это за сигнал для немедленного отхода. Части арьергарда заняли свое первоначальное положение к 8½—9 часам утра. Немцы начали свое наступление в полдень. За это время можно было осмотреться, выслать разведку, сделать распоряжения и принять решение, соответственное серьезности момента. Чтобы пройти узел дорог у д. Слободка, войскам нужно было сделать верст восемь. Для противника от Кальварии до д. Слободка было вдвое дальше, и 29-я дивизия могла беспрепятственно в этот день достигнуть озера Сейвы. Но марш следовало произвести днем. Переход был небольшой, около 20 верст. Движение же по дороге, занесенной снегом, увеличивало трудности ночного марша.

Если бы штаб корпуса не торопился добраться до Сувалок, а затем спешить дальше к Сейны, куда он, впрочем всетаки не попал, на местах было бы хоть какое-нибудь управление, тем более, что при отступательных маршах близость старшего начальника к войскам или оставление на произвол судьбы собственному их попечению всегда создает различные положения.

Однако недостаток управления со стороны штаба XX корпуса не снимает ответственности с начальников 27-й и 29-й дивизий за неудачи этого дня.

Во всяком случае движение на д. Слободка, если не всей 29-й дивизией, то по крайней мере части ее в качестве бокового авангарда должно было осуществиться. Это прикрыло бы марш корпуса, отрезвило бы до известной степени зарвавшиеся передовые части противника и расширило бы общее расположение корпуса в направлении с запада на восток.

Но ввязавшись в бой с отходящими германцами, части 29-й пех. дивизии и 108 Саратовский полк к вечеру 31 января столпились в деревне Сидоры, потеряли весь день и еще более осложнили свое положение.

Начальники дивизий приняли решение продолжать отход на Сувалки, воспользовавшись лишь одной дорогой. Это было верхом неосторожности. Забыли о самых элеметарных правилах организиции отступательного марша, тем более флангового, когда выделение бокового авангарда имеет ввиду

прикрыть марш, а движение по возможно большему количеству путей ускорить отход войск [1]).

В голове колонны должны были итти части 27-й, а затем 29-й дивизий. В действительности, некоторые части 29-й пехотной дивизии оказались с обозами впереди, что и следовало ожидать во время ночного марша. Поздно вечером в д. Сидоры собрались части 105-го Оренбургского и 106-го Уфимского полков, входившие в состав отряда генерала Беймельбурга и накануне оторвавшиеся от своей дивизии. Прибывшие остатки полков увеличили глубину колонны, направленной по одной дороге.

113-й Старорусский и 114-й Новоторжский полки с двумя батареями 29-й артиллерийской бригады под командою полковника Ольдерогге составили арьергард. Ему приказано было к 12 часам в ночь на 1 февраля занять позицию на участке от д. Сидоры до д. Ялово.

Начальник арьергарда, на рассвете 1 февраля, получил разрешение начать отход с 8-ми часов утра, но так как часть парков 29-й артиллерийской бригады не успела еще вытянуться, то арьергард начал отступать только в $11^1/_2$ часов. А кто же прикрывал марш корпуса со стороны направления Кальвария — Слободка? Не кавалерия ли ген. Леонтовича?

Ночное движение, по свидетельству участников его, было исключительно тяжелым. Непроглядная тьма, единственная и при том отвратительная дорога, крутые под'емы и спуски, гололедица, местами высокие снежные сугробы.

Постромки рвались, дышла ломались, стрелы у зарядных ящиков гнулись, лошади падали на каждом шагу, люди, пушки, повозки, лошади—все смешалось в одну кучу.

До 6 часов 30 минут вечера 31 января штаб корпуса находился в Сувалках и предполагал перейти в Сейны, но должен был с пути вернуться обратно. Уже в 8 часов 35 минут вечера, начальник штаба корпуса доносил в Штаб Армии, что Сейны заняты конницей противника, около двух эскадронов. Позднее, в 11 часов 55 м. генерал Булгаков в своей телеграмме

---

[1]) Начальник штаба 27 див. в своем отчете о действиях дивизии утверждает, что он высказывался за направление одной колонны на д. Фарнетка, но это предложение сочувствия у начальника дивизии не встретило.

довольно подробно ориентировал штаб армии о нахождении противника у Кальварии. По полученным им сведениям, около 3-х часов дня дивизия германской пехоты с артиллерией прошла Кальварию в юго-восточном направлении. Сейны заняты, и заняты будто-бы в течении уже четырех дней, причем занятие Сейны прервало отход на Друскеники всех тыловых учреждений корпуса. Вместе с этим генерал Булгаков доносил о том, что 28-я и 53-я дивизии продвинулись к Сувалкам без нажима со стороны противника. Что же касается положения остальных дивизий, то штаб корпуса об этом не был осведомлен, не имея от них никаких донесений. В той же телеграмме (от 31 января № 429), в виду обнаружения противника на фланге корпуса, генерал Булгаков испрашивал разрешение „отходить, не теряя времени вслед за 28-й дивизией к Августову, чтобы оттуда уже взять направление на Меречь, дабы прикрыть сообщения всего северо-западного фронта".

Как реагировал на эту просьбу командира XX корпуса генерал Сиверс, скажем позднее, а пока подведем итоги дня в том виде, в каком они представлялись штабу 10-й армии по сводке, сообщенной штабу фронта[1]).

Направление на Ковну прикрывается, телеграфирует штаб армии, корпусом генерала Епанчина, занимающим Козлово-Рудскую позицию. Кавалерия Леонтовича в своем движении от Мариамполя в район Кальварии имела 30 января бой на пути из Кальварии в Красно. Чтобы уклониться от противника и выйти на фланг XX корпуса, Леонтович направился к Олите. Не приняв боя с противником, 31-го, он оставил в Олите одну дивизию, а другой предполагал продолжать движение. Так как Олита оказалась занятой особым отрядом Стефановского, то это расчленение конницы не было приведено в исполнение.

Части XX корпуса продолжали отход, и к ночи на 1 февраля подошли к Сувалкам(?). Войска 26-го корпуса продолжали отход на д.д. Генбаловка—Клещевск (Клешевен).

---

[1]) Не решаюсь сделать это самостоятельно за недостатком фактического материала. *Авт.*

Отданные на 1 февраля приказания частям 10-й армии, согласно той же сводке, сводились к следующему:

Части III армейского корпуса должны были оставаться на Козлово-Рудской позиции; в Олите находился сборный отряд полк. Стефановского. (Командира 221-го Рославльского полка).

XX корпусу указывалось задерживать противника, наступающего с северо-запада, оставаясь(?) у Сувалок; XXVI корпус должен был отходить назад, примыкая левым флангом к III Сибирскому корпусу, а правым к XX. Вместе с тем корпус подчинялся генералу Радкевичу, которому дана была задача держаться западнее Августова и после подхода двух бригад перейти в наступление. Вслед за этим штаб армии сообщал, что Сейны заняты неприятельским отрядом из всех родов войск.

В тот день, когда XX корпус получил осязаемое представление о давлении германцев на его крайний правый фланг и об угрозе его путям сообщения на восток, т. е. еще 30 января, 10-я германская армия генерала Эйхгорна заняла: 31-й дивизией—Людвиново и 42-й—Кальварию. Обе дивизии XXXIX-го рез. корпуса (78-я и 77-я рез. дивизии) расположились в районе Любово. У Вижайны сосредоточились части 76-й рез. дивизии (XXXVIII-го корпуса), у Шиткемена стала 75-я рез. дивизия. (Схема 8).

С этого фронта, 10-я германская армия, закончив поворот, заняла положение, почти параллельное путям сообщений 10-й русской армии. Едва прикоснувшись к этим путям и развивая энергию крайнего напряжения, немцы стали торопливо резать эти пути сообщения.

Если вспомним, 31 января право-фланговая 29-я дивизия XX корпуса, в сущности, бездействовала, тем самым, увеличивая относительную скорость марша внешнего фланга 10-й германской армии, т. к. к тому же части 29-й пех. дивизии пытались, хотя и безуспешно, продвинуться вперед, увлекшись задачей овладеть деревней Рудка Тартак. В это время, 31-я германская дивизия наступала на Штабинки через Лодзее, имея правее себя 42-ю пех. дивизию, направленную на Сейны, в этот день уже занятые кавалерией. XXXIX-й корпус двигался: 78-й дивизией на Краснополь, а 77-й дивизией на Тартак (к востоку от Сувалок).

Весь XXXVIII-й рез. корпус был нацелен на Сувалки. (Схема 8).

На фронте 8-й германской армии, к вечеру 30 января, 10-я ландверная дивизия заняла Роминтенскую пущу. Правее ее двигалась 3-я рез. дивизия; 1-я ландвёрная див. и 1-й армейский корпус (со 2-й пех. дивизией) наступали на Лык, занимая фронт от Бенегейма севернее Дунейкена до Дригалена, приблизительно в 60 верст. 80-я дивизия XL-го корпуса, вместе со 2-й пех. дивизией слева от себя, тоже вела атаку на Лык. 79-я рез. дивизия, оторвавшись на юго-восток, выдвинулась на мёридиан Граево.

Частям 10-й русской армии не удавалось выйти из соприкосновения с противником, несмотря на ночные марши. Эти непрерывные ночные марши, разбивая войска, к тому же были неудачно организованы. Для 10-й армии существовал единственный выход—всеми силами отойти на линию Штабин—Липск. При этом, повторяю, Сопоцкин необходимо было занять, занять заблаговременно и сильно. Это могли сделать только свежие части, выдвинутые со стороны Гродны. В Сопоцкине уже имелась подготовленная позиция фронтом на сев.-запад, и оборона ее в таких условиях против утомленных маршами частей XXI-го германского корпуса сулила успех. Вот каково было положение германцев, когда телеграммой на имя командующего X армией (от 31 января № 423), помеченной 11 часами 55 мин. вечера, генерал Булгаков, опираясь на данные разведки, сообщавшей о появлении противника на путях в стороне его правого фланга, устанавливал, что его корпус уже обойден, что его тылу угрожает непосредственная опасность и поэтому испрашивал разрешение, не теряя времени двинуться на Августов вслед за 28-й дивизией.

В этот момент, т. е. в ночь с 31 января на 1 февраля части XXVI-го и III-го Сибирского корпусов были расположены по линии Генбаловка, Клешевен, Райгрод. (схема 8).

Общее протяжение фронта всех трех корпусов было приблизительно 60 верст. III-й Сибирский корпус вовсе не был связан с Августовым, как узлом путей; его собственные пути отхода шли южнее Августовского района. В свободном прохождении через Августов был заинтересован прежде

всего XXVI-й корпус, но ему ничто не мешало пройти по дорогам в обход Августова с запада на юго-восток.

Части XXVI-го корпуса к тому же в то время отходили не тревожимые противником. Его боевой и тыловой районы были достаточно богаты путями, что указывало на возможность оттянуть корпус на широком фронте большим числом колонны. К востоку же от линии железной дороги Сувалки — Августов характер местности ничего другого, кроме неимоверно трудных маршей, не обещал.

XX-й корпус занимал выдвинутое к северу положение. В своем отходе на Августов он мог воспользоваться путями вдоль железной дороги, обороняя последовательно ряд позиций. (Схема 9-я).

Чтобы выравнять движение обоих корпусов и избегнуть пересечения тыловых путей следовало или форсировать марш XXVI-го корпуса, или, на половине расстояния между Сувалками и Августовом, попридержать части XX-го корпуса, чему местность в этом отношении как нельзя лучше благоприятствовала.

При этом, Сейны, как узел путей, занятие которого обеспечивало отход 10-й армии, для нее, к сожалению, был уже потерян, к тому же он лежал несколько в стороне. Ближайшими же такими узлами к востоку от путей отхода 10-й армии обозначились на дороге к Сопоцкину с. Махарце и д. Рудавка.

Надо было во что бы то ни стало, не теряя ни одного часа, упредить противника у с. Махарце, заняв этот район. Что касается д. Рудавка, то она все таки была слишком отдалена, чтобы 10-я армия, не имея вблизи себя в своем распоряжении достаточно конницы, способна была на-спех создать здесь какое-то обеспечение со стороны Сопоцкина. (Отчетная карточка № 2).

С занятием Махарце сам собою выдвигался вопрос о временном расположении XX-го корпуса по линии озер Близна и Сервы, что приводило к занятию промежутка между этими озерами и д. д. Серскиляс, Дальниляс и Подсерскиляс. Правый фланг и тыл получили бы прикрытие при условии обороны дефиле у озера Орливо в окрестностях деревни Горчица, что впоследствии очень пригодилось бы

в том случае, если бы корпусу пришлось попридержаться еще раз на линии озер Белое и Студенично. Это могло бы понадобиться для приведения в порядок не особенно стойких, повидимому, частей XXVI-го корпуса. Кроме того, отвод XX-го корпуса на линию этих озер не только устранял всякую опасность перекрещивания путей сообщения соседних корпусов, но даже не требовал особенного напряжения в марше XXVI-го корпуса, который в следующий день своего отхода (на 2-е февраля), в крайнем случае, мог достигнуть только линии Юзефово — Калиновен или Юзефово — Грабово.

Нам представляется, что подобная организация марша сдавливала слишком в то время выпуклое, в направлении с севера на юг, расположение 10-й армии. Это обстоятельство сокращало фронты корпусов, сближало их штабы и способствовала бы в достаточной степени согласованности действий.

Так или иначе, взаимное расположение корпусов было таково, что отход XX-го корпуса на Августов ни с какой стороны не представлялся оперативно-нелепым и не должен был резать тыловые сообщения остальных корпусов 10-й армии, как того опасался генерал Сиверс. Но если бы командующий армией дал разрешение командиру XX-го корпуса отходить именно в этом направлении, он несомненно тем самым открыл бы новые тыловые пути и решительно порвал бы с дерективными указаниями штаба фронта, не переставшего мечтать о возможности сосредоточения хотя бы части корпусов 10-й армии к Неману. На это генерал Сиверс не пошел.

То или иное решение, касавшееся направления отхода XX-го корпуса, самым ближайшим образом и безвозвратно отражалось на судьбе тыловых подвижных учреждений. Обозы и парки вовсе не так легко передвигать и переводить с одного тылового пути на другой. Надо было опасаться, что высылка обозов на юго-восток от меридиана Сувалки — Августов обречет их на этот раз на вполне предвиденные и неизбежные случайности. В действительности, так оно и произошло.

Одно несомненно, что категоричность известных указаний генерала Рузского не могла не повлиять на психику командующего армией. Это обстоятельство обусловило решительно отрицательное отношение к предложению генерала Булгакова, независимо от оперативного мышления самого генерала Сиверса. В своей ответной телеграмме командиру XX-го корпуса, помеченной 3-мя часами утра 1-го февраля, он пишет:

„Ваше предположение об отходе к Августову совершенно невозможно по числу и направлению путей для всех корпусов. Передвижение Вашего корпуса на Августов повлечет раньше всего пересечение путей отступления и создаст задержание отхода, а между тем, при создавшейся обстановке главное, что нужно, это сохранить свободу отхода на тыловые позиции у Сопоцкина, Липска и Штабина.

Задача Ваша состоит в задержании у Сувалок сил противника, наступающих с запада и севера, и в обеспечении правого фланга других корпусов.

Если выяснится, что эти силы незначительны, то оставить против них небольшой заслон и в зависимости от результата боев у Августова Вам можно будет двинуться против той группы противника, которая обнаружена в движении от Кальварии в направлении на юго-восток.

...кроме 28-й дивизии, которая уже входит в состав группы генерала Радкевича, немедленно направьте еще одну бригаду, ближайшую к Сувалкам, в распоряжение генерала Радкевича ... и т. д.“.

Последнее приказание было вслед за этим отменено, и поэтому на нем не стоит вовсе останавливаться.

Итак, командующий армией считает возможным наступление XX-го корпуса против сил противника, обнаруженных у Кальварии. Как он лично был далек от проникновенного понимания действительного положения вещей!

В тот же день и в тот же час, начальник штаба армии генерал Будберг, со своей стороны, телеграфирует генералу Булгакову:

„Полагаю, что при создавшейся обстановке у Сейны, Вам надо отходить на Августов, бросив немедленно части за 28-й дивизией. Решение всей операции в боях у Райгрода, где надо разбить немцев во что бы то ни стало. Иного исхода нет. На север надо выставить заслоном 27-ю дивизию, частью 29-ю, при сильной артиллерии и разбить немцев. Условьтесь с Радкевичем".

Итак, у ген. Булгакова для принятия решения — на одной чашке весов собственное сознание, подкрепленное предостерегающим советом начальника штаба армии, на другой — приказание командующего армией, обрекающее XX-ый корпус на возможную жертву во имя спасения остальных корпусов. Так ли понимал это сам генерал Сиверс или он просто не разбирался в обстановке,—вопрос иного порядка.

ГЛАВА VI.

Оценка Командующим Армией общей обстановки, в частности, на участке XX-го корпуса. Изложение генералом Сиверсом в телеграмме на имя генерала Булгакова собственных взглядов на способ и характер действий XX-го корпуса. Критический анализ последних распоряжений Командующего армией. Назначение для XX-го и XXVI-го корпусов новых тыловых путей. Взаимное расположение сторон к ночи на 1-го февраля и вытекающие из этого заключения по поводу возможности для XX-го корпуса выполнить безнаказанно марш на Махарце—Гибы—Сопоцкин. Последняя инструкция генерала Сиверса относительно марша трех корпусов. Перерыв связи между Штабом Армии и XX-м корпусом. Отход на линию Бобра III-го Сибирского и XXVI-го корпусов. XX-й корпус предоставляется собственной участи. Соображения по поводу возможности беспрепятственного отхода корпусов армии в условиях обстановки с 1-го—5-го февраля. Сводка Штаба фронта.

По мере того, как у командующего армией складывалось ошибочное, но твердое убеждение, что противник сосредоточил значительные силы, главным образом к стороне левого фланга X-й армии, лишь обозначив наступление и обходное движение с севера и северо-востока, мысль о переходе в наступление группой генерала Радкевича [1]) как-то бледнела и меркла.

---

[1]) Командир III-го Сиб. корпуса.

Сам командир III-го Сибирского корпуса считал свое положение вполне прочным. Его войска 31-го января стягивались в район (Схема № 9) Николайкен — Голупкин — Писсаницы — Райгрод. Корпус вел бой и не без успеха сдерживал атакующих германцев. Прочность положения в районе группы генерала Радкевича дали основание генералу Сиверсу в тот же день 1-го февраля отменить свое приказание, посланное командиру XX-го корпуса относительно выделения, сверх 28-й дивизии, еще одной бригады.

Между тем показания разведки и действительная группировка сил германцев к утру 1-го февраля неуклонно шли в разрез с представлениями, до рокового конца не покидавшими командующего 10-й армией.

Непосредственно на фронт Сувалки — Сейны, на котором находились только части XX-го корпуса, жавшиеся к Сувалкам, наступало шесть германских дивизий, еще не потрепанных боями, не расстроенных и не измученных долгим пребыванием на позициях, на две трети недавно сформированных и слепо веривших в успех всякого боевого предприятия, связанного с именем популярного Гинденбурга.

К тому времени XX-й корпус насчитывал в своем составе: 28-й дивизии — 5 батальонов; 29-й дивизии — 15 батальонов; 53-й дивизии — 12 батальонов и 27-й дивизии — 10 батальонов, из которых 6 батальонов, сильно пострадавших 30-го января, могли быть сведены в один батальон. Всего таким образом 37 батальонов, т. е. максимум 27 — 28 тысяч.

Войсковая разведка установила, что германские части, двинувшиеся против III-го армейского корпуса, как и следовало ожидать, приостановили преследование и, выставив заслон ко стороне Козлова-Рудской позиции, устремились двумя корпусами и с кавалерией 10-й германской армии на юг.

Сейны были вполне определенно заняты немцами еще 31-го января, равно как Мариамполь и Кальвария. Поступили также сведения, что не менее дивизии противника направилось от Кальварии на Сувалки, другая же дивизия обнаружена, будто-бы, на путях к Олите.

Непосредственно против XX-го корпуса немцы надавливали на линию Полюле — Прудзишки. От Филипово на

деревни Осова—Карклины, на сравнительно узком фронте, наступало около дивизии пехоты. (Отчетная карточка № 1).

Тем не менее, под знаком сравнительно безопасной, в представлении генерала Сиверса, обстановки для войск XX-го корпуса и, напротив того, среди ощущений нарастающей грозы на левом фланге, где громоздились резервы, командующий армией 1-го февраля отдал генералу Булгакову ряд распоряжений, еще туже затягивающих петлю, в которой и без того очутились войска XX-го корпуса.

В этот день, к 6 часам 15 мин. утра, 29-я дивизия, двигавшаяся в арьергарде, подтянулась к Сувалкам.

Части 27-й дивизии едва только успели расположиться на отдых и приступили к варке пищи, в первый раз за пять дней марша, как получено было приказание командира корпуса занять линию деревень Полюле — Бялороги — Прудзишки. Дивизия должна была войти в связь с частями 53-й дивизии, обороняющей Сувалки с северо-запада. Как известно, оборона Сувалок входила в программу этого дня, чтобы облегчить отход частей XXVI-го корпуса, положение которого почему то считалось особенно хрупким и ненадежным, в то время, как накануне он без боя перешел на линию Генбаловка—Клешевен.

Неприятель не тревожил частей 27-й дивизии, занявшей свои места только к сумеркам.

1-го февраля в 10 часов 45 мин. утра, командующий армией телеграфировал командиру XX-го корпуса: „Надо выяснить, как велики силы противника, наступающего на Сувалки от Вижайны и от Кальварии, и при малейшей к тому возможности разбить противника по частям, пользуясь Вашим центральным положением и превосходством сил".

Позднейшая телеграмма, посланная в 1 час 30 мин. дня, подкрепляла указания предыдущей и служила некоторым разъяснением:

„Указанная мною Вам задача разбить противника по частям, если обстановка будет благоприятна, выполнима лишь при условии самого быстрого и энергичного действия, так как уже через два дня численное превосходство может быть [1]) не на Вашей стороне, а у против-

[1]) Курсив везде мой *авт.*

ника. Примите всевозможные меры к тому, чтобы не потерять обозы и особенно парки".

Из сводки сведений о противнике, составлявшейся в штабе армии, не представляется возможным установить, чем руководствовался командующий армией, так уверенно говоривший о превосходстве сил на стороне XX-го корпуса, когда посылал его командиру эту телеграмму, и почему именно через два дня, а не раньше и не позже, соотношение сил, по его мнению, могло измениться в сторону, не благоприятную для корпуса. Последний, к сожалению, действительно, но непроизвольно для себя, занимал центральное положение, которое он и удержал за собою вплоть до пленения.

Между тем требовалось осторожно оттянуть три корпуса назад хотя бы в юго-восточном направлении, если не на юг, чтобы, не подставляя под удары III-й Сибирский и в особенности слабой боегодности XXVI-й корпуса, сблизить все части 10-й армии, сузить фронт, достигнуть непосредственно теснейшей связи между ними, закрепить швы и создать такую обстановку, при которой взаимная поддержка становится почти автоматической. И это, нам кажется, не представлялось невозможным.

К востоку от железной дороги Сувалки — Августов тянется лесисто-болотистое пространство. С линии Сувалки—Сейны до Августовского канала он довольно густо в разных направлениях расчерчен путями, испещрен озерами, образующими цепь теснин, как ряд позиций, очень удобных для обороны. Весь этот район вполне пригоден и для наступления; он конечно, не мог считаться безопасным, когда возбуждался вопрос о возможности появления немцев в направлении с востока на запад. (Отчетная карточка № 2).

К югу от Августовского канала то же лесисто-болотистое пространство несколько гуще и по характеру своему не маневренно. Район пересекается путями, идущими преимущественно с севера на юг прямо и в несколько косом направлении, но они не выводили немцев в тыл корпусов 10-й армии, вследствие чего этот клочек пространства мог даже служить прикрытием с востока при движении по шоссе на Гродну и по дорогам западнее этого шоссе. Что же касается дороги, сопровождавшей Августовский канал через д. д.

Горчица — Тартак — Рудавка к Сопоцкину, то этот путь представлял собою ряд лесных дефиле, через которое надо было бы пробиваться, искать обходных троп и, в конце концов, при выходе из лесного пространства встретиться с противником, если бы он, в чем трудно было сомневаться, в своем дальнейшем движении на Коцциово, заняв Сопоцкин, догадался распространиться на запад.

Ценность Сопоцкина была для германцев очевидна; туда и устремлялись части XXI-го германского корпуса. И в этом пункте немцев надо было предупредить, чего бы это ни стоило. Это было тем более важно, что у Сопоцкина, как уже указывалось выше, была заготовлена позиция фронтом на северо-запад, откуда ожидались части XX-го корпуса, еще раз получившие подтверждение приказания командующего армией отходить к Сопоцкину, последовавшее после того, когда, ввиду занятия немцами Сейны, генерал Сиверс изменил тыловые пути. XX-му корпусу приказано было воспользоваться дорогой, идущей от Рачки, севернее Августова, на Горчица — Сопоцкин — Гродна. Корпусу предстояло перевести обозы по направлению Дубово — Махарце — Гибы или отступать более южной дорогой на Калеты — Чортек — Сопоцкин. Командующий армией, указывая в своей телеграмме от 1-го февраля 1 час 40 мин. дня новые тыловые пути, дополнял: „Для обеспечения отхода оставить от XX-го корпуса лишь заслон, достаточный для удержания натиска противника, наступающего с запада, а с остальными силами следовать сегодня 1-го февраля форсированным маршем на Гибы через Махарце, отбросить противника и двигаться на Гожу. Обращаю внимание на необходимость иметь сильный боковой авангард". По поводу заблаговременного занятия Гибы, как „важного" узла путей, командующий армией указывал генералу Булгакову еще утром 1-го февраля.

Очевидно, генерал Сиверс исходил из предположения, что противник, добравшись до параллели Сейны, приостановит свой обходный марш, удовольствовавшись занятием только этого пункта, который тем не менее для германцев имел значение не более, как этапа на путях проникновения в район самого глубокого тыла 10-й армии.

Совершенно не понятно, почему XXVI-му корпусу не было отведено шоссе через Липск на Гродну и почему приэтом, даже при сохранении значения Гожи, как конечного пункта, XX-му корпусу не была дана дорога от Махарце на Горчица — Тартак — Рудавка.

Лишь в этом случае, делая ежедневно не менее 20 — 25 верст, корпус мог к вечеру 4-го февраля собраться у Сопоцкина, куда спешила в свою очередь 31-я германская дивизия, 5-го февраля фактически прошедшая через Сопоцкин и ставшая на полпути к д. Голынка. Но опасность все-таки была гораздо ближе; направления от Сейны в район Махарце резались частями противника, принадлежащими к составу 42-й и 78-й дивизий, уже 2-го февраля. Во всяком случае, распоряжение, касавшееся перевода тыловых учреждений до последних не дошло, и те, которые находились в пути, погибли. Некоторые из них, по собственной инициативе, перебрались на Августовское шоссе и прибыли благополучно в Гродно.

Уже к вечеру 1-го февраля, 10-я германская армия XXI-м корпусом занимала фронт Штабинки — Сейны; 31-я дивизия должна была продолжать движение на Сопоцкин. XXXIX-й рез. корпус остановился на линии Краснополь — Тартак, несколько не доходя своим правым флангом этой последней деревни. (Схема 9-я).

На фронте к северу от Тартак—Сувалки расположились части 77-й рез. дивизии (XXXIX рез. корпуса). XXXVIII-й рез. корпус (76-я и 75-я дивизии) стал в виду у Сувалок.

На фронте 8-й армии части 10-й ландверной и 3-й рез. дивизий занимали район, смежный с д. д. Поддубовек—Рачки. 1-я ландверная дивизия, I-й армейский корпус, 79-я дивизия и части 80-й огибали расположение отодвинувшихся XXVI и III Сибирского корпусов, занимая Клешевен, Сенткен и Райгрод. Части 80-й рез. дивизии, из состава XL го корпуса, ввязались в бой с отрядом у Граево, выдвинутым из состава гарнизона Осовца.

77-я рез. дивизия, брошенная от Тартак на Копциово, получила распоряжение следовать далее на Калеты, а 31-я дивизия шла прямо на Сопоцкин; 78 я рез. дивизия двинулась на Махарце.

Со стороны Немана германская группа прикрывалась у Вильковишки и Мариамполя частями Кенигсбергской ландверной дивизии; к Симно была выдвинута 5-я гвардейская бригада. 77-я рез. дивизия сначала обозначила наступление к Олите, дошла до Серее, а затем двинулась к Сейны и оттуда взяла направление на Копциово.

1-я кавалерийская дивизия все время сопровождала движение заходящего XXI-го германского корпуса, прикрывая его марш. То же задание в отношении правого фланга 8-й армии выполняли 3-я кавалерийская бригада и 4 кав. дивизия.

От Сейны до Гибы около 9 верст, т. е. не более двух часов ходу. (Отч. Кар. № 2). Чтобы занять последовательно Фронцки, Глембокий брод и перехватить Махарце, гораздо более важный узел путей, чем Гибы (именно в обстановке действий XX-го корпуса) для германцев, занявших Сейны уже 31-го января, достаточно было одного дня [2]). Таким образом, если бы XX-й корпус выступил даже 1-го февраля, как того требовал генерал Сиверс, к тому времени этот пункт был бы предусмотрительно уже занят противником. Не вняв предложению командира XX-го корпуса, командующий 10-й армии впал в крупную и непоправимую ошибку. Впоследствии, когда корпус оказался в одиночестве, потеряв связь со штабом армии, генералу Булгакову представлялся случай стряхнуть с себя назойливую опеку, но он был то, что называется „старый солдат", в известном и даже почтенном смысле слова, но только не в приложении к корпусному командиру. Он всей своей природой воспринял представление о дисциплине главным образом в смысле прямого и точного исполнения отданного ему приказания, тем более, если оно было формулировано в категорической форме. В таких путах целыми поколениями воспитывалась вся армия.

Неисполнение приказания всегда каралось. Исполнение приказания в обстановке, когда она не только предсказывала, но и предуказывала неудачу, неизбежно связанную со следованием этому приказанию, юридически было ненаказуемо. Непосредственный и главный виновник

---

[2]) Около 20 верст.

обращался только в косвенного, заслуживающего лишь порицания и иногда презрительного сожаления.

С годами, когда накапливался опыт, наслаивались знания, когда прояснялись дали, недосягаемые и неведомые молодому мозгу, вместе с тем крепли и корни давнишних привычек, парализовавшие токи этих знаний. Исключительно сложная ситуациия могла быть воспринята апперцептивно т. е. в силу наслоившихся психологических предпосылок, по закону ассимиляции генералом Булгаковым во всяком случае не в сторону решения отходить на Августов. Так или иначе перед наблюдателем, стоящим в стороне от времени и событий, развертывается фильма — отдельный крошечный эпизод из великой общечеловеческой трагедии, именуемой французами „Si la viellesse pouvait et la jeunesse savait!". „Когда бы молодость знала и если бы старость могла!..."

Генерал Булгаков сделал наикорректнейшую попытку, неожиданную, скажем в скобках, опротестовать отданное командующим армией распоряжение по поводу направления путей отхода корпуса. Его не только в этом не поддержали, но и отравили ясность его сознания мыслью о пагубности такого решения для других корпусов; вместе с тем не прибегли и к среднему решению. Оно могло бы спасти положение всей армии и не ставило на карту судьбу ни одной из ее частей. Решение же командующего армией было абсолютно не безопасно и притом вовсе не единственно в обстановке, переживаемой армией.

Возможно, что командир XX-го корпуса отдавал себе ясный отчет во всем и если оказался слишком „твердым", то только потому, что извлек из известной телеграммы командующего армией прозрачное опасение за целость остальных корпусов в случае подхода к Августову и группы генерала Булгакова. Взять на себя такую ответственность,— последний, конечно, не решился.

В 9 часов 10 мин. вечера 1-го февраля, командир XX-го корпуса телеграфирует генералу Радкевичу, об'единявшему командование III-м Сибирским и XXVI-м корпусами, о своих ближайших предположениях, касавшихся предстоящего войскам XX-го корпуса отступления:

„В 8 часов 30 мин. вечера 1-го февраля корпус ведет

бой с севера и с северо-запада от Сувалок. Особенного давления не обнаружено в этом направлении. Получил уведомление от командира XXVI-го корпуса генерала Геригроса об обходе Юзефова с севера, что подтверждается нашей разведкой. Отход корпуса начинаю в 4 часа утра 2-го февраля единственным путем на Махарце—Сопоцкин. Придаю серьезное значение фронту Сувалки—Юзефово, для совместного отхода. Могу оказать поддержку 84-й дивизии для парирования обхода, выдвижением полка из Сувалок. Прочное удержание занятой позиции 84-й дивизией облегчит совместный отход. Убедительно прошу держаться у Юзефово своим правым флангом". О том же командир XX-го корпуса телеграфировал и командующему армией. (Схема 9-я).

Генерал Сиверс, словно предчувствуя близкую и неизбежную разлуку с XX корпусом, обогощает его новым напутствием. В ночь на 2 февраля он пишет генералу Булгакову: „Ваша задача — обеспечить отход XXVI корпуса, за шоссе Сувалки — Августов к востоку. Для этой цели займите частью сил позицию, примерно, на фронте Плоцично—Юзефово, прикрывающую как шоссе, так и дорогу на Махарце. Этот же арьергард, силу которого полагал бы соответственной в одну дивизию, обеспечит и Вам вытягивание прочих частей на дорогу к Махарце. Когда XXVI корпус стянется и неугрожаемый со стороны противника отойдет за шоссе Августов—Сувалки к востоку, а части вашего корпуса вытянутся на дорогу к Махарце, арьергард может отходить, примерно, на позицию по линии Плоцично—Юзефов, имея за левым флангом резерв не менее дивизии. В виду малой устойчивости 84-й дивизии, после отхода XXVI корпуса, Ваш левый фланг составит правый арьергард группы генерала Радкевича и отступит по пути XXVI корпуса. Что касается правого фланга, то он может отходить на Махарце и далее. В крайнем случае, если бы противник помешал отходу на Махарце, то и правый фланг должен отходить за XXVI корпусом".

Здесь приведена дословно вся телеграмма командующего армией, так как передать пересказом ее содержание, ее точный смысл, чрезвычайно трудно.

Корпусу, которому, что называется, „надо уносить ноги" дается задача прикрыть XXVI корпус, соседа, однако во

все дни операции никем серьезно не тревожимого и, повидимому не несшего потерь; теперь его бережно выносят из боя „на руках“. Далее, командиру XX корпуса предлагается частью сил, в качестве арьергарда, занять позицию и рекомендуют занять эту позицию дивизией, т. е. 16-ю батальонами. Между тем в корпусе всего было 37 батальонов.

Арьергарду, который занимал или должен был занимать позицию по линии Плоцично—Юзефов, предстоит отходить опять „примерно, на позицию Плоцично—Юзефово, имея за левым флангом резерв не менее дивизии“. Что значит отходить, имея резерв за левым флангом? Генерал Булгаков, вероятно, и не понял всех указаний командующего армией. Впрочем, самое существенное в них касалось разрешения отходить по пути XXVI корпуса.

Видимо, в ответ на эту телеграмму, генерал Булгаков доносит, что обозы и парки отправлены по указанному командующим армией пути в 12 час. 55 мин. в ночь с 31 января на 1 февраля. В 2 часа ночи с 1 на 2-ое по тому же пути начнут отходить части корпуса с сильным боковым авангардом под начальством генерала Чижова, которому приказано занять Гибы. Далее генерал Булгаков пишет: „Сверх того, просил Радкевича направить на Гибы два батальона полковника Секирского с одной легкой батареей в направлении из Августова на Гибы для той же цели. От генерала Радкевича ответа пока не имею. Для того, чтобы противник не хлынул на Августовское шоссе и не помешал отходу XXVI и III Сибирского корпусов, приказал частям вверенного мне корпуса, отойти на фронт Плоцично—Юзефово, примкнув левым флангом к генералу Генгросу, предварительно исполнив просьбу генерала Генгроса—выслать к деревне Поддубовок один полк с дивизионом артиллерии. Прочим частям корпуса приказал совершать отход. Если удастся благополучно снять незамеченно для противника войска с боевых позиций и не опоздать к занятию Гибы, надеюсь совершить отход благополучно“.

С двух часов утра 2 февраля порвалась связь штаба армии со штабом XX корпуса, и корпус пошел по пути своих самостоятельных решений. Однако, напутствие генерала Сиверса оказалось последней каплей медленно, но верно

действующего яда. Ее было совершенно достаточно, чтобы обезкрылить психику командиру XX корпуса, дух которого оказался подавленным и послушным много позже лишь призраку воли старшего начальника даже в такие моменты, когда серьезная опасность, казалось бы, должна была рассеять гипнотическое влияние чьей бы то ни было посторонней власти и подвинуть на неограниченное самоопределение.

В кругу тех сведений, которыми располагал штаб армии и которые, надо отдать полную справедливость работе разведывательных функций штаба, были весьма и весьма близки к действительности, оперативная мысль, не будучи затемненной довольно таки несносными и неталантливыми директивами главнокомандующего фронтом, должна была бы обратить внимание на слишком выдвинутое расположение XX корпуса. Но этого не случилось. (Схема 9).

Вкратце, в нескольких словах, обстановка на фронте 10-й армии была такова: к вечеру 1 февраля, три ея корпуса располагались по извилистой кривой, обращенной своими выпуклыми частями на север и северо-запад от д. Полюле на Бялороги, Пржеброды, Поддубовек, Курьянка, Яблонске, Калиновен, Боржимен и Барглов.

От Августова—центра, через который или мимо которого все корпуса старались пройти возможно скорее, XX корпус отстоял верст на 35. Ближе всех к нему было XXVI корпус. Он легко достигал Августова при малейшем натиске со стороны противника, но, пройдя его, подвергал XX корпус в полном размере опасности быть отрезанным навсегда от этого узла дорог, служившего воротами на пути к спасению.

Германцы заняли Сейны и расползлись по путям на Сопоцкин. Они залезли во все щели болотисто-озерного пространства, примыкавшего к фронту 10-й армии с востока. Создавалась реальная угроза, главным образом, если не преимущественно, по адресу XX корпуса.

Самым прочным и твердым оказывалось положение III Сибирского корпуса. Ему стоило лишь перешагнуть Августовский канал и он был вне всякой опасности, при этом спешный и катастрофический отход XXVI корпуса ничего не

кидал на чашу весов, взвешивавших будущие судьбы группы генерала Радкевича.

Вследствие этого, III Сибирский корпус мог стоять в окрестностях Райгрода возможно дольше и должен был отстаиваться до тех пор, пока не пройдут через Августовский канал части XX корпуса, независимо от того, в каком направлении они были бы брошены назад: вдоль ли железной дороги к Августову, или на Махарце через Горчица — Сопоцкин—Гродна, или через Гибы и далее на Сопоцкин. Становилось совершенно ясным, глядя на схему расположения корпусов, всматриваясь в простой геометрический чертеж их соединенных фронтов, что роль арьергарда 10-й армии должна была пасть не на XX корпус, а на III Сибирский. В этих соображениях, группе генерала Радкевича следовало бы укоротить свой фронт и стянуться приблизительно хотя бы на участок Бернатки—Барглов.

На этой линии, III Сибирскому корпусу не трудно было держаться, ожидая прохождения через Августовский канал частей XXVI и XX корпусов. Отход XX корпуса должен был произойти одновременно с выступлением частей XXVI корпуса. Остановка же генерала Булгакова на линии Махарце—Дановске—Юзефово—Яблонске вполне прикрыла бы движение корпуса генерала Генгроса.

Но если бы XXVI корпус, во исполнение отданного ему приказания, двинулся на Горчица с рассветом 2 февраля, едва ли ему все-таки удалось расчистить от противника направление через д. Микашевка на Сопоцкин, так как уже 5 февраля, как теперь известно, части 31-й германской дивизии прошли этот пункт и стали на юго-запад от него.

Элементарная осторожность требовала самым категорическим образом отказа от следования по дороге на Горчица—Сопоцкин. Прикрывшись боковым отрядом с направления на Горчица, нужно было отходить широким фронтом по путям, окаймляющим железную дорогу на Гродну.

Немедленно после отхода XXVI корпуса, по пятам за ним, соразмеряя свое движение с войсками корпуса генерала Генгроса, все время наблюдая и оберегая свой западный фланг и протягивая руку связи III Сибирскому корпусу, должен был откатываться и XX корпус, заняв в один

из моментов ряд теснин впереди Августова по линии озер Белое, Студенично и Серве. Как раз к этому времени, III Сибирский корпус получил бы возможность выйти на Августовский канал и затем совместно с XX корпусом, прикрываясь с востока лесисто-болотистым пространством, подойти, наконец, к линии верхнего течения Бобра. Марш мог быть выполнен, приблизительно, в таком виде: (отчетная карточка № 2).

2 февраля: XX корпус отходит на фронт озеро Близна—д. Яблонске, прикрываясь у деревни Махарце особым боковым отрядом. XXVI корпус стягивается к Августову. III Сибирский корпус, удерживая на месте свой левый фланг и принимая его за ось захождения, отводит правый фланг назад, вступает в фактическую связь с войсками генерала Булгакова и перебрасывает освободившиеся части в район Барглово.

3 февраля: XXVI корпус продолжает марш на Липск, где и сосредотачивается, выдвигая арьергарды на перерез путей, ведущий из Сопоцкина. XX корпус отступает к Августову, прикрываясь арьергардами впереди озерных теснин, имея рядом и слева от себя части III Сибирского корпуса, оттянутые к Августовскому каналу.

4 февраля: XX и III Сибирский корпус сосредотачиваются между Штабином и Ястржембна.

На самом же деле XXVI корпус в ночь с 1 на 2 февраля должен был занять фронт Юзефово—Курьянка—Яблонске. III Сибирскому корпусу указывалось отойти на линию Калиновен — Боржимен — Барглов. С этого исходного положения, выйдя из-под ударов германцев, XXVI корпус должен был отступить от Августова на Горчица—Сопоцкин, а III Сибирский корпус на Липск и Штабин. В действительности, группа этих двух корпусов вышла от Августова на юг между Штабином и Ястржембна и 3—4 февраля уже была на левом берегу Бобра.

XX корпус обратился в арьергард 10-й армии; его бросили в чащу Августовских лесов, затем забыли в болотах и в снегах, без обозов, без крова и без продовольствия. С обеих его сторон, вслед за отходом XXVI и III Сибирских корпусов, с востока и с запада в открытое пространство

хлынули германские части, чтобы покончить, как они предполагали „с остатками 10-й русской армии".

Итоги боевых событий, имевших место в течение трех последних дней операции, штаб фронта вылил в сводку предназначавшуюся для Верховного командования.

Излагая вначале положение в Риго—Шавельском районе, сводка затем переходит к изложению действий 10-й армии. Для нас этот очерк представлял бы интерес с точки зрения официального освещения известного периода операций, наиболее острого и критического, (но поправимого все-таки) в переживаниях 10-й армии, если бы факты не были отнесены к давно прошедшему времени и не утверждались на некоторых предположениях командующего 10-й армией, не выливших в действительность. Поэтому сводка сохраняет свой только относительный интерес в несколько ином направлении, не лишенный тем не менее поучительности.

„.....В 10-й армии, в виду наступления немцев в обход правого фланга армии, генерал Сиверс решил остановить правый фланг XX корпуса не у Вижайны, а откинуть к Пунску. 27-я дивизия была отрезана противником от XX корпуса.

Глубокий обход немцами правого фланга армии продолжался в направлении на Сейны. Железная дорога Сувалки—Олита в 30 верстах от Сувалок разрушена противником. В виду этого, отход XX корпуса на фронт Олиты—Меречь не мог уже осуществиться. Переправа у Олиты осталась не прикрытой. Были сделаны распоряжения о сосредоточении к Олите ополченских частей из Ковны—Гродны, а также конницей Леонтовича перейти к Олите.

Днем выяснилось, что 27-й дивизии удалось пробиться штыками через противника, части 106-го и 108-го полков вошли в связь с 29-й дивизией; части же 105-го и 107-го полков этой дивизии, также части 221-го, 222-го и 223-го полков 56-й дивизии с тремя легкими и одной гаубичной батареями, отошли к Олите. Остальные части 56-й дивизии и части 73-й дивизии на Козлово—Рудскую позицию.

Генерал Епанчин в Ковне. К Олите же сосредоточился и генерал Леонтович с двумя своими

кавалерийскими дивизиями. Генерал Леонтович принял на себя командование войсками, сосредоточившимися к Олите.

На левом фланге 10-й армии с 30 января противник вел главный удар на Райгрод. Отряд генерала Российского, до вечера 30 января, сдерживал у Райгрода натиск противника. В 8 часов вечера было обнаружено движение больших сил противника от Просткена к Райгроду. На Граево противник направил сильный заслон, у которого идет бой с Граевским отрядом. У Райгрода весь день шел бой, и к 7 часам вечера, отряд Российского, обходимый слева, начал отходить на северо-восток. На поддержку ему генерал Радкевич направил 6 батальонов с батареей.

У Августова ночью на 1 февраля сосредотачивается перевозимый туда полк 28-й дивизии. Отход XX, XXVI и Сибирского корпусов на линию Сувалки—Августов совершается, видимо, без особых затруднений.

В виду продолжающегося глубокого обхода немцами левого фланга армии, значительными силами и оттеснения отряда генерала Российского, что грозит отрезать пути отхода на Гродно, командующий армией решил перейти в наступление на юг в общем направлении на Райгрод и разбить те силы немцев, которые там находятся. Поэтому приказано: 28-й дивизии двинуться от Сувалок сегодня ночью в промежуток между Боржименом и Августовом и совместно с III Сибирским корпусом атаковать немцев у Райгрода. Коменданту Осовца приказано действовать Граевским отрядом самым энергичным образом.

XXVI корпусу отходить на Августов, прикрывая правый фланг и тыл III Сибирского корпуса, и по мере сокращения фронта усиливать своими частями XX корпус.

Генералу Леонтовичу приказано передать оборону Олитской позиции прибывшим сюда частям отряда генерала Епанчина, а самому энергичными действиями конницы в направлении на Сейны, освободить этот район от действий немецкой конницы и прикрыть обозы XX корпуса....“

Приводимую здесь сводку нельзя оставить без комментарий, ибо, чтобы управлять на войне и в бою, надо быть достаточно хорошо ориентированным, сводка же свидетельствует о том, что штаб фронта не был вполне осведомленным.

Нам вполне точно известно, что генерал Сиверс ничего не решал ни относительно остановки у Вижайны, ни у Пунска. Вообще, генерал Сиверс не предполагал задерживаться, к этому его не только подвинул, но на это и понудил штаб фронта. Что же касается ухода частей XX корпуса из района Вижайны, то это произошло по независящим от штаба армии обстоятельствам.

Сведения о частях 27-й дивизии не отвечают действительности. 105-й пехотный Оренбургский полк принимал участие в бою у озера Выштинец и к Олите не отходил. Никакого командования войсками, сосредоточенными в Олите, генерал Леонтович на себя не принимал, а если бы это и было бы на самом деле, то это дало бы случай лишний раз выразить удивление по поводу неправильного употребления двух кавалерийских дивизий, обрекаемых на сидение у переправы вместо того, чтобы с движением вперед самым естественным образом разрешить задачу по обеспечению этой переправы. Обход левого фланга 10-й армии немцы приостановили, подойдя к Райгроду. Известно, что генерал Радкевич оценивал свое положение, как вполне твердое. Да и обход по условиям местности к югу от линии Граево—Райгрод—Августовский канал был более, чем труден.

Мысль о переходе в наступление у Райгрода явилась лишь короткой вспышкой; ее погасили заботы о запоздалом выводе армии из боя.

Роль XXVI корпуса в том виде, как она представлена в сводке, извращена. Его все время пестовали, и, конечно, не было речи о том, чтобы освободившиеся части шли на подкрепление XX корпуса. Напротив того, генерал Булгаков и по собственной инициативе, и по приказанию командующего армией брал на себя обязанности по охранению в неприкосновенности этого нестойкого, сомнительной боеспособности, корпуса.

Наконец, на генерала Леонтовича никто не возлагал столь низкопробного задания по прикрытию обозов XX корпуса; повидимому, это является сплошным вымыслом. Конечно, все само собою произошло бы, если бы Леонтовичу удалось стать на тылах XX корпуса и очистить его район от неприятельской кавалерии.

ГЛАВА VII.

Организация марша XX корпуса на Сопоцкин. Занятие 27-й дивизией, из состава главных сил, озерного дефиле у д.д. Дановске и Копаница. Действия бокового отряда генерала Чижова 2 февраля и в ночь на 3 (16). Бой у деревень Серскиляс и Дальниляс. Поражение частей 42-й германской дивизии. Значение этого успеха в связи с действиями бокового авангарда. Движение генерала Чижова на Грушки. Столкновение бокового авангарда 4 февраля с немцами у д.д. Волкуши и Богатыри. Разрозненность действий бокового авангарда и главных сил. Движение главных сил в течение 4 февраля. Столкновение арьергарда с частями 78-й германской рез. дивизии у д.д. Тоболово и Махарце. Отход главных сил корпуса на Тартак и Рудавка. Дело 5 февраля у д. Волкушек. Наступление германцев на позицию генерала Чижова у д. Волкуши. Итоги боевых действий авангарда и главных сил за время со второго (15) по пятое (18) февраля.

Генерал Радкевич, не колеблясь, исполнил просьбу командира XX корпуса. Немедленно, по получении телеграммы генерала Булгакова, два батальона 111 пех. Донского полка с батареей под командой командира полка полковника Секирского были высланы из Августова в направлении на Гибы.

Усталые, голодные, измученные батальоны, только перед тем сделавшие тяжелый переход от Сувалок на Августов, до Гиб не дошли. Совершенно для себя случайно, не ожидая встречи с противником, и потому, надо думать, следуя без особых мер охранения и разведки, батальоны столкнулись восточнее д. Серскиляс с частями 65-й пехотной бригады из состава 42-й германской дивизии. Впереди шел 17-й пехотный полк, наступавший от Сейны через Гибы на Августов.

Днем 2 февраля произошел короткий, но решительный бой. Батальоны были разбиты и рассеяны. Полковник Секирский убит. Остатки батальонов повернули на Августов, а за ними поспешил 17-й германский полк, прикрываясь конницей, оста-

новленный затем в районе Махарце движением главных сил XX корпуса. Но один батальон 17 п., посланный на Сайонек для прикрытия фланга, был уничтожен [1]).

Судьба отряда генерала Секирского была неизвестна командиру XX корпуса. Первое время по этому он оставался в неведении и относительно фактической необеспеченности направления на Гибы и невозможности беспрепятственного следования по дороге на Махарце. Но очень скоро это неизвестное данное отпало.

Между тем командир XX корпуса, как и предполагал, начал свой отход в ночь на 2 февраля, около 3 часов, но войска вытянулись в колонну позднее.

Части 53-й пехотной дивизии вместе с 115-м Вяземским полком под общим начальством генерала Хольмсена образовали арьергард, которому поручено было прикрыть марш корпуса с севера и с северо-запада, отходя на фронт Плоцично — Юзефово. (Отчетная карточка № 2).

В качестве бокового авангарда, в видах обеспечения от ударов германцев с восточного и с северо-восточного румбов, по дороге на Тартак, Крживе, Руды, Красны был направлен отряд генерала Чижова в составе 113-го и 114-го полков при 4-х орудиях 29-й артиллерийской бригады и полусотни казаков. Несколько позднее, к авангарду присоединилось два орудия 53-й артиллерийской бригады. Боковой отряд должен был следовать на-легке, без обозов, с одними лишь патронными двуколками. Остальное имущество приказано было раздать, уничтожить или бросить.

Боковому авангарду ставилась задача: перехватить шоссе из Сейны в Августово и, укрепившись у д. Гибы, удерживаться там до тех пор, пока главные силы и арьергард генерала Хольмсена не минуют д. Махарце.

В колонну главных сил вошли 111 и 112-й полки 29-й дивизии, 5 батальонов 28-й дивизии, 2 полка 27-й дивизии и часть 53-й. Колонна главных сил должна была итти по дороге на Гаврихруда—Бризгель—Тоболово. Штаб корпуса находился в д. Вально.

---

[1]) Вероятно, в окрестностях Августова. В этом признаются германцы. Батальон погиб, закопав свое знамя, по свидетельству того же источника.

Артиллерийские парки и часть обозов, повернувшие от Сейны, находились впереди колонны 29-й дивизии, но далее Тоболово им не удалось продвинуться. Местность кишела неприятельскими раз'ездами, и обозы укрылись, расположившись в лесу. Часть обозов все-таки успела прорваться через д. Махарце. Это обстоятельство, в связи с данными разведки, произведенной на д. Махарце, уже днем 2 февраля свидетельствовало о том, что путь на Глембокий брод закрыт, что движение в направлении, указанном командующим армией, чревато самыми широкими возможностями встречи с противником, что даже пути, лежащие западнее линии Августова—Сейны, находятся в обладании германцев. Об этом командиру корпуса было донесено.

Когда к опушке леса у д. Вально, где в то время находился штаб корпуса, подошла 27-я дивизия, ее начальник штаба был командирован с докладом генералу Булгакову по поводу прибытия дивизии и для получения дальнейших указаний. Генерал Булгаков, ознакомив полковника Дрейера с общей обстановкой, предложил ему изложить собственное мнение относительно дальнейших действий. Полковник Дрейер сделал в этом смысле доклад.

Сущность соображений начальника штаба дивизии свелась к следующим положениям: 1) необходимо занять дефиле у д.д. Даиовске и Копаница, чтобы иметь выход на восток и юг; 2) эти позиции должны быть заняты немедленно ближайшими частями, каковыми являются части 27-й дивизии; 3) дивизия должна сосредоточиться в лесах южнее этих дефиле, чтобы позднее захватить озерный перешеек между д.д. Серве и Тоболово. Начальник штаба 27-й дивизии полагал, что обладание этим перешейком и удержание д.д. Серскиляс и Махарце было настоятельно необходимо, так как переход этого рубежа в руку германцев отбрасывал весь корпус на Августов.

Генерал Булгаков, не подвергая критике этот план, согласился с ним и приказал начальнику 27-й дивизии генералу Джонсону приступить к его осуществлению.

Однако, в этом плане, основанном на совершенно правильной оценке тактических свойств озерного перешейка у д. Серскиляс, не доставало одной только черточки. События

следующего дня показали, что рубеж, захваченный столь предусмотрительно, действительно оказался барьером, о который разбились крупные силы противника, но успех уподобился Пирровой победе и ни на йоту не приблизил к спасению части XX корпуса. Напротив того, бой в обстановке 3 февраля уготовил ему мучительную агонию. Корпус верными и более быстрыми шагами пошел к гибели немедленно после одержанной победы.

План полковника Дрейера был, если можно так выразиться, отнесен не к той системе координат, которую требовала обстановка. Движение корпуса по дороге на Тоболово, т. е. впереди озерного перешейка, прикрывалось в данном случае только с запада, где опасность в то время вовсе не была столь близка. В то же время движение колонны главных сил оставалось совершенно открытым для удара со стороны XXI германского корпуса.

Совершенно иное положение создалось бы, если бы начальник штаба 27-й дивизии сумел убедить командира корпуса, что движение на Глембокий брод и Махарце чрезвычайно опасно, что войскам это движение грозит быть отброшенными к западу. В лучшем случае они могут встретить точку опоры в расположении 27-й дивизии у д. Серскиляс, но занятие озерного дефиле могло бы сохранить всю свою оперативную ценность лишь в том случае, если бы главные силы, прикрываясь 27-й дивизией, свернули на д. Стренковизна, Студеница—Сайонек.

Во исполнение одобренного плана полк. Дрейера, в распоряжение генерала Джонсона был передан и 115-й Вяземский полк, которому предстояло с утра 3 февраля начать наступление на Махарце от Тоболово, действуя в полной связи с командиром 108-го пехотного Саратовского полка полковником Белолипицким, на которого возложено было общее руководство действиями войск на перешейке.

Между тем боковой авангард генерала Чижова своей головной частью сосредоточился у выхода из восточной окраины Сувалок только в 5 час. утра 2-го февраля, так как город по всем улицам был забит артиллерией, парками и обозами.

Впереди авангарда следовал 113-й Старорусский полк. Дефиле у Тартака было пройдено благополучно в 9 час. утра. С Тартака отряд свернул на д. Николаево, где около 11 час. утра попал под артиллерийский огонь со стороны Краснополя. Неприятельские батареи вели огонь на больших недолетах. Уже в час дня разведка донесла, что д. Сернетки занята неприятельской кавалерийской заставой, а в д.д. Глембовкий брод и Фронцки стоит германская пехота.

Чтобы обеспечить движение авангарда по шоссе, генерал Чижов распорядился выслать от д. Высокий мост сильные отдельные заставы в одну—две роты, к д.д. Погоржельце, Вершне и Красна. Этим заставам пришлось у д. Цемный ляс принять бой с наступавшим на деревню Погоржельцы противником. Немцы были оттеснены к озерам Вершне и Белое, что и обеспечило отход бокового авангарда к д. Татарчиска. Войска генерала Чижова прибыли туда к 9 часам вечера. В течение дня со стороны Махарце они слышали сильный ружейный и пулеметный огонь. Видимо, это происходил бой 65-й германской бригады с отрядом пол. Секирского. Пленные, взятые у д. Погоржельцы, показали, что в районе Гибы, Красна и Вершне стоят передовые части немецкой дивизии, главные силы которой расположены позади, в 15-ти верстах. Показания пленных указывало на полную безрассудность движения на Гибы.

Так как д. Глембокий Брод тоже была занята немцами, то генерал Чижов решил ночью прорываться на юго-восток. Прорыв был возложен на батальон 113-го полка. Командир батальона подполковник Литвинский снял немецкие полевые караулы и, прикрывшись со стороны Гибы двумя ротами, другими двумя занял переправу через Черноганжу, образовав таким образом проход.

Через эти ворота начал переходить отряд во главе со 114-м Новоторжским полком, головной батальон которого был направлен на д. Францки. Здесь немцы были застигнуты врасплох, однако пришлось все-таки каждый дом брать с боем. Тем не менее, к 4 с половиной часам утра д. Францки была очищена от противника. Часть немцев перекололи штыками, некоторых взяли в плен, остальные скрылись в лесу. Дорога на д. Околок оказалась свободной для движе-

ния, и по ней начала вытягиваться колонна. Боковой отряд генерала Чижова к 8 часам утра 3 февраля прибыл в д. Околок. В это время, главные силы корпуса уже вели бой у д.д. Махарце—Серскиляс.

За ночь сосредоточившись, на рассвете 3 февраля 27-я дивизия, в сущности, 108-й пехотный Саратовский полк и слабые части 105-го Оренбургского, а также 106-го Уфимского полков заняли опушку леса по обе стороны шоссе западнее д.д. Дальниляс и Серскиляс. Два батальона Саратовцев образовали правый боевой участок; левее шоссе на Гибы расположились Уфимцы и две—три роты Оренбуржцев. На опушке леса стала 5-я батарея 27-й артиллерийской бригады. Позже к ней примкнули 3-я и 2-я батареи той же бригады. В боевой участок Уфимцев—полковника Отриганьева влили батальон 334-го Ирбитского полка, случайно почему то обретавшийся тут же. К рассвету разведчики уже донесли, что Серскиляс и Махарце заняты немцами. С 7 час. утра цепи дивизии повели наступление на Серскиляс. Немцы встретили атакующих ружейным и пулеметным огнем из окрапнных домов обоих селений. Со стороны д. Махарце германская легкая батарея в свою очередь открыла огонь. Атаку на д. Дальниляс, занятую сравнительно слабо, повели 3-й и 4-й батальоны Саратовцев.

Около 10 час. утра были получены сведения, что на Августовском шоссе у озер Белое и Студенично идет жаркий бой и что противник в неизвестных силах наступает к северу от этих озер. Две роты Уфимцев из участкового резерва с одним орудием под командою штабс-капитана Пиповальникова были развернуты по обеим сторонам шоссе в двух верстах южнее д. Серскиляс. Фронтом на Августов это, повидимому, шел бой у д. Сайонек с батальоном 17 герм. пехотного полка высланным вперед, от 65-й пехотной бригады 42-й германской дивизии. Отчетная карточка № 2.

Наступление частей 106-го и 108-го полков на д.д. Дальниляс и Серскиляс, занятым 138-м гер. полком, увенчалось полным успехом. Уже к 11 час. утра обе деревни оказались в руках атакующего. Артиллерия, вынужденная в силу особых условий местности, открывать огонь с самых близких дистанций, непрерывно меняла позиции, обливая герман-

скую пехоту шрапнелью. Немцы несли колоссальные потери. Целые запряжки германских батарей были перестреляны. Трупы заваливали шоссе, мешая проезду. Канавы наполнились убитыми и ранеными. Дома были полны жертвами боя.

К 3 час. дня, полки 27-й дивизии, соединив фронтальную атаку с наступлением во фланг по полузамерзшему озеру Серве, выбили противника из д. Махарце, разгромив три полка 42-й германской дивизии. В результате, взято около 1000 пленных, захвачено 13 орудий, которых немцы не успели испортить, и несколько пулеметов. Пионерная рота попала в плен в полном составе.

Крупный и неожиданный успех высоко поднял дух войск. Корпус переживал лучезарные минуты. Исстрадавшиеся, изголодавшиеся, измученные хронической бессонницей и неимоверно тяжелыми маршами войска вдруг обрели какую-то уверенность в благополучном разрешении критического положения, которое корпусу становилось ясным. Но тем сильнее была горечь близкого разочарования.

В этом бою приняли действительное участие 3 полка германской 42-й дивизии, но к полю сражения уже подходила вся 78-я рез. дивизия, нацеливщаяся тремя колоннами на фронт Тоболово—Махарце. Поражение германцев, независимо от абсолютной ценности самого успеха, сыграло в некотором отношении, косвенно, серьезную роль и в судьбе XXVI корпуса. Как известно, накануне, головные части 42 гер. дивиз., ворвавшейся в д. Сайонек на плечах разбитых батальонов 111 пех. Донского полка, повели наступление на Августов. Сравнительно ничтожные силы причинили тем не менее бездну тревоги. Общее положение армии сделалось бы бесконечно тяжелее, да и катастрофа для XXVI корпуса стала бы неминуемой, если бы действия корпуса генерала Булгакова, понимая под этими действиями движение бокового отряда генерала Чижова и бой 27-й дивизии у д. Серскиляс, не расстроили бы план германского командования относительно окружения корпусов 10-й армии. Приказ по XXI германскому корпусу, найденный на одном из убитых неприятельских офицеров, гласил: „..... 14 февраля (1 февраля) русская армия продолжает занимать позиции на фронте Ав-

густов — Сувалки. Завтра, 15 февраля, должно завершиться ее окружение....." Затем следовали указания 42-й дивизии.

Весь бой 27-я дивизия провела в живых, энергичных, чрезвычайно интенсивных темпах. Лихорадочный пульс боя обещал успех: в результате им, действительно, и увенчались действия частей корпуса в этот день. Немцы получили короткий, но молниеносный шок, который должен был на некоторое время их во всяком случае попридержать.

Дальше этого едва ли шел командир корпуса, когда согласился с мнением начальника штаба 27-й дивизии. Решающего значения этот бой иметь не мог, не смотря на то, что части 42 герм. дивизий в сущности были окружены. К вечеру 3 февраля части XXVI и III Сибирского корпусов уже подходили к правому берегу Бобра. Свободное проникновение 42-й германской дивизии, своим авангардом накануне прорвавшейся к Августову, позволило бы немцам ударить хотя бы по хвостам XXVI корпуса. Войска генерала Булгакова не только отвели, но и приняли на себя весь готовившийся удар. Однако, в то время, как 27-я дивизия вела бой, остальные войска главных сил должны были, не теряя ни минуты, отходить по юго-западным путям, не ожидая конца и результатов боя.

Этого то главные силы, т. е. части 29-й, 53-й и 28-й дивизии, не сделали. Арьергард генерала Хольмсена должен был сдвинуться на юг и, опираясь правым флангом на озеро Близна, протянуться через д. Сокольне и стать à cheval дороги, идущей к Августову от Рачки через Щебры. Но корпус увлекся впечатлениями боя, блестяще проведя его частями 27-й дивизии. Он не сумел извлечь из него наибольшую пользу, при том единственную в обстоятельствах такого рода. День 3 февраля лишь разрыл глубже выкопанную могилу для XX корпуса, украсив ее пригоршнями цветов и осыпав лаврами, судьба которых была — увянуть в ближайшие часы.

Один полк 29-й дивизии, три полка 53-й и бригада 28-й дивизии с обозами оставались в районе деревень Копаницы и Дановске, прикрывшись окружающими лесами. Таким образом, вся операция свелась к пролому бреши у Махарце и к движению дальше на юго-восток опять таки к Сопоцкину, тогда как первоначально, насколько можно было уяснить себе из доклада начальника 27-й дивизии, от-

четливо прозревавшего опасность движения на Глембокий брод, удержание известного рубежа у д.д. Серкиляс и Дальниляс имело целью беспрепятственное прохождение на юг, с некоторым лишь уклонением на юго-восток, главных сил корпуса.

Совершенно правильная мысль, но горячий темперамент начальника штаба 27-й дивизии должны были уравновесить холодный расчет и осторожность командира корпуса. Этого, к сожалению, не случилось.

Обратимся к дальнейшим действиям бокового авангарда генерала Чижова. Боковой авангард сосредоточился у сел. Околок. Уже к 11 час. утра 3 февраля стали поступать сведедения о появлении в окрестностях неприятельских разъездов и о движении немцев от д. Гибы по дорогам на д. Калеты и Тартак, к переправам на Августовском канале.

Поэтому генерал Чижов решил отойти за Августовский канал и только после того восстановить связь с корпусом. В 12 с половиною часов дня авангард выступил из с. Околок по дороге на ус. Хайно, д. Микашевка и далее на д. Грушки, куда и подошел к 6 часам вечера. Утомление войск сказывалось во всем. У многих солдат опухли ноги. Наступавшая оттепель испортила дороги и сделала их еще более тяжелыми.

Генерал Чижов по прибытии в д. Грушки организовал разведку на Махарце, Сопоцкин и Липск. Тогда же получено было сведение от случайно прибывшего офицера, что главные силы корпуса пробились через Махарце на юг. Имея данные о занятии немцами Сопоцкина, генерал Чижов совершенно правильно решил отказаться от продвижения в этом направлении, чтобы вместо этого продолжать отход на д. Волкуши, откуда, выйдя из лесных дебрей, можно было занять шоссе у Липска и этим самым обеспечить выход корпуса. Выступление было назначено на 7 часов утра 4 февраля; фактически оно состоялось позднее, вследствие неполучения к тому времени донесений от разведки. Она сообщила, что все дороги к Липску находятся в руках немцев, что еще в ночь на 4 февраля противник разрушил мосты у д.д. Марковце, Волкуши и у фольверка Млынек. Эти донесения подтвердились еще раз на походе. Около двух часов дня, шедший впереди 114-й Новоторжский полк подошел к д. Вол-

куши и приступил к исправлению моста. Исправление переправы происходило под непрерывным артиллерийским огнем противника и закончилось только к вечеру. Работы производились под прикрытием роты, перебежавшей по мосткам через реку и укрепившейся на южном ее берегу; для обеспечения левого фланга, к Марковскому мосту была послана тоже рота.

Около 3-х с половиной часов дня немцы открыли огонь из броневика со стороны д. Марковцы. Головной отряд занял д. Богатыри и, неся потери, повел наступление на д. Богатыри Южные. Но деревня оказалась сильно занятой. Чтобы облегчить наступление 114-го полка, один из батальонов был направлен на д. Бартники для действия во фланг немцам, занимавшим Южные Богатыри. Одновременно, еще более вправо, была послана партия разведчиков. Ей было поручено, оставив полевой караул у фольверка Млынек, выставить заставу у д. Старожинцы и обследовать, занята ли д. Копчаны. Если она не занята, то обязательно ее занять и наблюдать шоссе Липск—Голынка.

Разведка и опрос жителей установили, что д. Старожинцы, Бартники и Богатыри заняты противником силою до 2-х батальонов. Резервы германцев сосредоточены у Голынка. Это и были части 31-й германской дивизии, закончившей свое захождение с направления Штабинки—Сопоцкин.

Генерал Чижов, имея пред собою укрепившегося противника, принял решение — с наступлением темноты переправить всю колонну обозов на другой берег реки, а 114-м Новоторжским полком предпринять ночную атаку д.д. Южные Богатыри и Бартники, чтобы расчистить дорогу. Но ночная атака не состоялась. Противник заметил передвижение, обеспокоился, стал сосредотачивать войска к д.д. Бартники и Старожинцы, выслал сильную разведку и одновременно на всякий случай открыл усиленный огонь по расположению бокового авангарда генерала Чижова. Последний приказал войскам, занимавшим Северные Богатыри, очистить эту деревню и перейти в лес на северный берег реки Волкушек.

В ночь на 5 февраля переправу у д. Волкуши занимали части 114-го полка. Сторожевое охранение протягивалось от фольверка Млынек через Северные Богатыри до д. Солоевщизна. Между прочим, днем около 5—6 часов, в

направлении на д. Голынка были замечены высокие разрывы шрапнелей, брошенных с юга. Мелькнула мысль о выручке. Прислушивались к кананаде со стороны Липска. Но это были отзвуки, отголоски последних боев, которые вели арьергарды III Сибирского и XXVI корпусов, выходивших как раз в том направлении, с которого они могли бы принять XX корпус, если бы он уклонился в сторону от путей, уже в эти дни прочно и значительными силами занятых германцами.

Действия бокового авангарда безупречны; они почти образцовы. Начальник бокового отряда не озабочен спокойным прохождением своих собственных войск. Твердо зная о группировке значительных немецких сил в районе Сопоцкина и к северо-востоку от дороги Горчица—Сопоцкин, генерал Чижов как бы ищет сближения с ними, он тяготеет к этому направлению, понимая, что тем самым создает упругий буфер между германцами и главными силами корпуса. Все действия бокового авангарда проникнуты живейшей активностью. Вследствие этого результаты его действий очень ценны. Боковому авангарду посчастливилось выйти как раз на фронт главных сил немцев. В его роли, как бокового авангарда, приходится считать счастливым шансом именно это обстоятельство, раз вопрос шел о судьбе, о спасении всего корпуса. Авангарду, широко раскинувшему разведку, удается нащупать пределы распространения противника с востока на запад. Своими действиями он несомненно смог на некоторое время приковать внимание германцев, для которых появление частей на прямом направлении к Гродне должно было показаться значительным. Некоторое, хотя и короткое время, противник способен был оставаться в заблуждении относительно движения остальных сил корпуса и их численности. Но, конечно, немцы не могли пребывать в длительном заблуждении. Им не трудно было построить всю схему марша по координатам прохождения бокового авангарда генерала Чижова через д. д. Околок, Микашевка, Грушки, мимо Липины и у д. Волкуши. Само собою разумеется, что главные силы обязаны были дорожить каждой минутой, дабы, воспользовавшись прекрасными действиями бокового авангарда, проскользнуть мимо германского расположения и пройти в незамкнувшееся отверстие, тогда еще существо-

вавшее к западу от д. Старожинцы и к востоку от железной дороги Августов—Гродна.

Что же касается поддержания связи, то в данном случае это было не только в интересах и в средствах главных сил корпуса, в частности, штаба его, но и прямой его обязанностью в обстоятельствах марша. Тем более, что связь достигалась почти автоматически, путем высылки раз'ездов и дозоров для освещения местности на восток и на юговосток от озера Серве.

Связь устанавливалась дважды совершенно случайно, но ограничивалась осведомлением генерала Чижова о положении дел главных сил. К вечеру 4 февраля к 12 часам ночи из д. Махарце прибыл офицер 114-го полка. Его сопровождали два казака. Один из них вез письменное приказание от командира корпуса начальнику бокового авангарда. Под'езжая к д. Волкуши и заслышав стрельбу, казаки повернули коней и исчезли, непередав приказания командира корпуса. Отсутствие связи между боковым авангардом и главными силами корпуса не позволило последнему извлечь все выгоды, вытекавшие из факта окружения 42 герм. див. утром $^{3}/_{16}$ февраля.

Остановка главных сил корпуса в районе Махарце имела самые отрицательные и роковые последствия. Повидимому, упоение победой, хотя бы и блестящей, опьянение столь неожиданным успехом отвлекло мысль от самого главного. 4 февраля 27-й дивизии приказано было оставаться на месте с 116-м Малоярославским полком и частями 53-й дивизии, удерживая фронт Махарце и Дановске. Это должно было обеспечить отход обоза и остальных войск корпуса на д.д. Черный брод и Горчица. Обозы направлялись на Черный брод, войска на д. Горчица, Микашевка и далее на злополучный Сопоцкин.

Бригада 28-й дивизии под командой полковника Рябенко получила задачу составить арьергард у д. Горчица по проходе войск и обозов на юг.

Но переправа у д. Черный брод оказалась испорченной и настолько приведенной в негодность, что саперы смогли исправить в сравнительно короткий промежуток времени только мост у д. Горчица. Непринятие заблаговременно мер к обеспечению переправ через Августовский канал против озорства отдельных, быть может даже случайных, раз'ездов противника сказалось самым печальным образом. Возможно

также, что переправы были не в порядке и помимо злой воли противника, в таком случае об этом эпизоде приходится пожалеть еще сильнее.

Все двинулось по одной и притом по проселочной дороге. Вытягивание колонны началось с вечера 3 февраля, продолжалось всю ночь, все утро, вплоть до полудня.

Между тем в это время немцы повели атаку, при поддержке тяжелой артиллерии, на Тоболово, а с Тоболово на Подсерскиляс. Атаку вели части 78-й рез. дивизии, развернувшейся тремя колоннами с направления д.д. Бризгель, Червоный Кржиж и Сернетки. Уже оправившиеся, части 42-й германской дивизии поддерживали эту атаку от д. Францки на д. Махарце.

Арьергардную позицию у Тоболово до Махарце фронтом на север занимал 212-й пехотный Романовский полк с тремя легкими батареями 27-й артиллерийской бригады и одной — Сибирского мортирного дивизиона. Полк до конца выдержал напор германцев, несмотря на растянутость своего расположения. Он прекрасно справился со своей задачей и только с наступлением темноты, предоставив частям 27-й дивизии отойти, снялся с позиции, свернулся в колонну и направился к д. Горчица через д. Сухаржички. Главные силы подвигались к д. Микашевка. У д. Горчице в колонну влился подошедший из д. Глембокий Брод 115-й Вяземский полк, который, удлинив колонну, еще более замедлил прохождение корпуса. Главные силы прибыли к д. Микашевка поздно ночью. В голове шел 115-й Вяземский полк, два батальона которого остановились у д. Тартак, чтобы прикрыть движение со стороны показавшегося противника.

Итак, командир корпуса, ничего не зная о своем боковом авангарде, продолжает итти ощупью, без разведки, пробираясь как сомнамбула, словно завороженный неуклонно держась направления на Сопоцкин.

Многострадальный 108-й пехотный Саратовский полк во главе со своим доблестным командиром полковником Белолипоцким вновь получает приказание очистить местность от противника. Усиленные тремя батареями 27-й артиллерийской бригады и взводом 53-й Саратовцы двинулись на Тартак — Рудавка. Правее шел 115-й Вяземский полк с

тремя легкими батареями в общем направлении на Грушки, чтобы оттуда выйти к д. Липины. Левая колонна развернулась в боевой порядок, имея в цепи взвод 53-й артиллерийской бригады, все время стрелявший „на картечь". Быстро и энергично немцы были сбиты у д. Тартак. Столь же успешно наступление продолжалось и до д. Рудавка, так как противник, занимавший эти позиции в незначительных силах, оказал слабое сопротивление. Но в своем дальнейшем движении, на д. Волкушек, Саратовцы вынуждены были приостановиться. Заранее подготовленная позиция, отлично маскированное расположение германцев, удачное размещение орудий и пулеметов, болотистость берегов непроходимой в брод реки Волкуши вовлекли цепи полковника Белолипецкого в упорный, но безрезультатный огневой бой. Им не удалось пробить, быть может последнюю, брешь на пути к Сопоцкину.

Штаб корпуса, находившийся в деревне Микашевка, вечером отошел в д. Грушки, оставив у д. Микашевка бригаду 28-й пехотной дивизии в качестве арьергарда.

В тот же день на участке бокового авангарда генерала Чижова противник с 8-ми часов утра повел атаку. Она велась небольшими силами; ее легко отразил 3-й батальон 114-го полка. Когда же немцы, несколько усилившись, подошли еще ближе, почти шагов на сто, пришлось вызвать поддержку. В час дня неприятель начал отходить на свои позиции, преследуемый со стороны авангарда артиллерийским и ружейным огнем. После полудня в расположение войск генерала Чижова начали стягиваться части главных сил корпуса, влача за собою все свои трофеи: захваченных пленных и взятые пушки.

Еще утром 4-го февраля, перед тем, как решить начать движение из д. Грушки на д. д. Волкуши, Богатыри и Голынка, начальник бокового авангарда узнал, хотя и случайно, от прибывшего из главных сил одного из офицеров, что корпус после удачного боя, происшедшего накануне, отдыхает в д. Махарце. В тот же день, около 12 часов ночи те же сведения были подтверждены прибывшим офицером 114-го полка.

Нет возможности удостовериться, принял ли начальник бокового авангарда какие нибудь меры со своей стороны,

чтобы донести командиру корпуса о своих действиях [1]). Во всяком случае, итоги дня 4-го февраля слишком были показательны, чтобы о них не донести командиру корпуса, которому эти сведения раскрыли бы многое. Но из действий главных сил и направления самого их движения легко сделать заключение, что командир корпуса вошел в фактическую связь с боковым авангардом, опять таки случайно, только вечером, и вплоть до последней минуты оставался в полном неведении относительно места расположения частей генерала Чижова. Генерал Булгаков, очевидно, ничего не знал и о попытках авангарда прорваться у д. Волкуши. Только этим и можно об'яснить движение главных сил корпуса в направлении на Тартак — Рудавка, а также его попытки пробиться у д. Волкушек [2]) в то время, как почти рядом, в 8 верстах к юго-западу, у д. Волкуши стояли части бокового авангарда, уже потерпевшие неудачу в предприятии такого же рода с той лишь разницей, что условия для прорыва в этом направлении ранее складывались несравненно благоприятнее.

Странным кажется также и то обстоятельство, что колонна главных сил, следуя первую половину пути почти по маршруту бокового авангарда, не могла узнать и ничего не узнала о нем путем опроса у местного населения.

На фронте остальных корпусов X-й армий операция близилась к более или менее благополучному разрешению. Еще 3-го февраля, почтово-телеграфный чиновник телеграфировал в штаб армии из Сопоцкина: „через Сопоцкин проследовала тяжелая германская артиллерия и много полков“... В тот же день штаб армии доносил штабу фронта, что около 3-х часов дня Липск оказался в руках немцев. Действительно, Липск был занят прорвавшейся германской 3-й кавалерийской бригадой. К тому времени части III-го Сибирского и XXVI-го корпусов еще не прошли Липска. Уже 4-го февраля немцы повели наступление на передовые позиции Гродненской крепости у д. Скриники, но были отбиты и отошли за д. Сытины. Попытка, повидимому, была произведена частями 31-й германской дивизии, находившейся в то время в районе Голынка.

[1]) По частным сведениям, об остановке в д. Грушки было донесено Штабу корпуса, но последний, видимо, этого донесения не получал.

[2]) На некоторых картах Волькушек.

Чтобы обезопасить отход XXVI-го и III-го Сибирского корпусов со стороны Липска, в д. Груски было направлено два батальона Аккерманского полка из состава III-го Сибирского корпуса. Некоторые меры обеспечения в тех же целях были приняты и к югу от д. Шушалево.

3-го февраля, предшествуемый отрядом генерала Российского, отходившим на фронт Крапивна — Шушалево — Каменно, отступил в том же направлении XXVI-й корпус. Корпус имел благоразумие отвергнуть указанный ему штабом армии путь отхода и только этому обстоятельству обязан своим спасением. III-й Сибирский корпус подошел к Штабину. Перед этим сделаны были распоряжения об усилении войск, занимавших д. Шушалево, сводным полком 27-й пехотной дивизии, перевезенным в Гродну из Ковны, куда эти батальоны отошли вместе с III-м армейским корпусом. Особое внимание было обращено на район к югу от Липска, где опасались уничтожения переправ через Бобр.

Между тем 5-го февраля, т. е. в тот день, когда боковому авангарду XX-го корпуса, удалось прозондировать с некоторым успехом слабые и сильные стороны в расположении противника, преградившего дорогу к Гродне, и когда главные силы того же корпуса получили еще раз все столь же лишнее подтверждение безразсудства пробиваться к Сопоцкину, немцы сконцентрировали вокруг Августовского лесного пространства семь пехотных, одну кавалерийскую дивизию. и одну кавалерийскую бригаду, а именно: 76-я рез. дивизия развертывалась на участке к северо-западу от Августова. 42-ая пехотная дивизия группировалась у д. Пляска в районе Горчицы. 77-я рез. дивизия подошла к Концюво и двигалась на Калеты. 80-я рез. и 4-я кавалерийская дивизии придвинулись к Штабину. 75-я рез. дивизия следовала непосредственно по пятам XXVI-го корпуса и заняла район между д. Груски и Штабином по линии железной дороги. 79-я рез. дивизия, миновав Груски, расположились впереди 75-й рез. дивизии против Краснобора. (Отчетн. карт. № 2).

Таким образом XX-й корпус оказался окруженным, причем свободное пространство для воссоединения с остальными частями 10-й армии еще существовало некоторое время все-таки на участке шириною около 4 верст между

д. Груски и несколько западнее меридиана Липска, занятого непосредственно к тому же времени 2-й пех. дивизией.

Конечно, генерал Булгаков не знал, да он и не мог знать действительного положения вещей даже сколько-нибудь приближенно, но результаты боевых столкновений, как в главных силах, так и в боковом авангарде не оставляли сомнения в том, что расположение немцев на прямом пути к Гродне твердо, устойчиво и непоколебимо.

В день выезда штаба корпуса из Сувалок в Сейны, единственная радиостанция была снята и отправлена в Сейны, в то время уже занятые немцами. Станция спаслась, пробравшись в Гродну, но корпус, имея в своем распоряжении только одну станцию, остался без средства связи, единственно ценного в той обстановке, в которой корпус очутился уже к вечеру 2-го февраля. Если бы корпус располагал еще одной станцией, не прекращавшей своего действия вплоть до установки новой, то генерал Булгаков сохранил бы возможность снестись со штабом армии и согласовать свои действия с движением остальных корпусов. XX-й корпус, несомненно, был бы спасен.

К довершению всего, разрозненность действий бокового авангарда и главных сил свела их общую работу к нулю. Ответственность падает всецело на штаб корпуса, который не сумел организовать разведку на-коротке, хотя-бы в интересах своего собственного спокойствия. Эта разведка должна была получить выражение в виде густейшей сети кавалерийских раз'ездов и пехотных дозоров во главе с офицерами, потери которых в корпусе не были чрезвычайны и ими на это серьезное дело не следовало скупиться.

Остановка главных сил корпуса в районе поражения германцев у д. д. Махарце — Серскиляс и Дальниляс была роковой, если бы даже скинуть со счетов совершенно не правильную постановку цели самого боя. Ведь дралась только одна 27-я дивизия, остальным же надо было итти, итти и итти. Это азбука отступательного марша—маневра.

Кроме того, корпус не мог не знать и знал за несколько дней вперед, что ему придется преодолевать замысловатую в топографическом отношении лесисто-болотистую полосу к востоку от Августова. Начальник инженеров кор-

пуса, т. е. командир 20-го саперного батальона, совместно со штабом корпуса, обязан был озаботиться приведением в порядок в инженерном отношении тылов корпуса, обследовать годность дорог, состояние переправ, прочность мостов и т. д.

На войне не должно и не может быть человека, который мыслил бы один за всех. Война—это область труда, в котором принцип его разделения приобретает тем большее значение, что события в своем чрезвычайном разнообразии безвозвратно связаны с быстро-текущим временем и всегда с очень остро поставленным вопросом „быть или не быть".

ГЛАВА VIII.

Командир корпуса останавливается на решении прорываться на участке д. Марковцы—Богатыри. Действия войск правого и левого боевых участков в бою на прорыв — 6-го февраля. Неудача этого прорыва и непосредственные ее причины. Положение корпуса 7-го февраля. Отход арьергарда к д. Липины. Переформирование арьергарда. Приказ командира корпуса для повторения прорыва в ночь на 8-е февраля. Движение авангарда. Постепенное развертывание событий у фольверка Млынек и наростание окончательной катастрофы. Гибель главных сил корпуса. Действия арьергарда полковника Дрейера на Липинской поляне. Выход германской колонны 76-й рез. дивизии со стороны д. Рубцово в тыл арьергарду. Переход арьергарда на новую позицию. Завершение немцами полного его окружения. Последние минуты оставшихся частей XX-го корпуса. Неудачный переход в наступление 10-й армии 8-го февраля „с целью выручить своих геройски продолжающих борьбу товарищей XX-го корпуса".

Генерал Булгаков, лично убедившись в том, что прямые пути на Гродна через Сопоцкин для него заповеданы, решил 6-го февраля прорываться несколько западнее, на участке между д. д. Марковцы — Богатыри.

Из телеграммы командующего армией, указывавшего в последний раз тыловые пути, командир XX-го корпуса знал, что XXVI-му корпусу предоставляются дороги от Рачки, севернее Августова, на Горчица — Сопоцкин. В течение 2-го, 3-го, 4-го и 5-го февраля штаб корпуса не имел никаких сведений о войсках генерала Гернгроса. В данном случае, можно было сделать одно из предположений: или XXVI-й корпус все еще стоит на месте, что было мало вероятным, или он мужественно избрал для своего отхода

иной путь, притом достаточно удаленный к западу от данного ему генералом Сиверсом направления. Такою дорогой могло послужить прежде всего шоссе, выходящее к Гродно севернее Липска через Курьянки.

Это было наиболее вероятное предположение, чтобы из него затем исходить, останавливая свой выбор на путях собственного отхода. Дорогами могли послужить пути, идущие от д. Махарце через Горчица на Красно, на Ясенево через д. Жилино и от д. Серскиляс на Сервы, Черный Брод с пересечением шоссе из Августова между д. д. Волкуши и Груски.

3-го февраля Липск был занят прорвавшейся 3-й кавалерийской бригадой германской конницы, но для пехоты это не представляло большой опасности. Однако, по сторонам Липска даже тогда, когда к 5-му февраля его заняла 2-я пехотная германская дивизия, все-таки еще существовали свободные проходы, о которых корпус естественно мог бы вспомнить, принимая в соображение, что заходящие фланги 10-й и 8-й германских армий не так то скоро способны были тесно соединить концы замыкаемой ими цепи.

Командир корпуса остановился на решении прорываться на узком фронте между д. д. Марковцы—Богатыри, т. е. на участке, где накануне потерпел неудачу в подобных же поисках боковой отряд. Мало того, здесь последний неосторожно привлек на себя внимание германцев и заставил их насторожиться. Небезизвестно было также, хотя бы генералу Чижову, что в Голынке сосредоточены крупные силы противника. Трудно допустить, чтобы начальник бокового авангарда не поделился своими сведениями с командиром корпуса. Во всяком случае, прорыв был неудачно нацелен, не глубоко соображен, не искусно организован и очень посредственно осуществлен. (Кроки № 1).

Приказ о прорыве был получен войсками накануне, т. е. 5-го февраля, в 7 час. 30 мин. вечера. Части 27-й дивизии, составляя левый боевой участок под руководством полковника Белолипецкого, должны были рвать расположение противника восточнее дороги Богатыри — Голынка. Части 29-й дивизии под начальством генерала Чижова предназначались для ведения атаки правее той же дороги. С левого

берега реки Волкушек артиллерия должна была содействовать атаке своим огнем. Начало наступления правого боевого участка намечалось в $5^1/_2$ часов утра. После захвата д. д. Богатыри — Бартники, генералу Чижову предстояла задача, продвинувшись вперед, занять шоссе у д. Копчаны. Дивизиону 27-й и дивизиону 29-й артиллерийских бригад с батареями 20-го мортирного дивизиона указывался позиционный район в южной части леса против д. Волкуши.

В расположении левого боевого участка были приняты меры к исправлению мостов и устройству новых. Но так как саперы не обещали построить новый мост в одну ночь, то пришлось ограничиться только восстановлением полуразрушенного Марковского моста.

Наступление, лишенное всякой неожиданности для противника и не расчитанное вовсе на внезапность и скрытность, напротив того, сохранявшее все признаки дневного, наступательного боя против неприятеля, хорошо укрепившегося и занявшего позицию в неизвестных, но достаточных силах, началось около 7 часов утра. Только к этому времени части правого боевого участка успели занять исходное положение.

Части 27-й дивизии подошли к Марковскому мосту, беспрепятственно перешли на правый берег Волкуша со 2-м дивизионом 27-й артиллерийской бригады и развернулись в боевой порядок для атаки д. Марковцы.

Батареи 28-й и 53-й артиллерийских бригад заняли очень невыгодные позиции, хорошо видимые противнику с командующих высот правого берега Волкуша. Наблюдательных пунктов было немного и они были не хороши.

Огонь батарей атаки был быстро погашен, однако д. Марковцы запылала. К 12 часам дня цепи боевого участка полковника Белолипецкого подходили к д. Марковцы, на окраине которой расположилась германская пехота.

В течение ночи в расположении правого боевого участка 114-й полк должен был быть сменен в д. Сев. Богатыри 209-м полком. Последнему указывалось овладеть д. Юж. Богатыри. Остальные три полка: 113-й, 114-й и 116-й должны были, выйдя из Богатыри Сев. н, выставив заслон к стороне д. Старожинцы, овладеть высотами с отметками

70,1; 74,3; 76,1, чтобы затем занять шоссе у д. Копчаны. Охватывающие части развернулись в боевой порядок, имея впереди 113-й Старорусский полк; уступом вправо наступал 116-й Малоярославский полк, в резерве шел 114-й полк.

Пройдя в брод реку Голынку, 113-й полк развернулся на высоте 70,1, имея один батальон в резерве. Командир полка поставил себе целью овладеть д. Бартники. 116-й полк повел наступление на высоту 74,3.

Энергично веденная атака 113-го полка имела успех. Несмотря на сильный фланговый ружейный и пулеметный огонь с высоты 74,3 и неприятельской гаубичной батареи с северо-востока, цепи ворвались в деревню. После полудня высота 74,3, с которой велся фланговый огонь, была тоже взята.

Противник, очистив Богатыри Южн., отошел на высоту 70,1, но вслед за этим контр-атакой снова овладел этой деревней и здесь утвердился прочно. Таким образом 209-му полку не удалось выполнить своей задачи.

Это обстоятельство немедленно сказалось на всем ходе боя. 113-й полк оказался в положении слишком выдвинутым к югу. Шедший в резерве 114-й полк попал под пулеметный огонь из д. Южн. Богатыри.

113-й полк, овладел д. Бартники и, получив помощь из резерва в виде одного батальона, оставил его для удержания только что захваченного опорного пункта, а сам продолжил наступление на д. Копчаны.

Атака 116-го полка, двигавшегося на фланге, развивалась вяло. Полк развернулся против д. Старожинцы, занятые двумя германскими батальонами. Немцы немедленно использовали свое положение и взяли во фланг цепи 116-го полка. Видя тяжелое положение Малоярославцев, генерал Чижов двинул из резерва им на поддержку две роты.

Теснимые одним батальоном 116-го полка немцы здесь предательски выкинули белый флаг. Когда батальон стал приближаться, без стрельбы, чтобы принять сдающихся, то был окружен и взят в свою очередь в плен. В этот момент был смертельно ранен командир полка полковник Вицнуда. Подход двух рот 114-го полка не смог спасти положения. Это было около двух часов дня. 116-й полк рассеялся, цепи были в полном отступлении, правый фланг Старорус-

ского полка оказался открытым, и неприятель беспрепятственно повел наступление на фольверк Млынок и на д. Волкуши.

Положение 113-го полка впереди д. Бартники, и без того опасное, побудило генерала Чижова отдать приказ об отходе на высоту 70,1. Это приказание в связи с выдвижением двух рот на поддержку 116-го полка было сначала отменено; но приказание о поддержке 116-го полка явилось вообще запоздалым. Немцы заняли часть высоты 70,1 и стремились выйти к д. Богатыри Южн., откуда пулеметы противника уже открыли огонь в западном направлении. Вскоре 113-й и 114-й полки собрались к д. Богатыри Сев.

На левом участке атака быстро захлебнулись. Слабые части 27-й дивизии д. Марковцы не взяли. понеся при этом большие потери. В результате, вместе с прежней убылью в полках осталось: в 108-м Саратовском полку около 500 штыков, в 106-м Уфимском 200—300 штыков и в 105-м Оренбургском немногим более 100. С наступлением сумерек, германцы очистили высоту 70,1 и укрепились в д. Старожинцы. 113-й полк до поздней ночи оставался в д. Бартники и лишь к двум часам, в ночь на 7-е февраля, отошел на высоту 70,1 где и занял позицию.

Результаты боя не неожиданны. Неполнота, а вероятнее всего отсутствие наблюдения и охранения правого фланга всего фронта боя, в частности, со стороны 116-го полка, реально осмыслило неудачу дня. Общего руководства в бою тоже не было. Остальные части корпуса, из состава 28-й и 53-й дивизий, бездействовали; даже участковый резерв — 114-й полк, в лице начальника боевого участка генерала Чижова, довольно пассивно отнесся к судьбе 116-го полка предрешившей неблагоприятные результаты всего боя. Генерал Чижов не сумел оценить фланга и вместо того, чтобы ударить по противнику со стороны фольварка Млынок, сам на себе испытал этот удар, несмотря на то, что боевой порядок первоначально был построен правильно. К вечеру, после боя, в штаб корпуса стали поступать неутешительные сведения о состоянии боевых припасов. Парки уже были опустошены: в них не оставалось ни орудийных, ни ружейных патронов. Не лучше стоял вопрос и о санитарных

средствах. Большая часть лазаретов и перевязочных отрядов попала в руки противника еще в самом начале отхода из Восточной Пруссии. Медикаменты и перевязочные материалы были израсходованы, недоставало даже индивидуальных пакетов. Раненые, не перевязанные, находились под открытым небом, располагаясь в лесу. В числе раненых были и такие, для которых немедленная операция сохранила бы жизнь. Среди раненых находились два командира полка, а также несколько германских офицеров. Пришлось прибегнуть к единственному в данном случае решению. Сформировали санитарный транспорт и в сопровождении раненых из числа захваченных в плен немцев, во главе с командиром 131-го полка и с врачем, под красным флагом, направили в расположение германцев. Командиру ближайшего в расположении противника полка была передана записка командира корпуса следующего содержания:

„Старшему немецкому начальнику.

Препровождаю вам ваших раненых, одновременно с нашими, в виду невозможности оказать медицинскую помощь. Возвращая ваших пленных, прошу взамен разрешить пропуск нашим в Гродно или вообще за линию расположения русских войск. Генерал Булгаков".

Как и следовало ожидать, просьба осталась без ответа, а призыв к великодушию врага, собиравшегося праздновать тризну и пожать новые лавры после того, как они окружили, как полагали, „остатки 10-й русской армии", был уж очень простодушен.

В течении 7-го февраля ни корпус генерала Булгакова, ни противник серьезных действий не предпринимали. Немцы прекрасно понимали, что корпус находится в безвыходном положении, что дни и часы его уже сочтены. Казалось бы не было смысла громоздить гекатомбы жертв и подвергать себя лишней опасности. Громадные переходы, совершаемые немцами в последние дни, их, в свою очередь, очень утомили. Противник тоже нуждался в отдыхе, тем более, что спешить не было никакой необходимости. Эпилог уже назрел и речь шла о каких-то часах.

Тем не менее, высоты западнее д. Богатыри, на которых устроился 113-й Старорусский полк, в течении всего

дня держались противником под артиллерийским огнем Войска генерала Булгакова были до крайности изнурены хлеба ни крошки; горячей пищи сварить было не из чего все что можно было достать в соседних деревнях, все уже оказалось с'еденым.

К утру германцы потеснили арьергард корпуса со стороны д. Рудавка; ему пришлось отойти на д. Грушки где противник не долго оставил его в покое. Еще с вечера 6-го февраля, начальнику штаба 27-й дивизии поручено было организовать разведку. К утру, после того, как немцы потеснили арьергард, разведка донесла, что д. Грушки и д. Микашевка в руках неприятеля. Докладывая командиру корпуса результаты разведки, полковник Дрейер высказал также и свои соображения, сводившиеся к необходимости сформирования нового арьергарда, к организации сильной разведки на север, северо-запад и северо-восток, и очищению поляны у д. Липины, запруженной обозами, парками, зарядными ящиками и т. п. Согласившись с докладом полковника Дрейера, командир корпуса назначил его начальником арьергарда. Во вновь сформированный арьергард вошли четыре роты 110-го Камского полка, двенадцать рот 112-го Уральского полка, четыре роты 210-го Гродненского полка и по дивизиону от 28-й и 53-й артиллерийских бригад (Кроки № 2).

Арьергард принял на себя довольно вялое вначале наступление германцев, которое ими было поведено со стороны д. Рудавка на д. Липины. Предварительно на Грушки была направлена одна рота Камцев, а на опушку леса южнее д. Рудавка две роты того же полка. Они должны были производить разведку и задерживать противника, чтобы дать время арьергарду изготовиться к бою. Одна рота 116 полка, стоявшая у д. Волкуши, приняла на себя наблюдение за рекою от устья к югу, версты на две. Командиру 53 артиллерийской бригады полковнику Кислякову было приказано развернуть на Липинской поляне только один дивизион, остальные батареи должны были расположиться у фольварка Любиново. Одна батарея стала фронтом на запад, на случай появления противника со стороны дер. Рубцово. Две роты Уфимского полка заняли позицию вдоль дороги, обсажен-

ной деревьями, на юго-восток от д. Липины. Три роты 112-го полка рассыпались цепью в лесу вдоль дороги, ведущей от Липинской поляны к Марковскому мосту. Одна рота, кроме того получила приказание стать на большой дороге к северу от этого моста, чтобы прикрыть тыл 27 дивизии. В лесу, южнее д. Липины, стал резерв — один батальон 112-го полка.

Части генерала Чижова и полковника Белолипецкого продолжали пребывать на своих местах.

Около 3-х часов дня, в расположении передовых рот, направленных к д. Рудавка, послышалась оживленная перестрелка. Немцы их потеснили, и они начали отходить на позицию арьергарда, главным образом, вследствие ограниченного обстрела.

Около 5-ти часов противник появился на опушке леса к северу и на северо-запад от поляны. С отходом Камцев на линию расположения арьергарда, бой разгорелся на всем участке Липинской поляны и не затихал до наступления темноты. Предпринятая около 7-ми часов вечера германская атака была отбита. В ожидании атаки, артиллерия по-орудийно была заблаговременно поставлена прямо в окопы. Это оказалось необходимым, чтобы поднять упавший дух войск, иззябших, изголодавшихся, измученных бессоницей и дававших себе полный отчет во всем происходившем. Патроны были на исходе. Войска прекрасно понимали, что самая доблестная защита,—участи арьергарда не изменит и его ничто спасти не сможет. Он непосредственно стоит впереди дороги, отходящей на юг, и, конечно, не сумеет и не успеет пробиться на соединение с главными силами.

Немцы возобновили атаку с 9-ти часов вечера. Атака велась на этот раз не только с востока и с северо-востока, но также и с запада. Отражение атаки внесло некоторое успокоение, вплоть до рассвета.

К вечеру, командир корпуса принял решение пробиваться в направлении на фольверк Млынек, д. Жабицке, д. Курьянка и далее на Гродна. Приказ помечен 7-ю часами вечера. Начало прорыва было отнесено на 12 часов ночи.

Арьергард полковника Дрейера (5 рот 110-го полка, 2 батальона 112-го полка, 2 батальона 210-го полка и

часть артиллерии) должен был сдерживать напор немцев, пока хвост колонны главных сил не пройдет мост у фольверка Млынек. В авангард назначались 113, 114 и 115 полки под командой генерала Чижова. Голова колонны, пройдя мост у фольверка Млынек в 12 часов ночи, должна была следовать по дороге на д. Жабицке, Курьянка и далее по шоссе на Гродна. В состав главных сил назначались части 27-й и 53-й пехотных дивизий со 116-м полком. Артиллерии отводилось место в хвосте колонны главных сил, под прикрытием частей 212-го полка. Патронные двуколки, лазаретные линейки и походные кухни направлялись за парками. Все остальные повозки приказано было бросить. В случае встречи с противником войскам указывалось атаковать молча, без выстрелов, без обычных криков „ура". (Кроки № 2). (Приложение 21).

Попытки пробиться непосредственно к Сопоцкину повлекли за собой потерю времени. Пренебрежение итогами боевых действий бокового авангарда накануне дня первого прорыва обрекли самый прорыв на явную неудачу. Вместо того, чтобы сразу взять направление, наиболее вероятное в отношении какой-нибудь возможности проникновения через расположение противника, корпус делал легкие уклоны к юго-западу в гомеопатических дозах, тем самым приковывая внимание противника к фронту своего расположения. Следовала новая потеря времени, после которой остается удивляться, как некоторым частям корпуса все-таки удалось проскользнуть в ночь на 8-е февраля.

Некоторые части получили приказ о прорыве только в 12 часов ночи, т.-е. как раз в то время, когда голова колонны должна была, согласно приказа, занять исходное положение. День 7-го февраля не мог быть днем колебаний для командира корпуса. Поздний выход приказа приобрел особую значительность и не мог способствовать успеху в такой серьезной и деликатной операции, каковой по существу являлся прорыв. День 7-го февраля не мог быть днем колебаний потому, что у генерала Булгакова не было никакого выбора. Между тем, поздний час выступления, запоздалое получение на местах приказа, неснаровистость штаба корпуса, занимавшегося печатанием приказа вместо того, чтобы

вызвать к себе ответственных начальников и дать им словесные указания, все это не создавало благоприятной обстановки, и войска правы, когда в своих, так сказать, посмертных отчетах бросают сдержанные упреки по адресу штабов.

Как только командир корпуса получил сведения об отходе арьергарда, ему следовало потребовать к себе всех начальников дивизий, изложить им план прорыва, определить момент прохождения известного рубежа головной частью, избрать участок для прорыва и сделать все возможное, чтобы сократить глубину колонны. Бросить пустые парки, патронные двуколки без патронов, словом весь обоз — не значило пойти на крайность. Следовало, равным образом, разместить артиллерию по частям между пехотой, чтобы упорядочить движение и сообщить колоннам войск прочность и боеспособность, необходимую с наступлением рассвета.

Спасая общее положение, надо было перестать чувствовать себя ответственным за сохранение в целости обозов. Надо было выводить войска, спасать боевую силу, оберегать честь и престиж армии, щадить достоинство русского имени. Только в этом случае можно было рассчитывать на благосклонную улыбку судьбы, на каприз счастья и на сонливость обыкновенно бодрствующего, вездесущего случая.

Голова авангарда прошла мост у фольверка Млынек в 12 часов ночи, имея около себя проводника. 114-й Новоторжский полк, шедший в голове достиг без недоразумений д. Жабицке, где немцами был выставлен полевой караул. Сделавши несколько выстрелов, последний скрылся. Авангард, обойдя д. Жабицке лесной дорогой, вышел на шоссе между Липском и д. Курьянка. По пути движения полка противник сигнализировал электрическими фонарями, пускал ракеты, в д. Курьянка слышен был говор, двигались люди с фонарями, словом, немцы подняли тревогу, но очевидно, не понимали в каком направлении следует что-нибудь предпринимать. Южнее д. Курьянка, голова авангарда наткнулась на обоз германской тяжелой батареи и перестреляла несколько человек, поднявших было тревогу. 113-й и 114-й полки шли, не зная, что делается у них позади, не видя около себя начальника авангарда генерала Чижова. (Схема 10).

Около 7-ми часов 30 мин. утра 8-го февраля достигнув д. Рогожин, авангард заметил издали неприятельскую пехотную колонну с обозом, направляющуюся по шоссе на д. Рыгаловка.

В 8 часов 30 мин. утра около роты немцев открыло огонь из д. Ячники, на которую в общем направлении на Рыгаловку шел головной полк авангарда. Германская батарея, в свою очередь, открыла огонь со стороны д. Дульковщизна. 114-й полк сосредоточился у д. Конюшки, переправившись через Бобр, и мимо д. Дубасно двинулся к Гродна, куда и прибыл в 6 часов утра 9 февраля.

113-й Старорусский полк, видя остановку 114-го полка, в свою очередь свернул на д. Понарлице, оторвавшись от головного полка. Здесь он выслал разведку на д. Рыгаловку и обнаружил там укрепленную позицию немцев. Предоставив 114-й полк его собственной судьбе, Старорусссцы свернули на г. дв. Лабно через д. Хоружевицы, прошли в промежуток между д.д. Богатыри и Лабно-Огородники и достигнули Гродна в тот же день в 11 часов 30 мин. вечера.

115-й Вяземский полк должен был следовать за 113-м полком. Опоздав к сборному пункту, он совершенно оторвался от колонны авангарда. Начальник авангарда генерал Чижов, предполагая, что все три полка впереди, двинулся по направлению к голове авангарда, но, под'ехав к переправе у фольверка Млынек, на перекресток дорог, 115 полка все-таки не настиг. Казак, посланный им на разведку, вернулся через четверть часа и доложил, что 115-го полка впереди нет. Генерал Чижов сам выехал вперед, причем взял направление на д. Старожинцы и попал под огонь германского сторожевого охранения. Лошадь шарахнулась в сторону, ген. Чижов упал и расшибся, но затем быстро оправился. Вернувшись к фольверку Млынек, он послал ординарца в тыл поторопить 115-й полк. У переправы по дороге на Старожинцы столпилась артиллерия и двигались отдельные группы пехоты. Вместо того, чтобы вывести артиллерию, вообще случайно здесь оказавшуюся, из заблуждения относительно настоящего направления пути отступления, генерал Чижов, повидимому, сам впал в ошибку и прибывающие головные части 115-го полка начал бросать по дороге к д. Старожинцы.

Почему на переправе у фольверка Млынек сгруппировалась артиллерия, вследствие каких причин 115-й полк потерял связь с авангардом, трудно сказать. Между тем, начало светать. Пехота ввязалась в бой. Три батареи корпуса, откровенно расположившиеся на позиции, открыли огонь. Неприятель не замедлил ответом, и через полтора часа дивизион 29 артиллерийской бригады вынужден был замолкнуть.

115-й полк, направленный на д. Старожинцы, повел атаку на окопы, занятые частями 2-й германской пехотной дивизии. 1-й ряд окопов был молодецки взят штыками. Полк, неся потери от флангового огня, двинулся атаковать вторую линию. Окопы несколько раз переходили из рук в руки, пока полк окончательно не растаял в огне.

Батареи, занимавшие открытые позиции, являли высокие подвиги героизма. Артиллерия несла колоссальные потери. Она жертвовала собою, „отдаваясь пехоте“, как выразился один из участников боя, чтобы предоставить ей возможность пробиться сквозь неприятельские заграждения. Вскоре орудийные патроны были расстреляны, ружейной стрельбы не было вовсе слышно. Все покрывалось звуками рвущихся неприятельских шрапнелей и ревом тяжелых снарядов. Батареи представляли собою печальное зрелище: некоторые орудия лежали на боку подбитые, подле них возвышалась группа трупов. Артиллерии оставалось сделать свое последнее священное дело. К нему она и приступила. Истощив весь запас патронов, прислуга испортила уцелевшие орудия и, разбившись на мелкие группы, стала искать спасения. Бой на остальных участках еще продолжался.

Дорога к фольверку Млынек оказалась забитой обозами, парками и артиллерией. Головная рота 108-го Саратовского полка, входившего в состав главных сил, пройдя мост, тотчас же попала под огонь. Было 8 часов утра. Сборные части под командою полковника Белолипецкого повели наступление на юго-запад. 3 батареи 27-й артиллерийской бригады заняли позицию в лощине, но они в самом непродолжительном времени были уничтожены. Полк, понеся громадные потери, рассеялся. Части 53-й пехотной дивизии

были вовлечены в общий поток, стремившийся к ф. Млынек на юг. Около $9^1/_2$ часов утра, около бригады немецкой пехоты направилось по северному берегу реки Волкуша в тыл корпуса, поведя наступление со стороны д. Рубцово. Это были части 76-й рез. дивизии. У переправы вблизи фольварка Млынек заметались:—люди, лошади, отдельные орудия ящики, все сбилось в беспорядочную кучу, ища выхода и не находя спасения.

С окружающих возвышенностей противник безнаказанно обстреливал загнанную в низину болотистого ручья толпу людей и лошадей.

Около 10 часов утра с главными силами корпуса было покончено.

Что касается арьергарда, то обстановка складывалась таким образом, что он во всяком случае был обречен на гибель.

Части пяти германских дивизий сгруппировались на пространстве каких-нибудь шести верст в поперечнике. Если бы даже главным силам удалось проскользнуть еще в темноте, арьергард, все время находившийся в непосредственной боевой близости с частями 42-й германской дивизии, не смог бы вырваться из цепких лап противника и уйти раньше, чем 76-я рез. дивизия закончит свое обходное движение со стороны д. Рубцово.

Приказ по корпусу о прорыве, начальник арьергарда получил только около 2-х часов ночи. Для него эта деталь была не существенна, но показательна для оценки штабной работы и службы связи. В одном случае подобное обстоятельство не сыграло никакой роли, так как начальник арьергарда, без сомнения, был посвящен в предположения командира корпуса еще днем, но в другом, в частности, для войск, входивших в состав авангарда и главных сил, оно имело почти решающее значение.

Около пяти часов утра, разъезд, посланный по направлению фольверка Млынек, вернулся с докладом, что пехота корпуса и часть артиллерии уже находятся на правом берегу реки Волкуш. Донесение это многое сказало бы полковнику Дрейеру, если бы оно не было только ничтож-

ной частью истинной обстановки, среди которой главные силы корпуса находились в то время у фольверка Млынек. Но теперь известно, что хвост авангарда, опоздавший к сборному пункту, потерявший связь с головными полками был насильственно вовлечен в бой у д. Старожинцы. За этим полком пошли и другие, и для корпуса не было иного исхода, как погибнуть или быть плененным.

Между тем, начальник арьергарда получил донесение, что немцы теснят роты, расположенные в лесу, вдоль дороги, восточнее фольверка Любиново. Эти роты, прикрывая правый фланг арьергарда, связывали его с частями 27-й дивизии. Приказав командиру 112-го Уральского полка во что бы то ни стало удержать роты, не допуская их перейти дорогу, ведущую на д. Волкуши, полковник Дрейер, оставив две роты Камского полка на Липинской поляне, прочие отвел назад, чтобы сохранить общее направление фронта.

Было уже довольно поздно, вернее, близился полный рассвет. Постепенный отход назад сближал арьергард с главными силами, но начальник арьергарда не имел никаких сведений, что делалось у фольверка Млынек.

Арьергард отошел к песчаной высоте с отметкой 65,9 Это был как раз тот момент, когда 76-я германская рез. дивизия уже начала свое развертывание со стороны д. Рубцово. Оставление арьергарда на прежней позиции у д. Липины и ф. Любиново делалось немыслимым. Германцы покушались перерезать единственный путь отступления к мосту у фольверка Млынек.

Одновременно, 31-я германская дивизия повела наступление на Марковский мост у д. Волкуши с юго-востока. Части же 77-й рез. дивизии переправились через реку и двинулись на фольверк Любиново.

Дивизион 53-й артиллерийской бригады, обнаруживши движение германской пехоты со стороны д. Рубцово, открыл огонь по неприятелю, пробиравшемуся к Млынскому мосту. Было около 7-ми часов утра.

К месту батарей арьергарда стали подходить роты 110-го и 210-го полков. Туда же стянулся и батальон Уральцев, составлявший резерв. Все подходившие части

обращались против 76-й рез. дивизии. Между тем, проход по гати у фольверка Млынек и по самому мосту к тому времени, был уже окончательно забит. Движение остановилось. Стало очевидным, что все, что стоит здесь, должно тут и остаться навсегда, всему этому не суждено перебраться на ту сторону реки. Две германские (легкие и одна гаубичная) батареи открыли огонь со стороны д. Рубцово по этой невообразимо смешанной массе людей, лошадей, повозок и всякого имущества. Пехота не выдержала, дрогнула и отхлынула назад.

Батареи, предоставленные самим себе, дорогою ценой продавали свою жизнь. Огонь „на картечь" косил сотнями в набегавших волнах германской пехоты. Отдельные неприятельские храбрецы доходили, иногда добегали до пушек, но расстреливаемые в упор, взлетали на воздух. Прислуга на батареях таяла, патроны изсякали, парки давно были пусты. В борьбе à outrance творились легенды. До 12 часов дня артиллерия XX-го корпуса, выделенная в арьергард, еще была грозой для германцев.

Но к этому времени, д. Волкуши уже находилась в руках противника. Его пехота наводнила лес, что севернее этой деревни, и, распространившись влево, оказалась в тылу арьергарда. Неприятель тотчас же открыл огонь по тылам арьергарда с западной опушки этого леса.

Каким то образом, в последние часы боя, неизвестными судьбами, в составе арьергарда оказалась батарея 84-й артиллерийской бригады. Эта батарея, повернув орудия на 180°, встретила огнем противника, пробиравшегося в тыл арьергарда. У д. Волкуши немцы, захватив обозы и пленных, формировали из последних команды и направляли на урочище Ханус. Главных сил корпуса, среди которых находились командир корпуса, штаб корпуса и начальники дивизии, уже более не существовало.

В полдень, положение в арьергарде достигло своего крайнего напряжения. Батареи 53-й артиллерийской бригады, расстреляв патроны, безмолствовали, обрамленные жертвами боя. Оне перешли в руки противника. Только две батареи, из которых одна—84-й артиллерийской бригады, переведенные на западное направление для поддержки пе-

хоты, еще продолжали отстреливаться, имея незначительный запас патронов. Некоторые орудия от перегрева взрывались, ящики пылали. Но артиллерия продолжала отстреливаться. Около часу дня еще дышавшие пушки, наконец, замолкли навек. Под немолчный гром орудий и треск пулеметов, резавших воздух, проводились партии пленных. Под начальником арьергарда убита лошадь; рядом, тяжелым снарядом сражен командир 53-й артиллерийской бригады полковник Кисляков; перебиты лошади чинов штаба арьергарда. Бой обратился в бойню. Остались только две последние роты резерва, которые начальник арьергарда лично повел в том направлени, где нащупывался левый фланг частей 76-й рез. дивизии. Роты прошли не более 200 шагов, как из кустов впереди по ним был открыт ружейный и пулеметный огонь, вырвавший несколько десятков убитыми и ранеными. Роты бросились назад. От издерганных, нравственно уничтоженных людей требовали проявления чудес воли и мужества, но это было выше всяких человеческих сил. Взятые в плен в бою 3-го февраля у д. Махарце пленные немцы, в качестве трофеев, тщательно охранялись в каменном сарае у фольварка Любиново, оставленные на попечение арьергарда.

Чтобы избегнуть возможных репрессий в отношении русских пленных в возмездие за опустошения, которые могли бы быть произведены германским огнем среди германских же пленных, старшему среди неприятельских офицеров, командиру пионерной роты приказано было направиться в расположение собственных войск, но только под флагом Красного Креста, чтобы клочек белой тряпки не позволил бы немцам думать, будто арьергард капитулирует.

Еще последних пол часа боя; со стороны противника несколько шквальных порывов артиллерийского огня, и все, на всем поле сражения арьергарда, было кончено. Около двух часов дня 8-го февраля и арьергард XX корпуса перестал существовать.

. . . . . .

. . . . . .

Последние минуты XX корпуса достойны того, чтобы перед памятью их безмолвно и благоговейно склонить обнаженные головы.

Военная история сохранила на своих страницах легенду о том, как доблестная гвардия Наполеона в сражении у Ватерлоо—Belle Alliance славно заканчивала дни своего существования. Спустя 100 лет, в дни царственного могущества техники, этой легенде суждено было вновь зацвесть, чтобы заповедать потомкам погибших в Августовских лесах веру в неувядаемую красоту, в силу и в беззакатное торжество человеческого духа.

Действительно, корпус умирал, но не сдавался.

Знамена закапывали или уносили с собою на груди полотнища, сорванные с древков.

Командир корпуса стоял у переправы через реку Волкуш, у моста, постоянно восстановляемого, вблизи фольверка Млынек, и одобрял войска. Изредка прокатывалось в ответ ему громовое дружное „ура“.

Под огнем 30 германских батарей, в котле смерти не видно было ни поднятых рук с мольбой о пощаде, не реяния белых платков с выражением согласия на позорную капитуляцию.

Окруженные со всех сторон, войска, распылившись в отдельные группы, искали спасения, отбросив всякую мысль о сдаче. Но кому удавалось прорвать густые цепи германской пехоты, тот позади нее натыкался на неприятельскую конницу, сторожившую беглецов. Здесь происходили сцены борьбы не на жизнь, а на смерть. Войска корпуса дорого продавали свою жизнь и свободу.

Один из участников последнего боя и очевидец гибели XX корпуса, избегнувший плена поручик Фищенко (2-й батареи 29-й артиллерийской бригады) в следующих выражениях изображает жуткие моменты последнего боя корпуса:

„8-го февраля с рассветом завязался у нас последний отчаянный бой. Вся пехота прошла вперед пробиваться штыками; батареям же приказано было выкатиться на открытые позиции, дабы оказать возможно большую помощь своей пехоте. И вот, на нашем участке выкатились на опушку кустарника: 1-я батарея влево и 2-я, разбитая по взводам, вправо. Сзади батарей, на небольшом участке расположились: батарейные передки, увязавшиеся за батареями парки и даже часть обоза.

В скором времени уже выяснилось тяжелое положение отряда. Загремела неприятельская артиллерия в ответ на нашу и начала засыпать снарядами наш небольшой участок со всех сторон. Снаряды летели спереди, сзади, слева и справа, и все это сыпалось в середину, в самую, так сказать, гущу, где были собраны передки и парки. Лошади падали, раздавался стон людской, и некому было перевязывать раненых...

Но батареи, не смотря на губительный огонь неприятеля, так как они были на совершенно открытой позиции, геройски работали. Начались сильные потери. В первой и нашей второй батареях были подбиты некоторые орудия; зарядные ящики со шрапнелями загорелись от неприятельских снарядов. Мы потеряли уже половину номеров, лучший подпрапорщик был убит; на одном взводе был ранен командующий взводом штабс-капитан Кох, на другом был ранен я. В 1-й батареи ранены командир и старший офицер.

Но батареи продолжали непрерывно стрелять во исполнение своей последней важной задачи. Мы, так сказать, отдавались своей пехоте, желая помочь ей во что бы то ни стало пробиться сквозь третий слой неприятельского заграждения. Наконец, к полудню все патроны были расстреляны, ружейной стрельбы как то не стало слышно; только у нас все лопались неприятельские шрапнели и со страшным ревом разрывались неприятельские бомбы, унося все новые и новые жертвы. Доблестной смертью погибали наши славные батареи... Оставшихся в живых и раненых номеров отвели назад, немного их осталось... С горечью покинули мы свои пушки. Не было уже у них патронов и им пришлось замолчать. Печальную картину представляли батареи: некоторые пушки лежали подбитые на боку, а подле них — груды мертвых героев. Сразу не хотели мы портить уцелевшие пушки,—слишком больно было. Мы все надеялись, что, может быть, еще подоспеет помощь, и тогда снова воскреснут батареи на страх врагам и на новые подвиги...

Затрещали винтовки, но уже не своей пехоты: это немцы со всех сторон властно выходили на опушку нашей

маленькой безоруженной теперь крепости, чтобы забирать трофеи, и тогда только мы безмолвно кинулись и сделали последнее, самое тяжелое — испортили свои дорогие так долго служившие с нами пушки. Но вот последнее сделано, и мы решили ни за что не сдаваться в плен, а бежать, кто как может, чтобы затем снова начать войну...".

Сохранились имена многих офицеров и солдат, прорвавших кольцо германского окружения и счастливо завершивших свою одиссею: начальник арьергарда генштаба полковник Дрейер, старший адъютант штаба 27-й пехотной дивизии капитан Шафалович, командир 108-го пехотного Саратовского полка полковник Белолипецкий, поручик Фищенко, штабс-капитан 27-й артиллерийской бригады Шаповальников, адъютант 2-го дивизиона той же бригады поручик Островский, 113-го пехотного Старорусского полка подпоручик Юшкевич, сотник 34-го Донского казачьего полка Быкадоров, и. д. начальника штаба арьергарда генерального штаба штабс-капитан Махров, 29-й артиллерийской бригады младший фейерверкер Рейнгард, 27-й артиллерийской бригады канонир Воробей, 114-го Новоторжского полка солдаты: Давыдов, Панигоров, Котельнич, Чеколаев, Кондратьев, 4-го Сибирского казачьего полка Кучма и многие другие.

Последний бой XX корпуса, его попытки прорыва, германцы считают „чистым безумием". Это лучшая похвала врага, называющего вместе с тем самый прорыв „героическим подвигом". (Приложение № 22).

Торопясь завершить окружение и ликвидировать части XX корпуса, чтобы иметь развязанными руки для борьбы на Бобр-Наревском фронте, германцы на этом пути встретили отпор такой силы, который внушил им мысль, что они имеют дело с „остатками X русской армии". Таким образом XX корпус поглотил энергию удара всей группы генерала Эйхгорна и привлек к участию в погашении арьергарда X армии также и 2-ю пехотную дивизию I корпуса.

И если сопоставить весь первоначальный размах творческой мысли фельдмаршала Гинденбурга с итогами операции, то не трудно взять под подозрение полноту удовлетворенности германского полководца.

7-го февраля, вечером, в штаб X армии прибыл мальчик и заявил командующему армией, что его прислал командир XX корпуса. Он рассказал, что корпус собрался у д. Липины в лесу, что он окружен и просит оказать ему поддержку.

Это был доброволец 212-го Романовского полка, 13 лет, Михаил Власов, действительно посланный накануне генералом Булгаковым с такими вестями в штаб армии. Для штаба армии явилась прежде всего неожиданностью близость корпуса к Гродна, всего верст 25. Все знали, что он окружен, лишен продовольствия, считали его уже погибшим и не сомневались в его уничтожении. Одно время явилась мысль, что мальчик подослан противником, чтобы вовлечь остальные корпуса 10-й армии в Августовские леса.

Но искренность мальчика, его толковый рассказ, знание тех лиц, о которых он говорил и которых он, повидимому, часто встречал, устранили эти предположения. Командующий армией во всяком случае решил—во имя долга, пока еще теплится хоть какая-нибудь надежда, пойти на выручку корпуса. Дать об этом знать генералу Булгакову не было никакой возможности. Корпус лишен был радиостанции. Средства же воздушного флота, вообще ничтожного и немощного в то время, осуждены были на бездействие вследствие густого тумана, снизившегося над Гродной и стлавшегося по долине Бобра. Кроме того дул сильный штормовой ветер при проливном дожде.

Так или иначе, решено было 8-го февраля всей армией перейти в наступление, чтобы протянуть руку помощи погибающему XX корпусу.

К этому времени, армия уже оправилась и получила существенную поддержку в лице II и XV корпусов. Последний составлял гарнизон Гродны, был разбросан по всем фортам, и его участие в предстоящем наступлении могло ограничиться выступлением лишь нескольких полков.

Приказ был тотчас же составлен. II корпусу указывалось наступать по Сопоцкинскому шоссе на фронт Восарабы-Витковщивна. (Схема 10).

Левее его, три полка и 36 орудий XV корпуса, под начальством генерала Байова, должны были вести атаку на Рыгаловку по Липскому шоссе.

XXVI корпус нацелили на Рогожин—Курьянка. III Сибирский корпус предназначался для содействия общему наступлению; он должен был удерживать находящегося перед его фронтом противника. Для воспрепятствования германцам переправе через Неман у д. Гожа, туда был двинут отряд полковника Грузинцева в составе 121-го Пензенского полка, одной легкой и одной мортирной батарей при двух кавалерийских полках. С 8-ми часов утра крепостная артиллерия должна была начать обстрел д.д. Сельвановцы, Рыгаловки и высоты 100,3.

Этот боевой приказ по армии № 7 был отдан в 12 часов 50 мин. вечера. Начало общего наступления было назначено в 10 часов утра. Трудно удержаться, чтобы не выразить сожаления по поводу назначения столь позднего часа для наступления, но для преодоления инерции покоя четырех корпусов армии,—времени вообще было слишком не много. Наступление, не предваренное разведкой, тем не менее началось в 10 часов утра; для армии и это своего рода—coup de force.

Полковник Грузинцев повел наступление от д. Гожа, но, остановленный превосходными силами германцев, вынужден был с отрядом перейти обратно за Неман и взорвать мост. Отряд, которому уместно было на этот раз обеспечивать переправу, не выходя из рамок пассивной обороны, перешел в наступление, раздразнил противника, напоролся на превосходные силы, поплатился мостом и произвел тревогу в штабе армии донесением, что против него наступает германский корпус.

XV корпус начал энергичную атаку на д. Рыгаловка, но правофланговый его участок подвергся сильнейшему огню тяжелой артиллерии из-за д. Копчаны и обходу со стороны д. Раковичи. 23-й пехотный Низовский полк, наступавший на правом фланге, при обходе немцев, дрогнул и, понеся потери свыше 1000 человек при 19 офицерах, начал отходить назад. За ним потянулись остальные части XV корпуса.

XXVI корпус, переправившись через Бобр на участке Рогачи—Ягинты, оказал содействие соседнему корпусу, атаковавшему Рыгаловку, и намеревался атаковать Липск, но от-

ход XV корпуса сделал это наступление опасным. От него пришлось отказаться.

III Сибирский корпус, прекрасно руководимый, понял свою задачу много шире, чем это указывалось приказом по армии. Не удовольствовавшись ролью „содействовать общему наступлению, удерживая находящегося перед его фронтом противника", и не ожидая момента, когда противнику заблагорассудится поставить себя в положение для воздействия, III Сибирский корпус выбил немцев из южной Ястржембны и Острова. Он уже готовился атаковать Сев. Ястржембну и Штабин, но отход других корпусов, а также понесенные потери заставили его в свою очередь отойти в первоначальное положение.

Наступлению корпусов X армии германцы противопоставили сравнительно незначительные силы.

Закончив перегруппировку в интересах усиления армии, собиравшейся на Нареве, германское командование, к 8 февраля располагало на линии Бобра двумя корпусами с двумя кавалерийскими дивизиями. В районе Сопоцкина находилась 78-я рез. дивизия XXXIX корпуса с 1-й кавалерийской дивизией, а у Липска стоял XL рез. корпус с 4-й кавалерийской дивизией. Только эти части встретили и отразили наступление X армии.

Наступление, стоившее нескольких тысяч жертв, предпринятое в благородном порыве выручить своих боевых товарищей, явилось бесцельным и оказалось безрезультатным. В слепую нацеленное, поздно начатое, оно совпало своим началом с моментом гибели главных сил корпуса. Какое то ничтожное обстоятельство, быть может самой низменной природы, простая случайность, неизменный императив на войне, завершило торжеством грандиозно-задуманную германским командованием операцию. В течение многих дней его план был на волосок от полного крушения и разрешился бы мыльным пузырем, еслибы, не смотря на целый ряд чудовищных недоразумений и ошибок, устилавших весь путь XX корпуса, последнему все-же удалось в последний момент выскользнуть из тогда еще не сомкнувшихся об'ятий германского бога войны.

Громовые раскаты батарей X армии, мнящих, что они несут войскам генерала Булгакова радостную весть о близком освобождении, одиноко, без отклика, пронеслись по долине Бобра и прокатились скорбным эхом в Августовских лесах над могилой XX корпуса, отзвучав лишь прощальным, погребальным салютом. (Приложение 23).

Приложения.

Приложение 1-е.
(к стр. 15).

Боевой состав X армии.

На 25 января 1915 г.

Конница.

1 кавалерийская дивизия.
3 „ „ (без 3-го Донского казачьего полка).

III-й армейский корпус.

56 пехотная дивизия.
73 „ „
3 мортирный артиллерийский дивизион.
3 саперный батальон (одна рота при 57 п. див. и одна в XX корп.).
28 отдельная саперная рота.
34 Донской казачий полк.
3 „ „ „
19 отдельная Донская казачья сотня.
7 Вержболовская погр. бр. 1 сотня.
8 Граевская погр. бр. 1 сотня.
2 дивизион Ковенской осадной артиллерии.

XX корпус.

27 пехотная дивизия.
28 „ „
29 „ „
53 „ „

20 мортирный артиллерийский дивизион.
20 саперный батальон.
2 отдельная саперная рота.
4 Сибирский казачий полк.
25 отд. Донская казачья сотня.

XXVI корпус.

64 пехотная дивизия.
84 „ „
27 мортирный артиллерийский дивизион.
2 дивизион 1 тяж. артил. бригады.
48 Донской казачий полк (вр. в 57 див.).
24 отд. Донская казачья сотня.
1, 16 и 24 отд. саперные роты.
Одна телеграфная рота 4 Сиб. саперн. батал.

III Сибирский корпус.

7 Сибирская стрелковая дивизия.
8 „ „ „
57 пехотная дивизия.
3 Сибирский морт. артил. дивиз.
5 „ саперный батальон.
44 Донской казачий полк (две сотни при XXVI корп.).

Части, гарнизоны крепостей, укрепл. позиций и т. д., не входившие в состав корпусов.

2 бригада 68 пех. див. 1 морт. дивизион (врем. при III Сиб. корпусе).
3 Сиб. артил. бриг.: 2 тяжелый дивизион (в креп. Гродно).
2 Сиб. тяж. артил. дивизион.
— Осовецкая воздухоплавательная рота (в крепости Гродна).
— Добровольческий авиационный отряд крепн. типа.
4 понтонный батальон.
5 и 7 отдельн. телеграфн. роты.
1 и 3 полевые инжен. парки.
1 взвод мотоциклетной роты.

10 автомобильная рота.
1 Кавк. искровая рота (№№ 22, 6, 25, 2, 30, 35, 23).
1/2 эскадр. 2 пол. жанд. эскадрона.
1/2 „ 5 „ „ „
Ополченская бригада № 8.
„ „ № 14.
Орен. каз. сотни №№ 14, 15, 23, 24, 25 и 26.

Отдельная кавалерийская бригада.

19 драгунский Архангельский полк.
16 гусарский Иркутский полк.
Одна батарея 4 конно-артил. дивизиона.

Примечание. По исчислениям Главноком. Сев.-Зап. фронтом, X армия числила в своем составе 192 бат. 60 эскадр. против 76 т. штыков со стороны противника. Такой счет на батальоны, для определения соотношения сил, мог бы иметь смысл лишь в том случае, если бы батальоны были в полном числе штыков. Этого в действительности не было. По списку, батальоны насчитывали, в лучшем случае, не более 800 штыков, на самом же деле, налицо в батальонах обыкновенно состояло значительно меньше. Армии всегда были в хроническом некомплекте. Таким образом счет на батальоны являлся приемом воздействия на подчиненных, не проявляющих достаточной активности, вовлекая в самообман прежде всего тех, кто прибегал к подобному определению сил.

Приложение 2.

(к стр. 16).

Список начальствующих лиц частей войск XX-го армейского корпуса.

Командир корпуса	Генерал от артил. Булгаков.
Начальник штаба	Генерал-майор Шемякин.
Инспектор артиллерии . .	Генерал-лейтенант Шрейдер.
Корпусный инженер . . .	Полковник Рустанович.

27-я пехотная дивизия.

Начальник дивизии . . .	Генерал-лейтенант Джонсон.
Начальник штаба	Полковник Дрейер.
Дивизионный интендант . .	Подполковник Ватман.
Командир бригады	Ген.-майор Беймельбург.
К-р 105 п. Оренбург. полка.	Полковник Ранхнер.
„ 106 „ Уфимск. „	Полковник Отрыганьев.
„ 107 „ Троицк. „	Полковник Борзинский.
„ 108 „ Саратов. „	Полковник Белолипецкий.

27-я артиллерийская бригада.

Командир бригады	Ген.-майор Фолимонов.
„ 1 дивизиона . .	Полковник Ильясевич.
„ 2 „ . .	Полковник Белоногов.
„ 1 батареи . . .	Полковник Аноев.
К-щий 2 батареей	Капитан Пржигодский.
К-р 3 батареи	Подполковник Мелех.
„ 4 „	Подполковник Мгалобелов.
„ 5 „	Полковник Протасевич.
„ 6 „	Подполковник Савинич.
К-щий 27 парк. арт. бригадой.	Подполковник Жильцов.

28-я пехотная дивизия.

Начальник дивизии	Ген.-лейтенант Лашкевич.
Командир 1 бригады . . .	Ген.-майор Ерогин.
„ 2 „ . . .	Ген.-майор Российский.
К-р 109 п. Волжского полка.	Полковник Карпов.
„ 110 „ Камского „	Полковник Рябенко.
„ 111 „ Донского „	Полковник Секирский.
К-р 112 п. Уральского полка.	Полковник Гржибовский.

28-я артиллерийская бригада.

Командующий бригадой . .	Полковник Насекин.
Командир 1 дивизиона . .	Полковник Бурхановский.
„ 2 „ . .	Полк. бар. фон-Штакельберг.

К-р 1 батареи	Подполковник Лось.
„ 2 „	Подполковник Сосновский.
„ 3 „	Подполковник Власенко.
Вр. к-щий 4 батареей . .	Капитан Масловский.
„ „ 5 „ . .	Капитан Пожидаев.
К-р 6 батареи	Подполковник Аберт.
К-щий 28 парк. арт. бригадой.	Подполковник Яхонтов.

29-я пехотная дивизия.

Начальник дивизии	Ген.-лейтен. Розеншильд-Паулин.
Начальник штаба	Полковник Фешот.
Дивизионный интендант . .	Подполковник Полотебнов.
Командир бригады	Генерал-майор Чижов.
К-р 113 п. Старорусск. полка.	Полковник Ольдерогге.
„ 114 „ Новоторжск. „	Полковник Иванов.
„ 115 „ Вяземского „	Полковник Войцеховский.
„ 116 „ Малоярослав. „	Полковник Вицнуда.

29-я артиллерийская бригада.

Командир бригады	Ген.-майор Савич.
Командир 1 дивизиона . .	Полковник Кеттлер.
„ 2 „ . .	Полковник Ленчевский.
К-щий 1 батареей	Капитан Корчагин.
К-р 2 батареи	Подполковник Бубнев.
„ 3 „	Подполковник Раков.
„ 4 „	Подполк. Богуславский.
„ 5 „	Подполковник Гагман.
„ 6 „	Подполковник Маген.
К-щий 29 парк. арт. бригадой.	Капитан Чарновский.

53-я пехотная дивизия.

Начальник дивизии	Ген.-лейтенант Федоров.
Начальник штаба	Полковник Шифрин.
И. д. дивизион. интенданта .	Капитан Лукашевский.
Командир бригады	Ген.-майор Хольмсен.
К-р 209 п. Богородск. полка.	Полковник Миглевский.

К-р 210 п. Броницкого полка.	Полковник Иванов.
„ 211 „ Никольского „	Полковник Шебуранов.
„ 212 „ Романовск. „	Полковник Ерофеев.

53-я артиллерийская бригада.

К-щий бригадой	Полковник Кисляков.
„ 1 дивизионом . . .	Подполковник Подвинский.
„ 2 „ . . .	Капитан Климантович.
„ 1 батареей	Штабс-капитан Миткевич-Волчанский.
„ 2 „	Капитан Шуба.
К-р 3 батареи	Подполковник Шернкрейц.
К-щий 4 батареей	Капитан Маевский.
„ 5 „	Капитан Кинович.
„ 6 „	Капитан Верещагин.
К-щий 53 парк. артил. бриг.	Подполковник Бунин.
Командир 20 мортирного артиллерийского дивизиона.	Полковник Гетлих.
К-р 20 парк. арт. дивизиона.	Подполковник Шацилло.
„ 1 мортирн. дивиз. 3-й Сибирск. стр. арт. бригады.	Полковник Сербин.
„ паркового морт. дивизиона 3-й Сибирск. стр. арт. бригады	Полковник Иодко.
„ 20 саперного батальона.	Полковник Рустанович.
К-щий 4 Сибирским казач. п.	Войск. старшина Власов.

Приложение 2.

(к стр. 16).

Список начальствующим лицам частей войск, входивших в состав X-й армии.

(После 8-го февраля 1915 г.).

II армейский корпус.

Командующий корпусом . .	Ген. от инф. Флуг.
Начальник штаба корпуса .	Ген.-майор Дубинин.
И. д. инспектора артиллерии.	„ „ Тихонравов.

26-я пехотная дивизия.

Командующий дивизией . .	Ген.-майор	Тихонович.
Командир бригады	„ „	Туров.
„ 26 артил. бригады.	„ „	Заец.

43-я пехотная дивизия.

Начальник дивизии	Ген.-лейтенант	Слюсаренко.
Командир бригады	Ген.-майор	Тернавский.
„ 43 артил. бригады.	„ „	Ватаци.

84-я пехотная дивизия.

Командующий дивизией . .	Ген.-майор	Козлов.
Командир бригады	„ „	Есаулов.
К-щий 84 артил. бригадой.	Полковник	Старов.

III-й армейский корпус.

Командир корпуса	Ген.-лейтенант	Зегелов [1]).
Начальник штаба корпуса .	Ген.-майор	Эггерт.
Инспектор артиллерии . .	Ген.-лейтен.	граф Доливо-Добровольский-Евдокимов.

56-я пехотная дивизия.

Командующий дивизией . .	Ген.-майор	Иозефович.
Командир бригады	„ „	князь Макаев.
Командующий бригадой . .	Полковник	Клейненберг.

73-я пехотная дивизия.

Командующий дивизией . .	Ген.-майор	Левицкий.
Командир бригады	„ „	Яновский.
К-щий 73 арт. бригадой .	Полковник	Клоченко.

XXVI-й армейский корпус.

Командир корпуса	Ген. от инф.	Гернгрос.
Начальник штаба корпуса .	Ген.-майор	Добрышин.
Инспектор артиллерии . .	„ „	Гилленшмидт.

[1]) Вместо ген. от инфантерии Епанчина.

28-я пехотная дивизия.

Начальник дивизии . . .	Ген.-лейтенант Лашкевич.
Командир 1 бригады . . .	Ген.-майор Ерогин.
„ 2 „ . . .	„ „ Россійскій.
К-щий 28 арт. бригадой . .	Полковник Насекин.

64-я пехотная дивизия.

Командующий дивизией . .	Ген.-майор Жданко.
Командир бригады	„ „ Невтонов.
К-щий 64 арт. бригадой .	Полковник Алексинскій.

III-й Сибирский армейский корпус.

Командир корпуса	Ген. от инф. Радкевич.
Начальник штаба корпуса .	Ген.-майор Братанов.
Инспектор артиллерии . .	„ „ Злобин.

7-я сибирская стрелковая дивизия.

Начальник дивизии	Ген.-лейтенант Трофимов.
К-дир бригады	Ген.-майор Мясников.
„ 7 сиб. стр. арт. бригады.	„ „ Зарецкий.

8-я сибирская стрелковая дивизия.

Начальник дивизии	Ген.-майор Редько.
Командир бригады	„ „ Пепеляев.
К-р 8 Сиб. стр. арт. бригады.	„ „ Нестеренко.

1-я гвардейская кавалерийская дивизия.

Начальник дивизии . . .	Ген. лейтенант Казнаков.
Командир 1 бригады . . .	Св. его велич. ген. - майор Скоропадский.
Командир 2 бригады . . .	Св. его велич. ген. - майор Арапов.

2-я гвардейская кавалерийская дивизия.

Командующий дивизией . .	Св. его велич. ген.-майор фон Гилленшмидт.
Командир 1 бригады . . .	Св. его велич. г.-майор кн. Белосельский-Белозерский.
Командир 2 бригады . . .	Св. его велич. ген.-майор граф Нирод.

1-я кавалерийская дивизия.

Командующий дивизией . .	Ген.-майор бар. Майдель.
Командир 1 бригады . . .	„ „ Лео.
„ 2 „	„ „ Нилов.

3-я кавалерийская дивизия.

Начальник дивизии	Ген.-лейтен. Леонтович.
Командир 1 бригады . . .	Ген.-майор Ладыженский.
К-щий 2 бригадой	Полковник Хондаков.

Крепость Гродна.

Комендант крепости . . .	Ген. от инф. Кайгородов.
Начальник штаба крепости.	Ген.-майор Лащилин.
К-р крепостной артиллерии.	Ген.-лейтен. Криштафович.

Крепость Ковна.

Комендант крепости . . .	Ген. от кавал. Григорьев.
Начальник штаба крепости .	Ген. майор Бурковский.
К-р крепостн. артиллерии .	„ „ Данилов.

Бригада 68-й пехотной дивизии.

Кр. к-щий бригадой . . .	К-р 272 пех. Гдовского полка, полковник Александров.

Отдельная пехотная бригада.

Командир бригады	Ген.-майор Кареев.

Приложение № 3.

(к стр. 32).

Боевой состав XX армейского корпуса.

26—27 января 1915 г.

27-я пехотная дивизия.

105 пех. Оренбургский полк.
106 „ Уфимский „
107 „ Тройцкий „
108 „ Саратовский „
27 артиллерийская бригада.

28-я пехотная дивизия.

109 пех. Волжский полк.
110 „ Камский „
111 „ Донской „
112 „ Уральский „
28 артиллерийская бригада.

29-я пехотная дивизия,

113 пех. Старорусский полк.
114 „ Новоторжский „
115 „ Вяземский „
116 „ Малоярославск. „
29 артиллерийская бригада.

53-я пехотная дивизия.

209 пех. Богородский полк.
210 „ Бронницкий „
211 „ Никольский „
212 „ Романовский „
53 артиллерийская бригада.

В составе корпуса:

20 мортирный артиллерийский дивизион.
20 саперный батальон.
2 отдельная саперная рота.
4 Сибирский казачий полк.
25 отдельн. Донской каз. сотня.
1 и 4 сотни 34 Донск. каз. полка.

Приложение № 4.
(к стр. 32).

Нормальный состав XX армейского корпуса до начала операции.

По данным к 24 января:

28-я дивизия.

109	пех.	Волжский	п., 45	оф. 3904	шт.	8	пул.
110	„	Камский	„ 45	„ 3670	„	8	„
111	„	Донской	„ 48	„ 3284	„	—	„
112	„	Уральский	„ 46	„ 3937	„	8	„

26 января был сформирован Сводный полк (по одному б-ну от каждого полка) и командирован в III Сиб. корпус.

28 артил. бригада — офиц. 42, оруд. 36.

1 сотня 34 Сибирского казачьего полка.

1 февраля туда же были командированы, кроме 2-х батальонов 110 и 3-х батальонов 112 полка и 3 и 4 батарей 28 арт. бригады.

29-я дивизия.

113	пех.	Старорусск.	п., 57	оф. 3232	шт.	8	пул.
114	„	Новоторжск.	„ 51	„ 3313	„	8	„
115	„	Вяземский	„ 63	„ 3091	„	8	„
116	„	Малоярослав.	„ 44	„ 3200	„	8	„

Один батальон был командирован в распоряжение к-ра III Сибирск. корпуса.

29 артил. бригада — оф. 51 ор. 426 орудий.
20 мортирный дивизион.
1 сотня 34 Сибирского казачьего полка.

} В числе 42-х полевых орудий и 6 пор-шневых вернулись в Гродно.

53-я дивизия.

209	пех.	Богородск. п.,	42 оф.	2927 шт.	8 пул.	
210	„	Бронницк. „	42 „	3100 „	5 „	
211	„	Никольск. „	40 „	3410 „	5 „	
212	„	Романовск. „	54 „	3149 „	8 „	

} 26 января был сформирован Сводный полк (по одному б-ну от каждого полка) и командирован в распоряжение к-ра III Сибирск. корпуса.

53 артил. бригада, оф. 34 ор. 36; 1 мортирн. дивизион. 3 Сибирск. бриг. оф. 21 ор. 18.
1 сотня 34 Сибирск. казачьего полка.
2 отдельная саперная рота.

Что касается 27-й дивизии (105, 106, 107 и 108 полки). то она почти все время „временно“ также включалась в состав XX корпуса. К 17 января она была возвращена III армейскому корпусу, составляя армейский резерв.

Из ее состава в начале германского наступления были направлены в распоряжение командира III арм. корпуса: 107 полк—4 батал. и 2 бат. 105 полка. 27 января дивизия была придана XX армейскому корпусу.

К 27 января у ген. Джонсона оставались:

27-я дивизия.

105	полка	2	батальона
106	„	3	„
108	„	4	„

27 артил. бригада 35 орудий
20 мортирн. дивиз. 6 гаубиц
Ковенской артил. 2 гаубицы
34 Донской казачий полк 2 сот

При штабе XX корп. наход.: 1 сотня 34 Сибирск. каз. п.
25 отдельн. казачья сотня.
7 отдельн. телеграфн. рота.

Приложение № 5.
(к стр. 32).

ТАБЛИЦА

батальонов, выделенных из состава XX корпуса.

Наименование частей.	Выдедено бат. 26 января.	Выдедено бат. 1 февраля.	Всего выделено.	Штат.	Осталось.	
28 пех. дивизия.						
109 Волжский	1	3	4	4	0	Первоначально батальоны были выделены для образования Сводного полка, отправленного на левый фланг; вторично в резерв командующего армией.
110 Камский	1	1	2	4	2	
111 Донской	1	3	4	4	0	
112 Уральский	1	—	1	4	3	
29 пех. дивизия.						
113 Старорусский . . .	—	—	—	4	4	Направлен в Лык с четырьмя пулеметами.
114 Новоторжский . .	—	1	1	4	3	
115 Вяземский	—	—	—	4	4	
116 Малоярославский .	—	—	—	4	4	
27 пех. дивизия.						
105 Оренбургский . . .	2	—	2	4	2	Все шесть батальонов были взяты генералом Епанчиным для атаки Ласденских лесов еще до начала отступления. К дивизии не присоединились.
106 Уфимский	—	—	—	4	4	
107 Троицкий	4	—	4	4	0	
108 Саратовский . . .	—	—	—	4	4	
53 пех. дивизия.						
209 Богородский . . .	—	—	—	4	4	Батальоны вошли в состав Сводного полка, отправленного на поддержку левого фланга.
210 Бронницкий . . .	2	—	2	4	2	
211 Никольский . . .	1	—	1	4	3	
212 Романовский . . .	1	—	1	4	3	
	14	8	22	64	42	

Приложение № 6.
(к стр. 32).

Численный состав XX армейского корпуса.

к 1 февраля 1915 года.

27-я пех. дивизия.

105	Оренбургский п. .	2	бат.	25	офиц.	1572	нижн.	ч
106	Уфимский п. . . .	4	„	44	„	3943	„	„
108	Саратовский п. . .	4	„	50	„	3800	„	„

28-я пех. дивизия.

110	Камский п. . . .	2	„	22	„	1835	„	„
112	Уральский п. . .	3	„	34	„	2953	„	„

29-я пех. дивизия.

113	Старорусский п. .	4	„	57	„	3232	„	„
114	Новоторжский п. .	3	„	40	„	2485	„	„
115	Вяземский п. . .	4	„	63	„	3091	„	„
116	Малоярославский п.	4	„	44	„	3200	„	„

53-я пех. дивизия.

209	Богородский п. . .	4	„	42	„	2927	„	„
210	Бронницкий п. . .	2	„	21	„	1550	„	„
211	Никольский п. . .	3	„	30	„	2556	„	„
212	Романовский п. . .	3	„	41	„	2361	„	„
		42	„	513	„	35505	„	„

Приложение к № 7.
(к стр. 32).

Боевой состав (приблизительный) XX-го армейского корпуса.

6 февраля 1915 года (утром).

27 пех. дивизия.

105	Оренбургский полк	400	штыков.
106	Уфимский „	800	„
108	Саратовский „	800	„

28 пех. дивизия.

110	Камский	полк	1400 штыков.
112	Уральский	„	1200 „

29 пех. дивизия.

113	Старорусский	полк	700 штыков.
114	Новоторжский	„	1300 „
115	Вяземский	„	1000 „
116	Малоярославск.	„	600 „

53 пех. дивизия.

209	Богородский	полк	800 штыков.
210	Бронницкий	„	800 „
211	Никольский	„	1000 „
212	Романовский	„	800 „

11.600 штыков.

Примечание. Цифры взяты из показаний опрошенных при производстве расследования и могут служить лишь приблизительно для определения состава корпуса к утру 6-го февраля, но за точность отвечать нельзя.

Приложение 8.
(к стр. 19).

Телеграмма 6 января 1915 года № 6946.

Генерал Орановский — Генералу Сиверсу.

Слабые сравнительно результаты разведки конницы в ближайшем к Неману районе следует, кроме крайней пассивности ее, об'яснить более выгодным расположением конницы противника, уступом вперед по отношению фронта

расположения своей пехоты. Не взирая на то, что у немцев имеется здесь всего лишь 4 кавалерийские бригады против наших двух кавалерийских дивизий, поддержкой коим служит не несколько ландштурменных батальонов, а целый корпус в районе Шталюпенена. В виду изложенного, Главнокомандующий приказал принять меры к оттеснению конницы противника за реку Инстер и производству более энергичной разведки конницей в тылу левого фланга противника. Прошу указать также теперешнюю линию раз'ездов нашей конницы.

Приложение № 9.
(к стр. 25).

Телеграмма—Генералу Сиверсу.

9 февраля 1918 года. В течение последних дней, общие задачи, которые Вы ставили своей армии и те частные задачи, которые ставились корпусам, как вытекающие из общей задачи, не только не доводились до конца, но отменялись и заменялись другими, в самом начале их исполнения. Таким образом отсутствовали определенность и твердость, как Ваших решений, так и действий подчиненных Вам начальников. Вместе с тем совершенно ясно обозначилось неправильное пользование крепостью Гродна. Полевая армия может действовать, опираясь на крепость, которая должна иметь минимальный гарнизон, обеспечивающий ее от захвата, но вводить в крепость два полевых корпуса совершенно недопустимо, т. к. при наличии противника, невдалеке от крепости, она легко может обратиться в ловушку для полевых войск. Представить мне срочно Ваши предположения для дальнейших действий, согласно поставленной мною в директиве задачи 10 Армии. К сему должен добавить, что требовалось употребить все усилия, не взирая ни на какие препятствия, для выручки XX-го корпуса, который по Вашим же сведениям вел упорный бой в 8 или 10 верстах впереди Вашей Армии, что было вполне возможно, имея два свежих корпуса. № 70-Б.

Генерал-Ад'ютант Рузский.

Приложение № 10.
(к стр. 30).

Боевой состав обнаруженных частей германской армии по данным к 14 февраля.

XXI-й корпус:	31 див.: — 32 п. бр.	70 п. п.	62 п. бр.	60 п. п.
		174 п. п.		137 п. п.
				166 п. п.
	42 див.: — 59 п. бр.	97 п. п.	65 п. бр.	17 п. п.
		138 п. п.		131 п. п.

При корпусе 31 кав. бригада: 7 драг. и 7 улан. п.

XXXVIII рез. к.-с.:	75 р. див.	249 р. п.	76 р. див.	252 р. п.
		250 р. п.		253 р. п.
		251 р. п.		254 р. п.
XXXIX рез. к-с.:	77 р. див.	255 р. п.	78 р. див.	258 р. п.
		256 р. п.		259 р. п.
		257 р. п.		260 р. п.
XXXX рез. к-с.:	79 р. див.	261 р. п.	80 р. див.	264 р. п.
		262 р. п.		265 р. п.
		263 р. п.		266 р. п.
I-го арм. к-са:	2-я див. 3 п. бр.	41 п. п.	4 п. бр.	33 фуз. п.
		44 п. п.		44 п. п.

5-я гвард. п бр.: 5-й гв. п. п. и 5-й гв. грен. п.

1-я кавал. див.:
- 1-я бр.: 3-й кир. и 1-й драг. п.
- 2-я бр.: 12-й улан. и 9-й кон. егер. п.
- 41-я бр.: 4-й улан. и 5-й кир п.
- 2-й егерский батальон.

4-я кавал. див.:
- 3-я кав. бр.: 2-й кир. и 9-й улан. п.
- 21-я кав. бр.: 6-й улан. и 6-й драг. п.

Примечание: — действительный состав 8-й и 10-й Германских армий приведен в тексте.

Приложение 11.
(к стр. 36).

Письмо. 23 января 1915 года № 691.

Генерал Сиверс — Генералу Гулевичу.

Из поступающих сведений видно, что немцы действительно усиливают свои войска в Восточной Пруссии. Несомненно, на фронте генерала Епанчина появилось от 9 до 12 новых батальонов. Разведкой у Вейсупена обнаружено усиление немецкой пехоты и появление 6 орудий, чего прежде не было. В виду этого необходимо мне образовать корпусные резервы.

Приложение 12.
(к стр. 43).

Разговор по Юзу. 26 января 1915 г. 11 час. 50 мин. вечера.

Генерала Гулевича с Генералом Сиверсом.

Генерал Сиверс: Силы, атаковавшие Иоганнисбургский отряд, определяются в дивизию и на Кумельск — бригада, всего около корпуса.

Переход в наступление при таком соотношении сил не обещает успеха. Дальнейшее наступление немцев угрожает всему положению 10-й армии, особенно выдвинутому на запад III-му Сибирскому корпусу, которому не под силу отбросить противника за границу.

Между тем необходимо не только остановить немцев, но и отбросить их за линию Руджаны-Фридрихсгоф для безопасности сообщений фронта, так и положения, ныне занимаемого 10 армией. Необходимо или наступление армии Плеве, или спешная переброска не менее корпуса для действия против вновь появившихся немцев. Прошу сообщить, на что могу расчитывать? Сейчас получил телеграмму от Радкевича из Бялы от 7 часов 30 мин. вечера—„57-я дивизия разбита, отступает в беспорядке на Шучин и дальше. Две батареи погибли".

Я собрал все резервы со всего фронта в 160 верст и больше сил не имею. Противник не дремлет и даже на своем левом фланге против III-го армейского корпуса производил усиленные аттаки. Если бы я еще больше ослабил положение боевых линий и их резервов, то рисковал бы прорывом и в других местах. В случае неудачи пришлось бы отходить под угрозой удара во фланг III-го Сибирского корпуса и вряд ли при таких условиях удалось бы отойти левым флангом на Августов.

Генерал Гулевич: Усилить 10-ю армию нельзя—нет на фронте резервов, а потому Главнокомандующий указал чтобы ослабить фронт 10-й армии, оставив лишь заслоны, все остальное должно быть собрано для главной задачи—прикрытия сообщений армий, действующих в Варшавском районе.

Генерал Сиверс: Я приказал снимать осадную артиллерию.

Приложение 13.
(к стр. 53).

Телеграмма. 27 января 1915 года № 826.

Генерал Сиверс—генералу Епанчину.

Об'яснился глубокий обход немцами нашего левого фланга очень большими силами. Противостоять этому обходу нечем; 57-я дивизия в беспорядке очистила в один день Бялу, Щучин и ушла на Осовец. Для выхода из создавшегося положения приходится отвести армию на запад, особенно левый фланг, находящийся в опасном положении. Отход будет начат сегодня ночью, распоряжение последует. Прикажите немедленно в порядке отодвинуть все обозы, тыловые учреждения в тыл Вержболовским позициям. Примите меры по эвакуации Шталюпенена; прикажите начальникам спешно обдумать исполнение плана отхода. Дальнейшие распоряжения последуют.

Телеграмма. 27 января 1915 года № 850.

Генерал Будберг—генералу Булгакову (В Гольдап).

Командующий армией приказал XX-му корпусу к утру 29-го числа занять Гольдапскую и Грабовенскую позиции. 27-я дивизия включается в состав вашего корпуса.

III-й армейский корпус к утру 29-го отойдет на Шталюпененскую позицию, а XXVI-й корпус на линию Орловен-Ней-Юха. Промежуток между вашим фронтом и III-м корпусом будет обеспечиваться полком конницы с батальоном из корпуса генерала Епанчина. Тыловой путь и район действий остается прежний, включая 27-ю дивизию.

Приложение 14.
(к стр. 58).

Приказ. 27 января 1915 года № 2. В Секретно.

По 10-й армии.

Штаб Армии—Маркграбова.

Противник в значительных силах не менее корпуса 25-го сего января перешел в наступление: одной дивизией на Иоганисбург, а другой на Длотовен. Три полка 57-й пехотной дивизии с одним батальоном 28-го Сибирского стрелкового полка, прикрывавшие вышеуказанный фронт, вчера 26-го января, не выдержав натиска противника, принуждены были отойти на Щучин и далее на Осовец. Сегодня, 27-го, обнаружилось наступление немцев силою до дивизии против крайнего правого фланга армии.

В виду изложенного, приказываю войскам армии в течение ночи с 27-го на 28-е и с 28-го на 29-е января совершить указанные ниже передвижения с тем, чтобы к утру 29-го января занять следующее положение:

1) III-му армейскому корпусу занять позицию западнее Шталюпенена, начав отход на нее сегодня же ночью. Для обеспечения промежутка между III-м и XX-м корпусами распоряжением генерала Епанчина выделить особый отряд силою в два батальона и полка конницы с артиллерией. Коннице (1-я и 3-я Кавалерийские дивизии) оставаться в районе Пилькалена и Шиленена и вести разведку между Неманом и шоссе Гумбинен-Шталюпенен, действуя в то же время на тыл и фланг противника.

2) XX-му армейскому корпусу с передаваемой в его состав 27-й пехотной дивизией занять Гольдапскую и Грабовенскую позиции на фронте Баубельн, Тольминкемен, Штумберн, Скетчен, Соколлен и уступную у Грабовена, имея наблюдение за северной частью Ротенбудской пущи до линии озер Крумме—Кутте и Грос Швальг.

3) 26-му армейскому корпусу занять позицию на фронте Орловен, Ней-Юха, имея особый отряд для обеспечения ее правого фланга и наблюдения за Ротенбудской пущей.

4) III-му Сибирскому корпусу занять позицию на фронте Ней-Юха, Лык, озеро Грос Зельмент, имея особый отряд для обезпечения поступов со стороны Нейендорфа.

5) 57-й пехотной дивизии вместе с 31-й бригадой государственного ополчения составить гарнизон в крепости Осовец.

6) 1-й Отдельной Кавалерийской бригаде вести разведку в полосе между дорогой Щучин—Ломжа и рекой Шквой с задачей—обеспечить направление на Новогрод.

Все передвижения, вызываемые новым расположением войск, произвести наивозможно скрытно и в полном порядке, обратив особое внимание на связь между корпусами и отдельными отрядами. Напоминаю, что лучшее обеспечение флангов достигается расположением уступами вне флангов.

Районы действий и тыловые пути корпусов остаются прежние, согласно приказа моего № 39, исключая III-го Сибирского корпуса, для которого часть тылового пути между Лыком и Августовом направляется не через Райгрод, а через Боржимен.

Выполнение всего, связанного с занятием нового положения, произвести с полной энергией и помня, что в исключительные минуты требуется исключительное напряжение и выносливость.

Приложение 15.

(к стр. 62).

Приказ. 27-го января 1915 года. № 4. 10 часов вечера.

XX-му Армейскому Корпусу.

Штаб Корпуса Гольдап.

Противник, силы которого точно установить не удалось, вчера повел наступление в направлении от Иоганнисбурга и оттеснил лево-фланговую дивизию нашей армии, которая принуждена была отойти.

Обнаруживается также более настойчивое наступление противника против крайних право-фланговых частей нашей армии.

2) Наша армия для занятия более сосредоточенного расположения к утру 29-го сего января отойдет несколько

к востоку, в частности, III-й армейский корпус на Шталюпененскую позицию, имея левый фланг возле Вилюнена; XXVI-й армейский корпус—на линию Орловен-Ней-Юха.

Нашему корпусу, со включением в него 27-й пехотной дивизии, приказано к утру 29-го занять Гольдапскую и Грабовенскую позиции, для чего приказываю, к рассвету 29-го января занять:

Генералу Джонсону (27-я пехотная дивизия) фронт Ворен-Тольминкемен-Микунишкен (включительно).

Генералу Розенштильду фон Паулину (29-я пехотная дивизия) фронт Микунишкен (исключительно) — Думбельн включительно.

Генералу Федорову (53-я пехотная дивизия) фронт Думбельн (исключительно) Соколлен.

Генералу Лашкевичу (28-я пехотная дивизия) фронт высота 228 (к северо-западу от Грабовено) Рдзавен.

На указанных фронтах всем дивизиям оказать противнику самое энергичное сопротивление.

На этих позициях, в виду их растянутости, располагаться с промежутками, за которыми, примерно в расстоянии действительного ружейного огня, применяясь к местности, держать частные резервы.

От 29-й, 53-й и 28-й дивизий назначить в мое распоряжение по одному батальону, коим расположиться: от 29-дивизии в Микунишкен, от 53-й дивизии в Гольдапе, от 29-й дивизии в Лёбенталь. Штабам дивизии связаться с этими батальонами телефонами.

Промежуток между правым флангом нашего корпуса и генералом Епанчиным будут обеспечиваться полком конницы с батальоном пехоты из корпуса генерала Епанчина. Промежуток между левым флангом нашего корпуса и XXVI-м корпусом будут обеспечиваться особым отрядом конницы из состава XXVI-го корпуса.

Линии, разграничивающие полосы разведки и охранения, следующие: 27-я дивизия от группы генерала Епанчина: Пиллюпенен, Киндерляукен, Иодзунен включительно для 27-й дивизии. 27-й дивизии от 29-й дивизии: Выштинец, Микунишкен, Эшергален, включительно для 27-й дивизии. 29-я дивизия от 53-й дивизии: Грос Иодуг, Думбельн

Шальтинен, включительно для 29-й дивизии. 53-я дивизия от 28-й дивизии: Гурнен—Кульзен для 28-й дивизии включительно. 28-я дивизия от XXVI-го корпуса: Зеедранкен—Орловен—Якуновкен.

Напоминаю, что разведка должна вестись хотя и небольшими частями (разъезды в 6—7 коней), но непрерывно, во время движения, во время и после боя, ни под каким видом не теряя соприкосновения с противником.

Обеспечение флангов возлагается на 27-ю и 28-ю дивизии, коим непременно иметь хотя бы и небольшие части, поставленные уступом за внешним флангом.

Паркам расположиться: головным эшелонам—распоряжением начальников дивизий, средним эшелоном—29-й парковой артиллерийской бригаде—Теербуде. 20-му мортирному парку—Теербуде. 53-му мортирному парку—Дубенинкен. 3-му Сибирскому парковому дивизиону—Дубенинкен. 28-му парковому артиллерийскому дивизиону—Мерунскен. 3-му Сибирскому парковому тяжелому дивизиону—Мерунскен.

Тыльные эшелоны: 29-й парк. арт. бригаде—Шиткемен. 20-му парк. мортир. дивизиону—Шиткемен. 53-му парк. мортирному дивизиону—Врубель. 28-й парк. артил. бригаде—Пецки. 3-му Сибирскому парк. тяжелому дивизиону—Пецки.

Обозы 2-го разряда: 29-й дивизии—Теербуде; 53-й—Рогайнен; 28-й—Дроздовен.

Дивизионные обозы: 29-й дивизии Шиткемен; 53-й—Пржеросль; 28-й Эмелисте.

Тыловые учреждения 27-й пехотной дивизии—распоряжением начальника дивизии.

Связь: капитан Шавров.

К 8-ми часам утра 29-го января связать штаб корпуса телефоном, телеграфом и летучей почтой со штабами дивизий.

Штаб корпуса с 10 часов утра 29-го января—Гут-Катариненгоф (возле шоссе около полторы версты западнее Дубенинкена).

Заместители: генерал-лейтенанты Лашкевич и Федоров.

Примечание. Этот приказ—отрицательный образец во всех отношениях. Прежде всего он очень длинен. Командир корпуса вмешивается в область

ведения начальников дивизий, указывая, например, места обозов 2-го разряда. В приказ вкраплены указания из полевого устава и инструкции, которым во всяком случае не место в приказе. Разграничительные полосы для разведки и охранения указаны настолько неясно, что начальники дивизий, вероятно, ничего не поняли. Командир корпуса отказывается от ведения собственной разведки. В отделе связи ни одним словом не упоминается о необходимости связаться как с III-м армейским, так и с XXVI-м корпусами. Установление связи влево от себя входило в обязанность штаба корпуса во всяком случае. Неимение связи вправо, с Вержболовской группой, привело к тому, что корпус оказался на крайнем правом фланге армии, не зная, в свое время, о том, что Вержболовская группа откатилась на несколько переходов на восток.

Приложение 16.

(к стр. 79).

Телеграмма. 26-го января 1915 года.

Генерал Сиверса—генералу Булгакову.

Генерал Епанчин донес: в виду продолжающегося обхода его правого фланга большими силами противника, части его корпуса продолжают отход: Левицкий через Пильвишки на Ковна, остальные силы на Мариамполь—Дерсунишки. 27-ю дивизию, или другие части, какие вы признаете возможным, направьте на фронт Кальвейтшен—Нассавен для прикрытия промежутка между Ромынтенским лесом и Выштинецким озером для обеспечения вашего правого фланга. Части эти должны удерживать указанный фронт пока корпус не достигнет южной опушки Ромынтенской пущи.

Отход с ныне занимаемой Гольдапской позиции 29-й, 53-й и 28-й дивизиями начать вечером сегодня 29-го января, если к тому времени не будет получено иного распоряжения.

Телеграмма. 29-го января 1915 года 12 часов 45 мин. дня.

Генерал Сиверс—генералу Булгакову.

Отход вашего корпуса на линию Вижайны-Бакаларжево должен быть совершен в течение двух дней в виду значительного расстояния и трудности пути. Линия Вижайны—Бакаларжево указана для главных сил. Донесите, какую линию назначите при отходе на первый день. XXVI-й корпус ночью с 29-го на 30-е сего января отойдет в район Маргграбова—Гонскен с арьергардами на линии Доливен—Гезен—Рдзавен.

Приложение 17.
(к стр. 84)

Разговор по юзу. 29 января 1915 года.

Генерала Сиверса с генералом Бонч-Бруевичем.

Генерал Сиверс: Я озабочен главным образом отходом правого фланга XX корпуса, т. е. 27-й дивизии, на которую надо возложить задержание неприятеля со стороны Шталюпенена и Вержболово, так как нет сомнения—неприятель будет обходить правый фланг XX корпуса после отступления III армейского корпуса. Ежели так будет, то это помешает мне отойти на Олитскую позицию. Если бы кавалерия могла перейти в район Кальварии, то это оказало бы существенную помощь правому флангу XX корпуса, но связь с Леонтовичем нарушена.

Разговор по юзу. 29 января 1915 года.

Генерала Сиверса с генералом Гулевичем.

Генерал Сиверс: Прошу Вас обратить внимание на то, что значительные силы немцев после отхода Епанчина угрожают глубоким обходом моему правому флангу, почему я оставить XX корпус впереди Ромintенской рощи не могу в том положении, какое он занял сегодня ночью, а должен его отвести за Ромintенскую рощу, иначе я рискую путями сообщения этого корпуса. Немцы угрожают путям сообще-

ния XX корпуса, почему я для спасения армии должен сегодня начать отход, дабы не испытать катастрофы подобно тому, как это было в августе. Из этого Вы можете видеть что наступать 10-я армия в настоящую минуту не может так как она скована на левом фланге у Лыка, а равно немцы вели атаки на фронте XXVI корпуса.

Разговор по юзу. 29 января 1915 года.

Генерала Бонч-Бруевича с генералом Сиверсом.

Генерал Бонч-Бруевич: Я думаю, что сосредоточение у Остроленки и Ломжи не даст немцам возможности развивать свои действия против Вашего левого фланга, и Вам остается только справиться с делом на правом фланге

Приложение 18.
(к стр. 87).

Разговор по юзу. 29 января 1915 года.

Генерала Сиверса с генералом Гулевичем.

Генерал Сиверс: О том, что делается в районе Епанчина я не знаю. Если я решил отходить, то только в виду крайности. Если я буду упорствовать на настоящих позициях, то могу подвергнуть остальные три корпуса риску не только потерять свои сообщения, но и лишиться возможности перехода в наступление совместно с 12-й армией.

Прошу сообщить, чем Вы руководствовались, настаивая на том, чтобы я атаковал противника и помогал расстроенному же и отступившему Епанчину. Какая от этого будет польза, если и части XX корпуса будут расстроены? Я представляю себе обстановку так, что для общей пользы мне нужно отойти от угрожающих обходов, — действительных, а не воображаемых, и сохранить три корпуса для перехода в наступление.

Генерал Гулевич: Во всяком случае, Главнокомандующий считает, что дальше линии Лык — Бакаларжево —

Калькария—Козлова Руда части армии отходить не должны. Перед Вами немцы—тоже второочередные части. Отход на указанную линию считает возможным только в случае крайности и после боев, которые во всяком случае должны задержать наступление немцев.

Генерал Сиверс: Я с фронта задержу их, но так как отход III армейского корпуса освободил фланг правее XX корпуса, не менее трех дивизий, то это заставит меня отойти правым флангом для того, чтобы уклониться от обхода, для парирования которого нужно иметь лишний корпус.

Разговор по юзу. 29 января 1915 года.

Генерала Сиверса с генералом Гулевичем.

Генерал Сиверс: В дополнение к разговору, должен добавить, что не могу занимать всю линию Лык—Бакаларжево—Кальвария—Козлова Руда, так как эта линия протяжением 140 верст и занять ее тремя корпусами, имеющими к тому же целью переход в наступление, — невозможно. Кроме того, Козлово-Рудская позиция, по донесениям Епанчина, не занята, и Мариампольский район частями III корпуса очищен.

Телеграмма. 29 января 1915 года. № 7565.

Генерал-адъютант Русского генералу Сиверсу.

Вследствие занятия немцами района Просткен—Граево и возможности их дальнейшего движения на Августов и в виду неимения сведений о положении генерала Епанчина, предоставляю Вам действовать по обстановке, считая конечной целью во всяком случае—остановить наступление немцев на линию Осовец—Августов—Сейны—Ковна, опираясь флангами на крепости, удерживая во что бы то ни стало, Августов и при малейшей возможности Сувалки, дабы иметь выгодное исходное положение для решительного перехода в наступление одновременно с войсками, сосредоточенными в Ломжинском районе.

Приложение 19.
(к стр. 97).

Доклад. 31 января 1915 года. 6 час. утра.

(Доклад составлен бароном Будбергом. Неизвестно для кого он предназначался и был ли он кому нибудь сообщен).

Получено сведение об обходе правого фланга XX корпуса. 27-й дивизии теперь уже отрезано полтора полка. Короткий отход корпусов нисколько не улучшит положения, так как все время над обоими флангами будет висеть угроза обхода, отразить которую нам совершенно нечем. Теперь единственным исходом остается отход корпусов назад, не останавливаясь перед оставлением Августова и Сувалок, так как успех какого нибудь обхода немцев может привести к бою в таких условиях, когда остается или пробиваться штыками, или погибнуть. Получить надежное, устойчивое положение армия сейчас уже не может; является вопрос, что делать дальше?

Решений два: или принять бой со всеми его последствиями при крайне тяжелых условиях, или отходить назад, чтобы скорее вывести корпуса из очень опасного сейчас положения, способного при неудаче привести к совершенно безвыходному положению.

Сейчас решено начать отход армии назад на линию Августов — Сувалки, а если затем положение не изменится, то и далее, отходя III Сибирским корпусом на Штабин—Липск, XXVI—на Сопоцкин и XX—и в промежуток между Меречем и Гродна.

Подобное очень тяжелое решение даст возможность вывести из крайне тяжелого положения три корпуса и сохранить их для дальнейших операций. Оставление же их на фронте Августов—Сувалки, если обстановка не изменится, может привести к полному уничтожению без всякой пользы для дальнейшего хода событий. Так как это решение не согласуется с указаниями Главнокомандующего, то не откажите доложить начальнику штаба.

Я лично считаю, что если к ночи с 1 на 2 февраля нам удастся оттянуть III Сибирский корпус на Августов,

то это уже будет крупный успех; все дело в том, чтобы боковой авангард не сдал, а если сдаст, то потеряны пути отхода для III Сибирского и XXVI корпусов, ибо к северу уже отход невозможен. Таково сейчас положение. Генерал Будберг.

Приложение 20.
(к стр. 102)

Приказ (по телеграфу). 31 января 1915 года. № 422. XX корпусу.

За 30 января обнаружилось наступление немцев в значительных силах с севера, в направлении Вижайны—Шиткемен. Сведений от генерала Епанчина и генерала Гернгроса не получено.

Генерал Джонсон под натиском отошел на юг от линии Вижайны — Шиткемен. Для поддержки положения генерала Джонсона, генералом Розеншильдом выдвинуты 6 батальонов на фронт озеро Потопы—деревня Равеле и 4 батальона к Марианке.

На 31 января приказываю отходить: главным силам генерала Розеншильда (29-я дивизия) на фронт озеро Сейны—Дакшне (вкл.), выставив арьергард к Слободке и сторожевое охранение линии Трамельвишки (включ.) — Ильгель — Варнетка (включ.). Штаб—Смоляны. Генералу Джонсону (27-я дивизия) на фронт Декменюпки — Полюле (включ.), выставив арьергард в Липово, а сторожевое охранение на линии Фарнетки—Воловня (исключ.). Штаб—Высокая Гара. Генералу Федорову (53-я дивизия) на фронт Помолесье — Сувалки (искл.), выставив арьергард в Прудзишки, сторожевое охранение на линии Воловня (искл.)—Сарнаковизна (включ.). Штаб—деревня Тартак. Генералу Лашкевичу (28-я дивизия) отойти в район Сувалок (район между шоссе Кальвария—Сувалки и Сувалки—Сейны не занимать; предоставляется генералу Федорову), выставив арьергард в Осова и Пржеброды, а сторожевое охранение на линии Чарноковизна (искл.) Александровск—Покалюк (включ.). Штаб—Сувалки.

Генералу Розеншильду и Джонсону начать отход, сообразуясь с обстановкой, памятуя, что целью действий их должно быть уклонение от боя. Генералу Федорову напра-

вить часть (не менее полка) в направлении на фронт Постовня—ф. Ганча для установления связи с генералами Розеншильдом и Джонсоном. С прочими силами отходить согласуясь с обстановкой, отходом генералов Розеншильда и Джонсона. Генералу Лашкевичу начать отход в 1 час дня. Конице генерала Леонтовича, подчиненного командующим армией мне, действовать самым энергичным образом во фланг и тыл немцев, наступающих на наш правый фланг, с целью облегчить отход корпуса на новый фронт. Тыловым учреждениям следовать от Сувалок на Сейны—Копциово—Друскеники. Тыловым и средним паркам не переходить 31 января озеро Сейны. Обозам 2-го разряда генерала Розеншильда—по его усмотрению. Штаб корпуса до 3-х часов дня 31 января в Сувалках, затем переходит в Сейны.

Заместители: Генералы Лашкевич и Федоров.

Примечание. Особой схемы не прилагается. Ориентировка возможна по 10 в. карте, листы 5 и 6.

Приложение 21.
(к стр. 154).

Приказ XX корпусу. 7 февраля 1915 года. 7 часов вечера.

Сегодня, в 12 часов ночи на 8 февраля всем частям вверенного мне корпуса занять исходное положение для прорыва в район крепости Гродно в направлении от ф. Млынек на Курьянки и далее по шоссе на Гродно.

Для выполнения этого прорыва:

1) Арьергарду полковника Дрейера (5 рот 110-го полка, 2 батальона 112-го полка, 2 батальона 210-го полка с приданной артиллерией на 7 февраля) сдерживать напор противника с севера от Рудавки и с северо-запада от Грушки пока хвост колонны не пройдет мост у ф. Млынек, для чего войти в связь с хвостом колонны.

2) Авангард генерал-майора Чижова (113-й, 114-й и 115-й полки) — головой колонны перейти через мост у ф. Млынек в 12 часов ночи и следовать по дороге через лес на Жабицке, Курьянки и далее вдоль шоссе на Гродно.

3) Главные силы: части 27-й пехотной дивизии под начальством полковника Белолипецкого; части 53-й пехотной дивизии и 116-й полк под начальством генерала Хольмсена. Артиллерии, под начальством генерал-майора Фолимонова, следовать в хвосте колонны главных сил под прикрытием частей 212-го полка (две роты из сторожевого охранения). Артиллерийским паркам со снарядами и патронами следовать за артиллерией.

Штаб корпуса будет следовать в главных силах.

5) Патронным двуколкам, лазаретным линейкам и походным кухням следовать за парками.

6) Артиллерии обмотать колеса соломой, чтобы не стучать.

Полная тишина, отсутствие огней и курения является залогом успеха.

7) Все неуказанные в приказе повозки бросить в лесу.

8) Главным силам следовать непосредственно за авангардом; все дистанции должны быть сближены.

9) Пулеметы во время похода должны быть вполне готовы к бою. В случае встречи противника атаковать молча без выстрелов и криков „ура“.

Приложение 22.

(к стр. 164).

Выдержка из статьи немецкого журналиста Стефана Штейнера, напечатанной [1]) в полуофициозной Берлинской газете Local Anzeiger „Последний бой XX русского корпуса“.

27-я русская дивизия на полях Махарце вела бой на жизнь и смерть с германцами. А в это время XX корпус мог еще уклониться от того, чтобы быть окруженным, но он увлекся повторными встречными ударами в направлении на Рачки, стремясь отбросить наседавших на него немцев. В это самое время немцы форсированными маршами до 62-х километров в сутки бежали по шоссе, занесенному снегом в полтора аршина глубиною, ему наперерез с севера через Кальварию—Мариамполь. Правда, при таком молниеносном ходе операций, подвоз продовольствия не мог быть налажен своевременно, и германским войскам пришлось перенести большие лишения.

[1]) Март 1915 года.

Погода крайне неблагоприятствовала операции: сначала поднялась снежная мятель и снежные заносы, каких не запомнят даже и в этой привыкшей к снегу стране. А через три дня подул южный ветер и образовалась оттепель, которая обратила все поля в безбрежные озера.

XX корпус, предоставленный только своим силам, стремился по всем дорогам и тропинкам в густых Августовских лесах на восток навстречу своей судьбе. Выход с юга ему был закрыт вдвойне: с одной стороны, германскими войсками, занимавшими дорогу к Липску, а с другой Бобром, переправу через которую обстреливали немцы. Единственная возможность пробиться заключалась лишь в прорыве германского фронта, во что бы то ни стало, в направлении Сопоцкин—Голынка—Бартники.

Это героическое решение и принял генерал Булгаков, чтобы спасти хотя остатки своего корпуса. Русские колонны вышли наопушки лесов у Волкуша и Жабицке, отбросив свой обычный метод наступления с самоокапыванием.

Русские энергично двинулись вперед, отыскивая укрытия, лишь применяясь к местности, которая была очень волнистой в районе Волкуш—Бартники—Марковцы—Старожинцы. Немецкие пулеметы, гаубицы и полевые орудия беглым огнем стрелял сначала на расстоянии 1200 шагов, потом на 900, на 700 шагов по густым колоннам русских. Бинокли были отброшены: можно было невооруженным глазом наблюдать, как русские, дойдя на 150 шагов до немцев, целыми кучами ложились под германским огнем.

После двухчасового беглого огня все было кончено. Последняя отчаянная попытка Булгакова пробиться к Гродне не удалась: ставка в несколько тысяч человек была бита в этой игре. Часть XX корпуса была спасена, но это стоило 7.000 человек, которые легли на пространстве двух квадратных верст.

Вся эта попытка прорыва явилась чистым безумием и в то же время геройским подвигом, который показывает нам русского солдата в том же освещении, каким он являлся при Скобелеве, во времена Плевненских атак и в эпоху покорения Кавказа и штурмов Варшавы.

Из этого видно, что русский солдат может сражаться и даже хорошо сражаться. Он выдерживает потери и держится еще тогда, когда смерть является для него неизбежной".

Приложение 23.
(к стр. 168).

Общий подсчет потерь в XX армейском корпусе.

С 31 января по 8 февраля 1915 года.

В пехоте:	офицеров	состояло . .	513
„	„	убыло . .	349
„	солдат	состояло . .	35.505
„	„	убыло . .	27.998
В артиллерии:	офицеров	состояло.	204
„	„	убыло .	124
„	солдат	состояло .	9.311
„	„	убыло . .	5.701
„	лошадей	состояло .	8.159
„	„	убыло . .	5.446
„	орудий	состояло .	158
„	„	убыло . .	158
В обозах:	пехоты	утрачено . . .	1.232 повозки.
„	в артиллерии	утрачено .	627 „

Примечание: 1) Потери в личном составе показаны в общих цифрах без подразделения на убитых, раненых и оставшихся в плену,—за неимением об этом сведений.

Эти сведения отсутствуют также в отношении кавалерийских и инженерных частей.

2) К 31 января в составе корпуса было 42 батальона. Кроме сводных полков выделенных из 29-й и 53-й дивизий и направленных в район Лыка, из корпуса была взята бригада 28-й пехотной дивизии (109-й и 111-й полки), а также 107-й пехотный Троицкий полк, оставшийся в III армейском корпусе и разделивший с ним его судьбу.

7702/176

[illegible]
к книге
7702/176
14 [illegible]

Схема 1.
Общее расположение сторон к 23 янв. (5 февр.) 1915 г.
Ковно
Гильзинь
Сувалки
Владиславов
Мариамполь
Кальварія
Даркемен
Гольдап
Инстербург
Филипово
Сувалки
Сейны
Августов
Лык
Райгрод
Гродно
Остроленка
Ломжа
Щучин
Осовец
Разведочная служба 10 отд. 3 кав. бр.
Масштаб 1: 1050000

Схема 2.
Тыловые пути корпусов X-ой армии.
Владиславово
Ковно
Руда
Пилькаллен
III к.
Шталлюпенен
Пильвишки
Вильковишки
Гумбинен
Прены
Иглишки
Мариамполь
Виштынец
Кальвария
Олита
Симно
Гольдап
Вижайны
XX к.
Лодзее
Серее
Ковален
Сувалки
Сейны
Меречь
Маркграбова
Рачки
Махарце
Копциово
Горчица
XXVI к.
Лык
Августов
Гожа
Райгрод
Граево
Домброво
Гродна
Бяла
Шукин
III с. к.
Осовец
Гонионадз
(25 с. д.)
Масштаб 1: 1050000
Фронт 10-ой армии к 25 (7.II) янв.
Сосредоточение
XXI к.
XX к.
III с. к.
из Белостока
из Вильны
Оранц

Схема 3.
Положение XX к.
к
вечеру 27го янв. (9.II)
герм. армия
кон. отр. Леонтовича
и
Бискупский
КОВНА
Шталюпенен
МАРИАМПОЛЬ
Виштынец
КАЛЬВАРИЯ
ОЛИТА
СИМНО
Вижаины
Дубенинкен
Гольдап
Филиппово
СУВАЛКИ
СЕЙНЫ
МЕРЕЧЬ
Лейпуны
Неман
III корп.
XXI корп.
для 29 и 53 п.д.
для 28 п.д.
Масштаб 1: 1050000
верст
25 20 15 10 5 0
25
верст

Схема 4.
Действия на флангах 25 (7.II) и 26 (8.II) января 1915 г.
Неман
Кон. отр.
Владиславов
Вильковишки
Мариамполь
Кальвария
Гольдап
Граево
Летцен
Сувалки
Маркграбово
Августов
Райгрод
Щучин
Осовец
Кольно
Николайкен
Иоганнисбург
Вробельн
Пионтковизна
III а.к.
XX а.к.
III с.к.
XL р.к.
80
79 р.д.
2 п.д.
VIII герм. армия
Даркемен
Валтеркемен
Шталюпенен
Шиленен
Вилькален
Мальвишкен
Гумбинен
Виданы
Лык
Арис
Масштаб 1:1050000

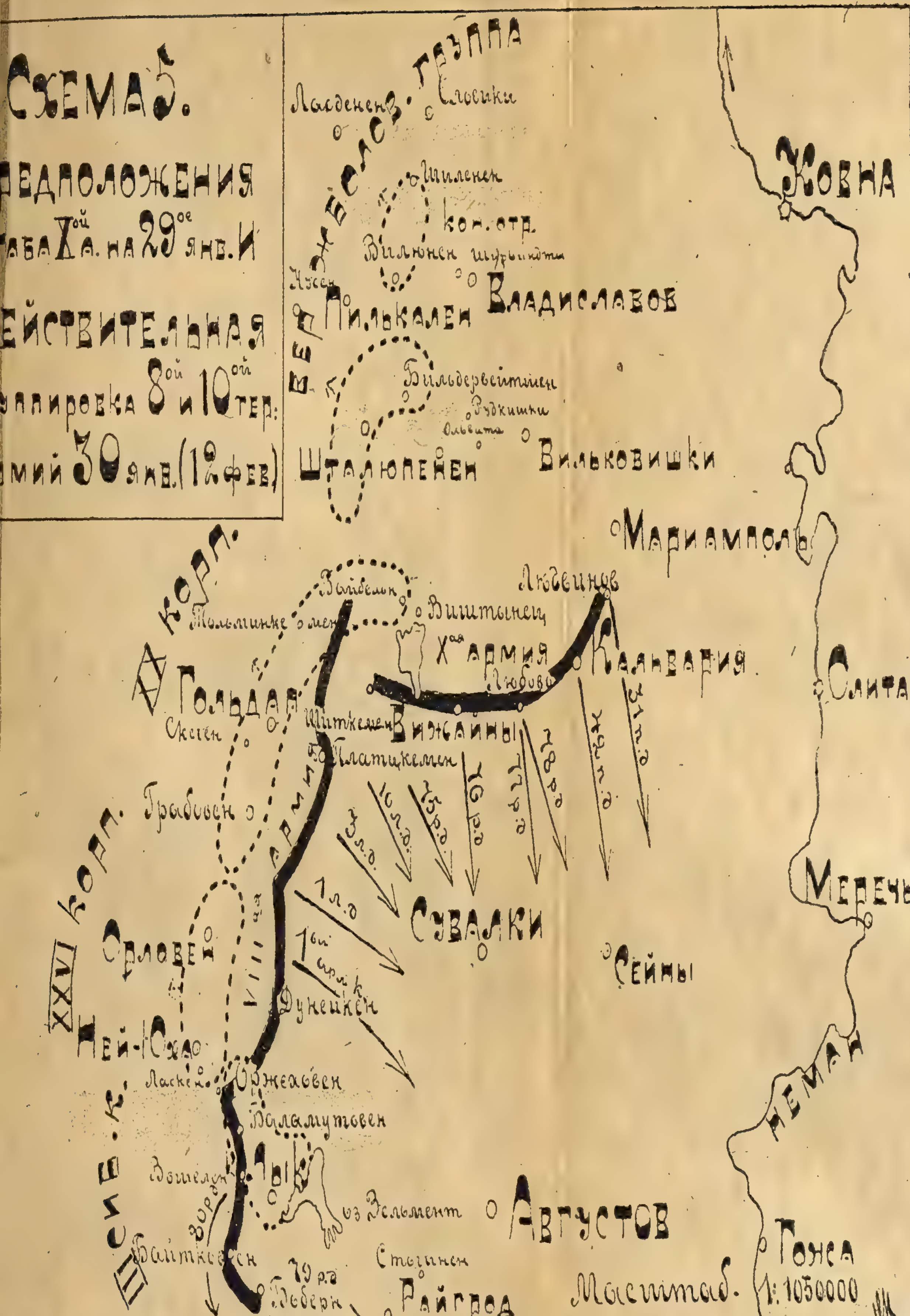


Схема 5.
едположения
абаX оӣ а. на 29 ое янв. и
ействительная
уппировка 8 ой и 10 ой тер:
мий 30 янв. (1 го фев.)
группа
Ласденен
Слоеики
Шиленен
кон. отр.
Виллюнен
Шурвиндтен
Кусен
Пилькален
Владиславов
Бильдервейтшен
Рудкишки
Ольвита
Штаплюпенен
Вильковишки
Ковна
Мариамполь
Любенинов
Вейбельн
Томмиенке
Виштынец
X армия
Кальвария
Любово
Гольдап
Скесен
Шиткемен
Вижайны
Платикемен
Грабовен
Слита
III к.
Сувалки
Меречь
Орловен
XXVI корп.
1 ой арм. к.
Сейны
Дунейкен
Ней-Ихло
Ласкен
Оржеловен
Баламутовен
Вошелен
Зельмент
Августов
Байткевен
Стиннен
Боберн
Райгрод
Масштаб.
Гожа
1: 1050000
Неман

Схема 6.
Положение правого фланга 10ой р. армии 29.I / 11.II.
Ковна
Козлова Руда
Владиславов
Версники
Части III к.
Пилькален
Xая герм. армия
Кибарты
Вильковишки
Шталюпенен
Вержболово
Части III к.
Мариамполь
Калькария
Олита
Леонтович
XX к.
Голдап
Филиппово
Сувалки
Сейны
Меречь
XXVI к.
III с. к.
Августов
Райгород
Граево
Бяла
Гродна
Неман
Бобр
Осовец
Масштаб 1:1050000

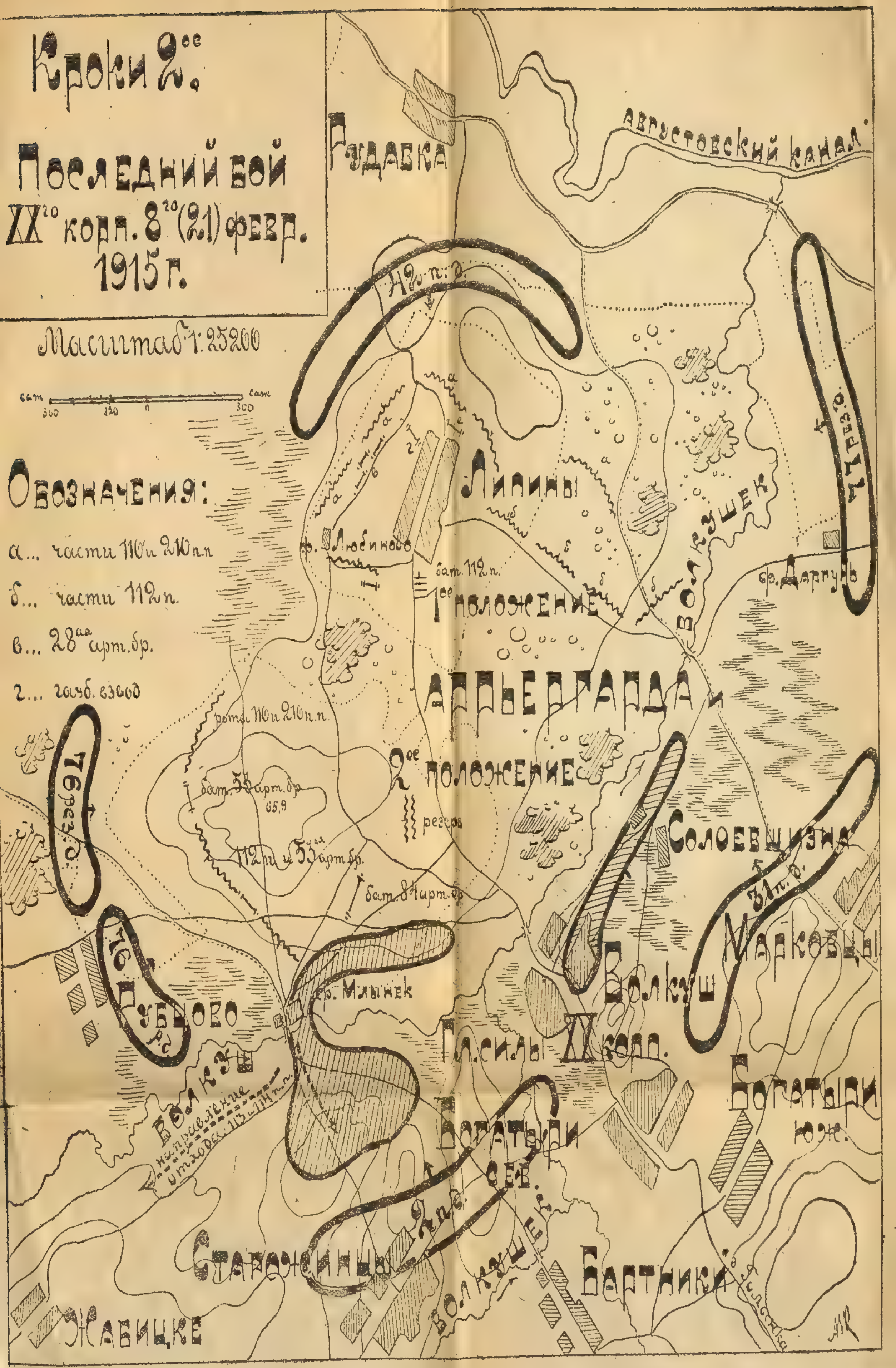
Схема 7.
Положение группы Радкевича к 30.I/12.II.
Развитие обхода левого фланга армии
Грабницк
2 бат-а I корп. (30.I)
Бартосен
оз. Ламмаден
лев. фланг
III сиб. корп.
Лык
Шелясен
2 п.д.
Байтковен
Шейен Боберн
Косиновен
5 п.б.
Беркен
80 р.д. (28.I/10.II)
Простхен
Райгрод
79 р.д и 3 кав. бр. (31.I/13.II)
XL р.к. (27.I/9.II)
Граево
4 кав. д (31.I/13.II)
Части гарн. Осовца
Скаржинен
79 р.д (28.I/10.II)
Гр. Рогален
Масштаб 1:210000

Схема 8.
асположение сторон
к вечеру 30.I (12.II).
арш-маневр к Августову
VIII-ой и X-ой герм. армий
Ковна
Козлова Руда
части
III арм. корп.
Мариамполь
Кальвария
Симно
Олита
Выштинец
Шиткемен
Вижайны
Любово
Гольдап
Лодзеє
XX корп.
Сувалки
Краснополь
Сейны
Серее
Мерече
XXI корп.
Рачки
III Сиб. корп.
Лык
Августов
Райгрод
Штабин
Липск
Гродна
Граево
части гарнизона Осовца
Бобр
Масштаб 1:1050000
Осовец
Неман
верст

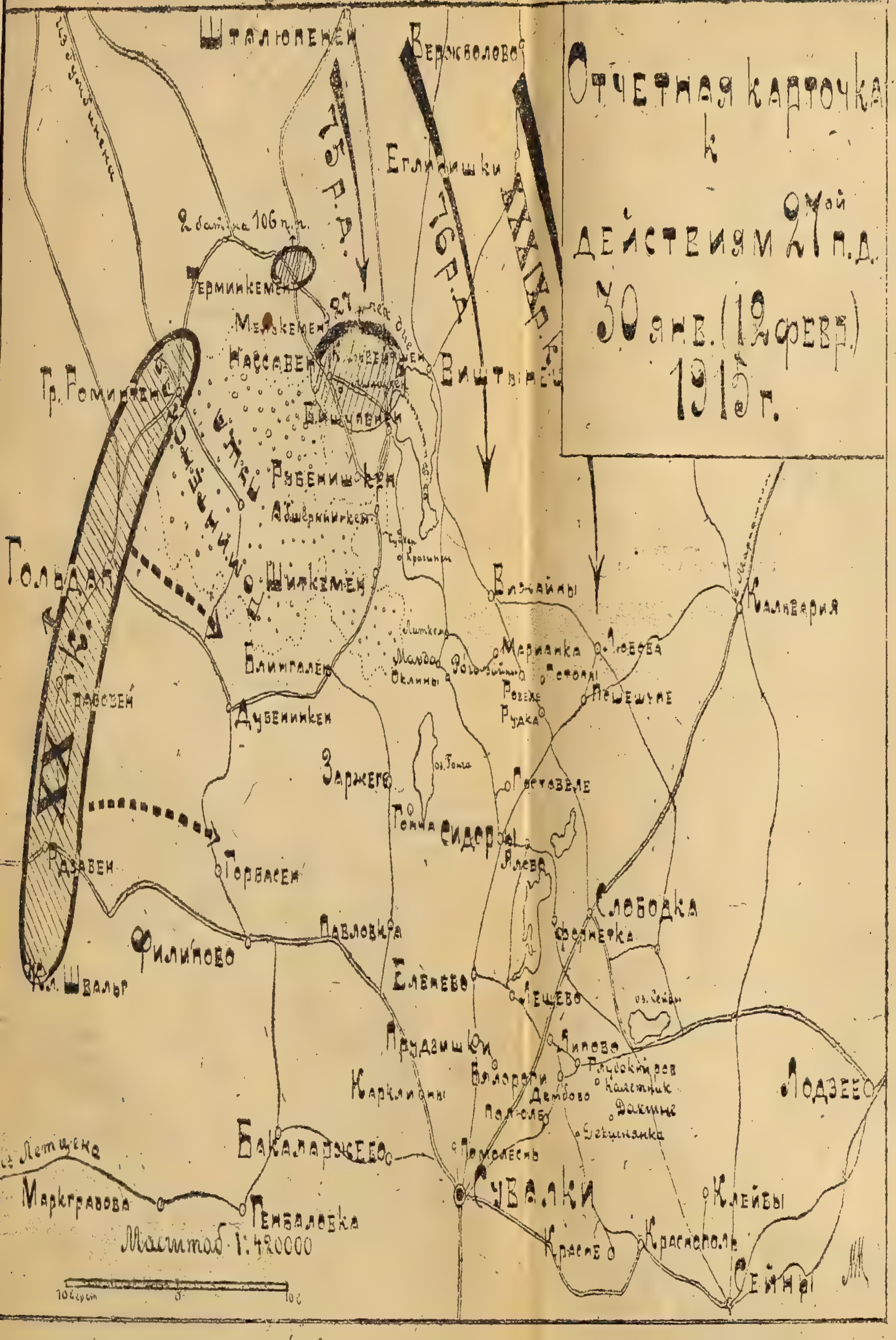
Схема 9.
Группировка сторон
к вечеру 1/14 февр.
Бакаларжево
Сувалки
XXXVIII р.к.
VI р.д.
XXXIX р.к.
78 р.д.
XXI к.
XX к.
Тартак
Красное
Сейны
Рачки
Юзефово
Плоцично
Бризгель
Яблонске
XXVI к.
Калиновен
Грабово
Вилькасен
Клейновен
Николайкен
Голупкен
Лык
80 р.д.
XL р.к.
79 р.д.
Граево
Райгрод
III с.к.
Августов
Берзники
Сейны
Гибы
Макарце
Фрончки
Серебы
Горчица
Сайонек
оз. Сайно
оз. Белое
Студеница
оз. Мицкашево
Масштаб 1:420000

Схема 19.
Развертывание корпусов
армии при наступлении
8 (21) февр. 1915 г.
Августовский кан.
Волькуш
Богатыри
Бартники
Сопоцкин
Ястржембна
Липск
Курьянки
Сельвановцы
Гожа
Дулковщина
Бозарабы
III сиб. к.
Конюшки
Домброво
Дубасно
XXVI к.
XX к.
II к.
Погачи
Лабно
Огородники
Гродна
Масштаб

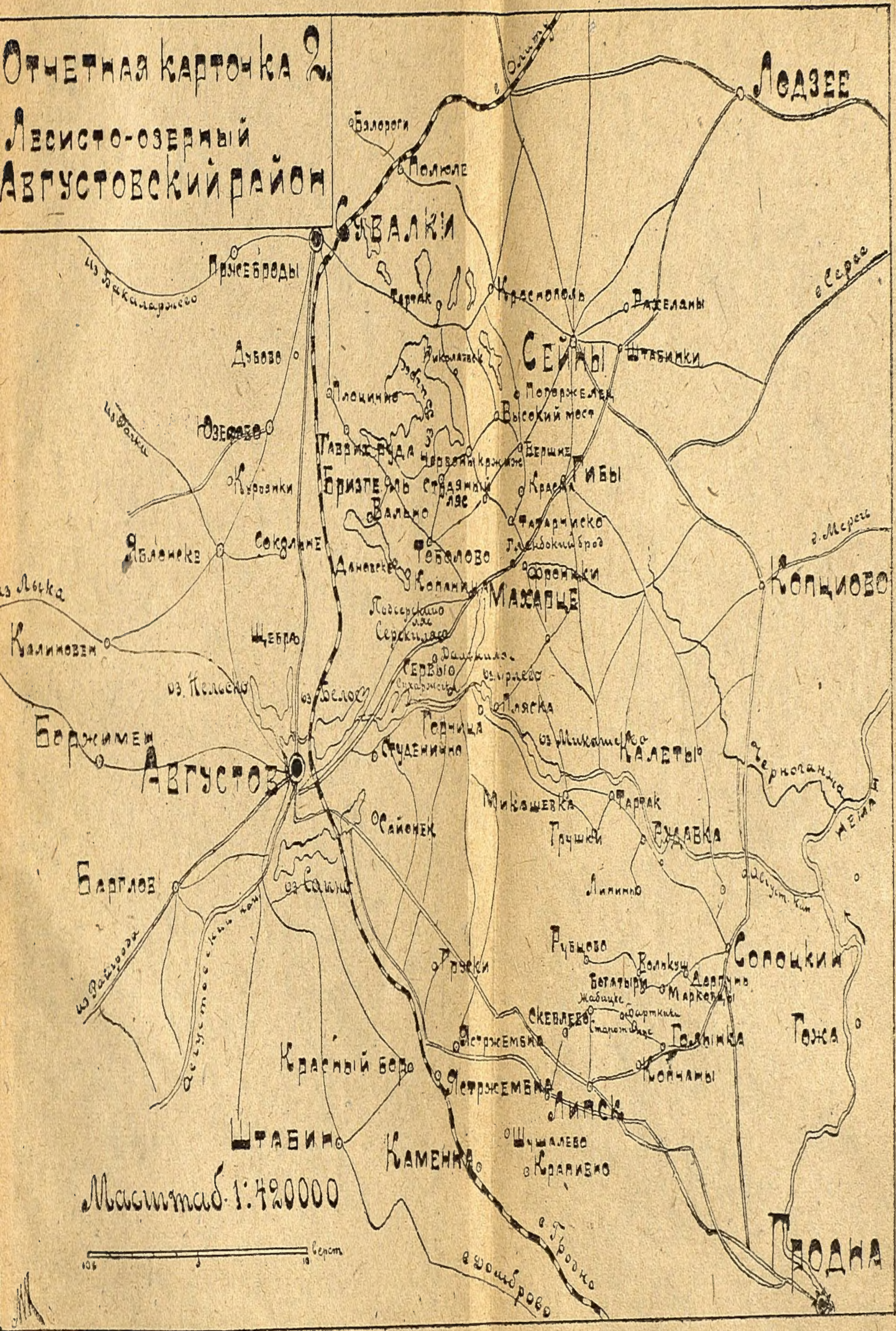
Кроки 1ое
Бой XXго корп.
на „Прорыв"
6(19) февр. 1915 г.
Глав. силы корпуса
Машковский мост
Волькуш
108 п.
Марковцы
Волькуш
209 п.
114 п.
Богатыри
сев.
116 п.
Богатыри
юж.
38.8
70,1
Старожинцы
113 п.
госп. дв.
Бартники
113 п.
Голынка
русские
немцы
Масштаб 1:25200
76,1
Копчаны



Кроки 2ое.
Последний бой XXго корп. 8го (21) февр. 1915 г.
Масштаб 1:25200
Обозначения:
а... части 110 и 210 п.п.
б... части 112 п.
в... 28ая арт. бр.
г... гауб. взвод
Рудавка
Августовский канал
Липины
ф. Любиново
бат. 112 п.
ф. Даргунь
Волкушек
1ое положение
Арьергарда
2ое положение
резерв
роты 110 и 210 п.п.
бат. 53 арт. бр.
112 п. и 53 арт. бр.
бат. 8 арт. бр.
Солоевщизна
Марковцы
Волкуш
ф. Млынек
Рубцово
Гл. силы XX корп.
Богатыри сев.
Богатыри юж.
направление отходов 113-114 п.п.
Староженины
Бартники
Жабицке



Отчетная карточка
к
действиям 27-ой п.д.
30 янв. (12 февр.)
1915 г.
Вержболово
Еглинишки
Вижайны
Кальвария
Любово
Марианка
Пешушне
Рудка
Гоствеле
Сидоры
Слободка
Лодзее
Сувалки
Клейвы
Красное
Краснополь
Сейны
Гольдап
Гр. Роминтен
Дубенинкен
Блиндгален
Шиткемен
Рубенишкен
Филипово
Павловка
Еленево
Прудзишки
Карклины
Бакаларжево
Маркграбова
Масштаб 1:420000



Отчетная карточка 2.
Лесисто-озерный
Августовский район
Сувалки
Лодзее
Полюле
Пржеброды
Дубово
Краснополь
Сейны
Штабинки
Высокий мост
Гибы
Куроянки
Вально
Махарце
Копциово
Калиновен
Щебра
оз. Бело
Августов
Студеничнэ
Калеты
Микашевка
Тартак
Грушки
Рудавка
Барглов
оз. Сайно
Сайонек
Липины
Рубцово
Волкуш
Сопоцкин
Гожа
Богатыри
Маркевичи
Голынка
Ястржембна
Красный бор
Липск
Кончаны
Штабин
Каменка
Шушалево
Крапивно
Гродна
в Гродно
в Домброво
Масштаб 1:420000
верст